

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

4 / 2023

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета

Основан в 2010 году

№ 4 / 2023

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University

Founded in 2010

№ 4 / 2023

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Ширина А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;
Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010.
(The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № ФС77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Ol'ga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@vestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Годилов Т. С., Стафеевичев А. А.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОТРАСЛЕВЫХ АССОЦИАЦИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ	8
<i>Головинов А. В. Г. Н. Потанин</i> КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЦИСТИКИ 1870–1880-х гг.	24
<i>Добрынина М. В., Растимешина Т. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ	36
<i>Коротышев А. П., Рыхтик П. П.</i> МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В «НОВЫХ МЕДИА»: МОНИТОРИНГ И АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ «ЧВК «РЁДАН»»)	48
<i>Наумов А. О., Белоусова М. В.</i> «МЯГКАЯ СИЛА» ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	65
<i>Осипова Н. А.</i> ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЛОББИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ.	80
<i>Прокудин Б. А. Роман Н. С. Лескова</i> «НЕКУДА» КАК РАЗМЫШЛЕНИЕ О «НАСТОЯЩИХ» НИГИЛИСТАХ	91
<i>Хабаров И. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА: ОТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ И ОСВОЕНИЮ	108
<i>Черняховская Ю. С.</i> ИМПЕРИИ И ФАНТАСТИКА	126

ПСИХОЛОГИЯ

Нестерова А. А., Соколова И. В. ЭЙДЖИЗМ И СТИГМАТИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 144

Симатова О. Б. ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА У СТУДЕНТОВ ВУЗА, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО НЕГЛЕКТА 159

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дугалич Н. М. КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕДИЦИНСКОГО ПЛАКАТА 175

Борисова И. В. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО КОНТЕНТА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 195

Зиньковская А. В., Сахно А. А. ПРОБЛЕМЫ МЕДИЙНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 208

Мачулис А. А., Мазирка И. О., Лукин Д. С. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИ РАЗГРАНИЧЕНИИ ФЕМИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УЭЛЬСЕ 219

Ушакова И. Б. О БУДУЩЕМ ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ: ЗАМЕТКИ О ВРЕМЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ К БУДУЩЕМУ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ..... 240

POLITICS

<i>T. Godilo, A. Stafeichev.</i> INTERACTION OF INDUSTRY ASSOCIATIONS AND PUBLIC AUTHORITIES IN PRESENT-DAY RUSSIA: THE MAIN MECHANISMS AND TECHNOLOGIES.....	9
<i>A. Golovinov.</i> G. N. POTANIN AS A POLITICAL THINKER: THE EXPERIENCE OF POLITICAL AND TEXTUAL ANALYSIS OF JOURNALISM OF THE 1870–1880S	25
<i>M. Dobrynina, T. Rastimeshina.</i> POLITICAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE: TRENDS, PROBLEMS, CONTRADICTIONS.....	37
<i>A. Korotyshev, P. Rykhtik.</i> MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN “NEW MEDIA”: MONITORING AND ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE PUBLIC DISCUSSION OF “PMC “RYODAN”)	49
<i>A. Naumov, M. Belousova.</i> SOFT POWER OF THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA: HISTORY AND MODERNITY.....	66
<i>N. Osipova.</i> INSTITUTIONALIZATION OF LOBBYING: SOME QUESTIONS OF THEORY	81
<i>B. Prokudin.</i> NIKOLAI LESKOV’S NOVEL “NO WAY OUT” AS A REFLECTION ON “REAL” NIHILISTS	92
<i>I. Khabarov.</i> FORMATION OF THE CITY: FROM INTERESTED COMMUNICATION TO POLITICAL READING AND DEVELOPMENT	109
<i>Yu. Chernyahovskaya.</i> EMPIRES AND FANTASY.....	127

PSYCHOLOGY

A. Nesterova, I. Sokolova. AGEISM AND STIGMATIZATION OF ELDERLY PEOPLE
BY REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS. . . . 145

O. Simatova. THE IMPOSTOR PHENOMENON IN HIGHER EDUCATION STUDENTS
WITH AN EXPERIENCE OF EMOTIONAL FAMILY NEGLECT 160

PHILOLOGICAL SCIENCES

N. Dugalich. CONSTITUTIVE CHARACTERISTICS OF A MEDICAL POSTER. 176

I. Borisova. LOCALIZATION OF FOREIGN LANGUAGE CONTENT AS A MEANS
OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION. 196

A. Zinkovskaya, A. Sakhno. PROBLEMS OF MEDIA ECOLINGUISTICS IN THE ASPECT
OF SEMIOTIC FIELD 209

A. Machulis, I. Mazirka, D. Lukin. LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION
AS DETERMINANTS IN DISTINGUISHING BETWEEN FEMININITY AND MASCULINITY
OF POLITICAL COMMUNICATION IN WALES 220

I. Ushakova. THE FUTURE IN THE PRESENT: ON FUTURE TIME REFERENCE
IN RUSSIAN AND ENGLISH 241

УДК 328.182

Годилов Т. С., Стафеицев А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, Российская Федерация;
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 24, корп. 4, Российская Федерация

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОТРАСЛЕВЫХ АССОЦИАЦИЙ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка существующих механизмов и технологий взаимодействия отраслевых ассоциаций и органов государственной власти в современной России.

Процедуры и методы. Ключевым исследовательским методом является экспертный опрос с анонимизированными ответами. Проведён анализ ответов респондентов, принявших участие в экспертном интервью «Отраслевой GR 2023». Опрос состоял из 4 блоков, раскрывающих специфику деятельности отраслевого объединения и применяемых GR-технологий.

Результаты. Определены основные GR-технологии, применяемые в рамках отраслевого лоббизма. Сделан вывод об эффективности деятельности бизнес-объединений, а также о существующих политико-правовых рисках для отраслевых союзов и шире – НКО в современной России. Сформированы основные предложения по модернизации диалога бизнеса и власти: принятие закона о лоббизме, совершенствование механизма обратной связи с органами государственной власти, проведение ежеквартальных встреч с крупнейшими отраслевыми объединениями на площадке Правительства Российской Федерации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в сформулированных предложениях по совершенствованию и развитию института лоббизма в Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

группы интересов, регуляторная политика, отраслевые ассоциации, лоббизм, институты

СТРУКТУРА

Введение

Методика исследования

Отраслевой GR 2023: взгляд экспертов

Заключение

T. Godilo, A. Stafeichev

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1 str. 33, Moscow 119991, Russian Federation;
Lomonosovskii pr-t 24 korp.4, Moscow 119991, Russian Federation*

INTERACTION OF INDUSTRY ASSOCIATIONS AND PUBLIC AUTHORITIES IN PRESENT-DAY RUSSIA: THE MAIN MECHANISMS AND TECHNOLOGIES

ABSTRACT

Aim. To assess existing mechanisms and technologies of interaction of industry associations and public authorities in present-day Russia.

Methodology. The key method of the research is the expert survey with anonymized answers. The analysis of the respondents' answers was carried out in the expert interview "Industry GR 2023". The expert survey consisted of 4 blocks, each revealing the specifics of the industry association and applied GR-technologies.

Results. The main GR-technologies, used within the industry lobbying, have been identified. The degree of the efficiency of business associations has been established, and the level of political and law risks for business associations and NPO (nonprofit organizations) in present-day Russia has been assessed. The main proposals for the modernization of the dialogue between business and public authorities have been formed: adoption of a law on lobbying, improvement of the feedback as part of the communication with public authorities, meetings with largest industry associations in the Government organized quarterly.

Research implication. The theoretical and practical significance consists in the formulated proposals regarding the improvement and development of the institution of lobbying in the Russian Federation.

KEYWORDS

interest groups, regulatory state-policy, industry associations, lobbying, institutions

ВВЕДЕНИЕ

Согласно различным прогнозам текущий военно-политический кризис не только окажет негативное влияние на экономику России в краткосрочной перспективе, но также приведёт к снижению темпов среднегодового экономического роста вплоть до 2050 г. Так, экономисты Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук полагают, что среднегодовой рост ВВП России в ближайшие 30 лет составит не более 1,9%¹. Однако регуляторная политика, под которой понимается широкий спектр форм регулирования государством предпринимательской деятельности, может стать дополнительным фактором роста [10].

¹ В институте РАН оценили перспективы экономики России на горизонте 30 лет // РБК: [сайт]. [04.10.2022]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/10/2022/633aeadb9a794755bcd8a805?ysclid=ldn4o9al4h400974708> (дата обращения: 02.04.2023).

Исследователи отмечают возросшую роль групп интересов в рамках формирования государственной политики в современных государствах, указывая на 2 основные причины: появление широкого спектра партикулярных интересов и расширение регуляторной роли государства [7; 8].

В Российской Федерации в настоящий момент сложилась развитая система бизнес-объединений, участвующих в выработке государственной политики в различных отраслях: газовой отрасли, нефтяной отрасли, металлургической отрасли, фармацевтическая отрасль и др. [11].

Отраслевые союзы, согласно законодательству Российской Федерации, относятся к некоммерческим организациям (далее – НКО). Их деятельность регулируется федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ².

В настоящий момент, согласно данным Министерства юстиции, в Российской Федерации зарегистрированы 214151 НКО³, среди них – свыше 12000 союзов и ассоциаций⁴. К наиболее крупным отраслевым и бизнес-объединениям, по данным агентства КРОС, относятся 50 союзов: РСПП, АТОР, ТПП РФ и др.⁵.

Регуляторная политика в отношении индустрии безалкогольных напитков выстроена согласно корпусу существующих федеральных законов и нормативно-правовых актов: Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ⁶, Налоговый кодекс Российской Федерации⁷, Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4.7 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчётов в Российской Федерации» и статьи 5 и 8 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 24.06.2014 № 181-ФЗ.

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/10105879/?ysclid=lfz9ezn7cr372251680#friends> (дата обращения: 02.04.2023).

³ О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴ Там же.

⁵ Топ 50 отраслевых и бизнес-объединений // КРОС: [сайт]. URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/landscape_part_detail/1254 (дата обращения: 02.04.2023).

⁶ Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12112084/?ysclid=lg840iuzcs214314064> (дата обращения: 02.04.2023).

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/10900200> (дата обращения: 02.04.2023).

ской Федерации» (с изменениями и дополнениями)» от 31.12.2017 № 487-ФЗ⁸, распоряжение Правительства от 28.04.2018 № 792-р⁹ и др.

В выработке регулирования принимают участие федеральные органы исполнительной власти, профильные комитеты Государственной Думы и представители бизнес-сообщества. Рассмотренный в данном исследовании кейс – деятельность Союза производителей соков, воды и напитков в формировании регуляторной политики государства (далее – «СОЮЗНАПИТКИ»).

Деятельность «СОЮЗНАПИТКОВ» направлена на решение следующих задач: продвижение позиции индустрии в законодательном поле; противодействие необоснованным ограничениям; модернизацию технического регулирования; борьбу с контрафактом и фальсификатом; наращивание экспортного потенциала членов Союза; реализацию коммуникационной стратегии в рамках отрасли¹⁰.

Одним из современных трендов в контексте выработки государственной политики является т. н. доказательная политика, направленная на принятие решений не на основе идеологии или политической конъюнктуры, а на основе анализа данных, полученных в результате исследований [2].

В соответствии с Уставом «СОЮЗНАПИТКОВ» в отдельное направление деятельности отраслевого объединения можно выделить предоставление экспертной информации органам государственной власти:

- предоставление экспертной информации в рамках формирования предложений по разработке комплекса законодательных мер по совершенствованию системы производства в Российской Федерации и внесению изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность членов Союза;
- предоставление экспертной информации при разработке и принятии изменений в ГОСТ и Технические регламенты ЕАЭС;
- вопросы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования;
- мониторинг состояния отрасли (информирование о проблемах с наличием упаковки, ограничения вывоза оборудования и т. д.)¹¹.

⁸ Федеральный закон от 31.12.2017 № 487-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.7 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» и статьи 5 и 8 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/71848800/?ysclid=lg843i0goo305159450> (дата обращения: 02.04.2023).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71834112/?ysclid=lg845y2uj3676677345> (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁰ Главная // СОЮЗНАПИТКИ: [сайт]. URL: <https://souznapiutki.ru> (дата обращения: 26.02.2023).

¹¹ Устав // СОЮЗНАПИТКИ: [сайт]. URL: https://souznapiutki.ru/company/licenses/191212_Редакция%20Устава_%204%20СПБН.pdf (дата обращения: 26.02.2023).

Кроме того, статус «саморегулирующей организации» предполагает в том числе и активную деятельность Союза в развитии регуляторной среды, что закреплено в Уставе: «участвовать через своих представителей в разработке проектов законодательных актов, федеральных правил (регламентов, стандартов), нормативных документов, регулирующих профессиональную деятельность членов Союза»¹².

Таким образом, группы интересов посредством отраслевых ассоциаций предоставляют органам государственной власти экспертную информацию, повышая качество принимаемых решений в сфере промышленной политики, агропромышленного комплекса и торговли. Данная проблематика недостаточно раскрыта в современной российской политической науке, что определяет актуальность исследований в этой сфере.

В настоящее время написано большое количество работ, в которых представлен анализ деятельности групп интересов и института лоббизма в современной России. Так, часть авторов даёт общую характеристику группам давления [9], в других работах рассматривается процесс институционализации лоббизма в России [6]. Ряд работ посвящён сравнению систем артикуляции интересов в различных политических системах [5]. История лоббизма и групп интересов в России представляет другой блок работ [3; 4]. В отдельную группу можно выделить исследования, в которых сопоставляется лоббистская деятельность групп интересов и коррупция [1].

Однако роль отраслевых ассоциаций в контексте формирования государственной политики до сих пор не стала предметом отдельного изучения. В связи с этим выделяется исследовательская проблема: в настоящий момент вопрос об эффективности представительства групп интересов посредством отраслевых ассоциаций остаётся нерешённым. Под эффективностью представительства предлагается понимать способность влиять на формирование государственной политики.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В январе–марте 2023 г. был проведён экспертный опрос с целью выявить основные особенности представительства интересов посредством отраслевых ассоциаций. В качестве экспертов приняли участие 11 представителей российских отраслевых союзов в сфере пищевой промышленности и FMCG-сектора (Союз операторов торговых автоматов, «СОЮЗНАПИТКИ», «СОЮЗ-МОЛОКО», «Асконд», «ОПОРА РОССИИ» и др.). Данный выбор был обусловлен характером индустрии – отрасли пищевой промышленности и розничной торговли традиционно являются одними из наиболее зарегулированных и,

¹² Устав // СОЮЗНАПИТКИ: [сайт]. URL: https://souznapitki.ru/company/licenses/191212_Редакция%20Устава_%204%20СПБН.pdf (дата обращения: 26.02.2023).

как следствие, представляют особый интерес с точки зрения исследования GR-технологий.

Среди ключевых задач исследования были следующие:

- установить характер деятельности отраслевых ассоциаций на основании ответов респондентов (направления деятельности, особенности взаимодействия с органами власти, применяемые GR-технологии);
- определить эффективность деятельности отраслевых ассоциаций и сформулировать предложения по модернизации диалога бизнеса и власти.

В качестве основного метода исследования был применён экспертный опрос с анонимизированными ответами. Структура анкеты респондента содержала 15 вопросов, 8 из которых являлись открытыми и 7 – закрытыми. Результаты проведённого опроса являются полностью оригинальными. Каждый из выбранных экспертов в дистанционном формате приглашался к участию в экспертном опросе, состоявшем из 4 структурных блоков, в совокупности раскрывающих специфику представляемого респондентами отраслевого объединения:

- 1 блок «Направления деятельности»;
- 2 блок «Ветвь власти»;
- 3 блок «Технологии»;
- 4 блок «Вектор развития».

Каждому из экспертов на почту было отправлено приглашение с просьбой принять участие в экспертном опросе. Ниже была прикреплена ссылка на «Гугл-форму» для сбора ответов респондентов.

В **начальном блоке** экспертного опроса сконцентрированы определяющие представления практикующих специалистов об актуальном состоянии представляемого ими объединения. В ходе опроса были конкретизированы основополагающие аспекты роли отраслевых ассоциаций в представлении отрасли и продвижении её интересов. Для проведения мониторинга экспертам был адресованы конкретные открытые вопросы (без приводимых вариантов ответа), связанные с определением основных целей GR-деятельности представляемого экспертом отраслевого объединения, а также с видением роли ассоциаций в развитии конкретной отрасли.

Во **второй блок** исследования были включены вопросы, относящиеся к формам взаимодействия с органами законодательной и исполнительной ветвей власти, а также к частоте взаимодействия с различными уровнями публичной власти.

Вопросы, сконцентрированные в **третьем блоке**, были ориентированы на периодичность практического применения прямых и косвенных GR-технологий.

Четвёртый блок содержал следующие вопросы:

- Как Вы оцениваете политико-правовую среду деятельности бизнес-ассоциаций в современной России?

- Как Вы оцениваете политико-правовые риски для существования Вашего Союза?
- Как Вы оцениваете эффективность деятельности Вашего Союза?
- Как бы Вы сформулировали предложения по модернизации диалога между бизнесом и властью в современной России?

ОТРАСЛЕВОЙ GR 2023: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ

Превалирующим экспертным мнением в отношении главных целей GR-деятельности отраслевого союза были выделены направления, связанные с формированием консолидированной позиции членов объединения и защитой интересов представляемой отрасли во взаимодействии с регулирующими органами (в пользу данного соображения высказались более 3/4 респондентов). Важность участия в деятельности по формированию нормативного регулирования и экспертизе законопроектов, а также включение в создание условий для добросовестной конкуренции и снижение налоговой нагрузки респонденты выделили в равной пропорции (27%).

Резюмируя, эксперты отметили, что основные цели GR-деятельности определены в уставе отраслевых объединений. Прежде всего это защита интересов предприятий отрасли в органах законодательной и исполнительной власти Российской Федерации всех уровней, содействие и материальная поддержка инициатив и проектов, направленных на развитие отрасли, расширение возможностей членов объединения в производственной, научно-технической и социальной деятельности.

Роль бизнес-ассоциаций была определена экспертами как инструмент, позволяющий устанавливать и поддерживать диалог между отраслью и государством. Было отмечено, что деятельность союзов способствует аккумуляции знаний, накоплению опыта и обмену лучшими практиками. Одним из экспертов было отмечено, что деятельность отраслевых ассоциаций является одним из немногих инструментов диалога с властью, при этом в зависимости от решаемого вопроса и масштаба ассоциации эффективность работы бизнес-объединений может быть различной.

Отвечая на вопросы второго блока, эксперты активно отмечают осуществление взаимодействия с законодательной ветвью власти при реализации GR-стратегии по преимуществу в случае проработки законодательных инициатив, собственных инициатив, а также в целях проведения публичных мероприятий и создания коалиций.

Взаимодействие с исполнительной ветвью власти осуществляется в случае проработки инициатив исполнительной власти, межгосударственных документов, собственных инициатив, а также в целях проведения публичных мероприятий и создания коалиций. В отдельную группу GR-коммуникаций с федеральными органами исполнительной власти можно выделить отправку

запросов относительно правоприменения. Как следует из ответов респондентов, GR-коммуникация выстраивается одновременно как с органами законодательной власти, так и с органами исполнительной власти в силу того, что обе ветви власти встроены в законотворческий процесс и участвуют при подготовке стратегических и программных документов.

Согласно результатам проведённого исследования, респонденты особенно отметили важность взаимодействия с региональными органами публичной власти в рамках выстраивания GR-стратегии в случае наличия интереса в разработке законодательных инициатив в конкретных субъектах, в рамках которых концентрируются предприятия представляемого союза. Помимо инициации законодательной активности присутствует потребность в организации региональной поддержки или воспрепятствовании продвижения федеральных законодательных инициатив, негативно влияющих на экономические процессы компаний, входящих в представляемое отраслевое объединение. В целом на региональном уровне решаются точечные проблемные вопросы, возникающие у предприятий-членов объединения в тактическом, а не стратегическом характере.

Характеризуя взаимодействие со стейкхолдерами на уровне местного самоуправления, респонденты представили поляризованные ответы. Практика представления отраслевых интересов на уровне местного самоуправления имеет следующее разделение: практически равные доли респондентов отметили отсутствие необходимости по разным причинам выстраивать взаимодействие с органами местного самоуправления, но в то же время совокупная доля наличия регулярной либо точечной практики выстраивания связей с органами местного самоуправления составляет большую часть (рис. 1).

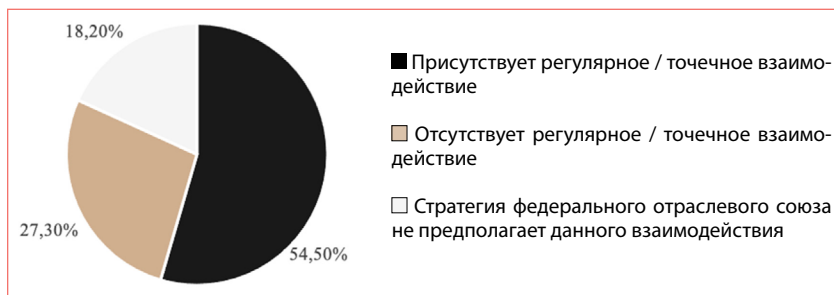

Рис. 1 / Fig. 1. Частота взаимодействия с органами местного самоуправления в ходе реализации GR-стратегии отраслевого объединения / The frequency of interaction with local authorities as part of implementing the GR-strategy of an industry association

По результатам частоты применения экспертами косвенных GR-технологий, к которым отнесена поддержка партий или отдельных кандида-

тов во время выборов, мобилизация общественного мнения, стимулирование низовых коллективных действий по тому или иному вопросу, были выделены результаты, отражённые на рисунке 2.

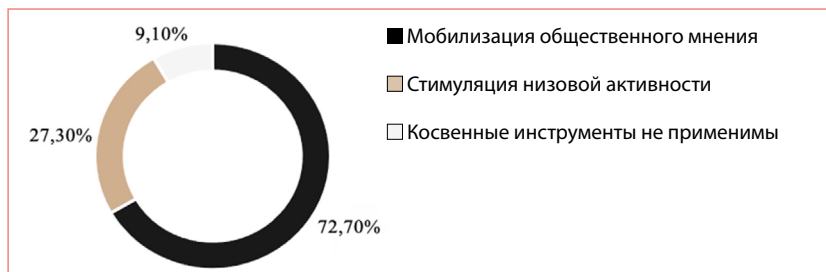

Рис. 2 / Fig. 2. Частота применения косвенных GR-технологий в практике отраслевых объединений / The frequency of use of indirect GR-technologies in the practice of industry associations

Если мобилизация общественного мнения оказалась наиболее востребованным инструментом, то поддержка партий или отдельных кандидатов практически не используется, что объясняется, с одной стороны, спецификой рынка, с другой – особенностью российской политической системы. Присутствует также точка зрения, согласно которой в настоящий момент данные технологии не используются, но применялись ранее в докризисное время.

Говоря о прямых GR-технологиях, к ним традиционно относят непосредственные персональные контакты с представителями органов власти, предоставление законодателям информации по интересующему вопросу, выступления на слушаниях, форумах, саммитах, неформальные встречи на светских, культурных и просветительских мероприятиях. В настоящем исследовании выявлена частота практического применения наиболее востребованных из них в качестве приоритетных для деятельности отраслевого союза (рис. 3).

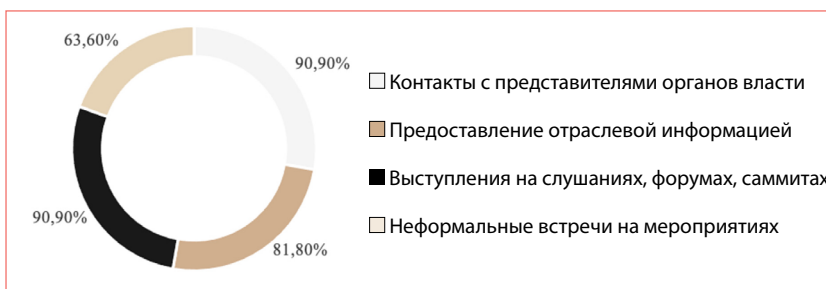

Рис. 3 / Fig. 3. Частота применения прямых GR-технологий в практике отраслевых объединений / The frequency of use of direct GR-technologies in the practice of industry associations

Практически все прямые технологии используются в отраслевом GR. Непосредственные, во многом неформальные контакты с органами государственной власти остаются возможными и применяются представителями отраслевых союзов, несмотря на кризисную обстановку во внешнеполитическом пространстве.

Немаловажной частью данного блока исследования выступает выявление причин возникновения интереса со стороны органов исполнительной ветви власти вступать в коммуникацию с бизнес-ассоциациями. В ходе реализации аналитических задач были выявлены основополагающие причины коммуникативного взаимодействия, заключающиеся в получении экспертной информации с конкретной отраслевой спецификой, обеспечивающей процесс принятия экономических решений в ходе реализации государственной политики, что оказывает эффект на скорость и качество принимаемых решений. В условиях разработки органами исполнительной власти антикризисных мер поддержки бизнеса становится особенно востребованной квалифицированная экспертиза, предоставляемая самим бизнесом в конкретных отраслях экономики, оказавшихся наиболее уязвимыми в постпандемийной обстановке, а также во время санкционного давления со стороны ряда недружественных стран.

Таким образом, бизнес-ассоциации выражают коллективное, согласованное мнение индустрии, а не отдельного предприятия, что является чрезвычайно удобным для органов исполнительной власти. Кроме того, уровень экспертизы отраслевого объединения за счёт привлечения лучших экспертов отрасли сопоставим или превосходит уровень компетенции чиновников, что даёт возможность последним сделать более глубокий анализ последствий принимаемых решений.

Интерес вступления в коммуникацию с сотрудниками бизнес-ассоциаций представителей законодательной ветви власти, согласно мнению опрошенных экспертов, обусловлен причинами персональной публичной активности представителя власти и повышения его личного PR-рейтинга. В данном контексте особенно важной выступает содержательная часть данной активности, заключающаяся в предоставлении аналогичной квалифицированной экспертизы по конкретному социально-экономическому вопросу. В соответствии с полученными результатами проведённого исследования мотивация по большей части не отличается от аналогичной в отношении исполнительной ветви власти; иногда речь может идти о политических мотивах в части набора сторонников той или иной инициативы.

В бизнес-литературе присутствует разделение на проактивный GR, предполагающий работу по введению новых законодательных норм на уровне отрасли или индустрии, и реактивный GR, направленный на препятствование применения новых институциональных ограничений.

Так, 54% респондентов подтвердили актуальность разделения на реактивный и проактивный GR. Ещё около 27% указали на то, что данное разделение целесообразно считать актуальным, рассматривая его по отношению к каким-либо конкретным проектам. 18% респондентов отметили практически полное отсутствие продвижения новых правил игры (проактивной стратегии) либо сведение необходимости в данном разделении к минимуму в настоящий момент (рис. 4).

Рис. 4 / Fig. 4. Частота разделения практик GR-специалистов на реактивную и проактивную / Reactive and proactive GR-specialists' practice: the frequency of division

В рамках четвёртого блока экспертного опроса была осуществлена попытка оценить субъективное восприятие политико-правовой среды отраслевых ассоциаций в современной России (рис. 5).

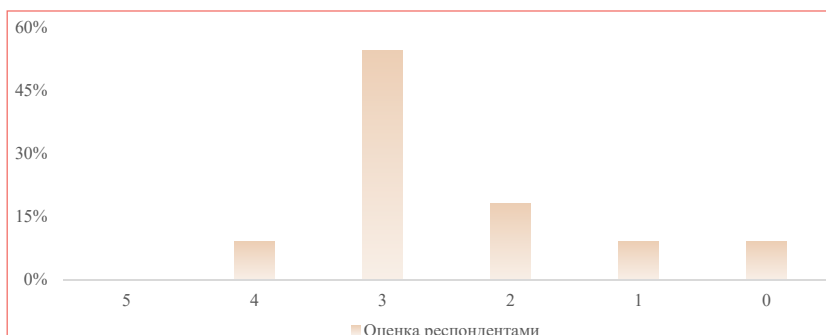

Рис. 5 / Fig. 5. Оценка текущего восприятия политико-правовой среды отраслевых ассоциаций России / Political and legal environment of industry associations in Russia: the assessment of the current perception

Более половины оценили политико-правовую среду деятельности ассоциаций как «низкую», в то время как положительная оценка «4» была представлена только в 1 ответе. Показательно, что никто из экспертов не оценил

уровень политико-правовой среды бизнес-ассоциаций как «высокий» (оценка «5»).

Существующий уровень политико-правовой среды деятельности бизнес-ассоциаций связан с высокой вероятностью политико-правовых рисков для бизнес-объединений (рис. 6).

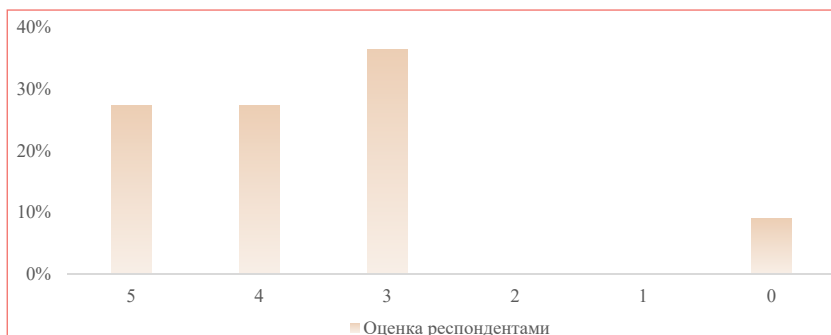

Рис. 6 / Fig. 6. Оценка уровня политико-правовых рисков деятельности бизнес-ассоциаций России / The degree of political and legal risks for business associations in Russia: current assessment

Практически все респонденты оценили риски для существования своего бизнес-объединения как «высокие» (оценка «4») или «очень высокие» (оценка «5»).

Однако, несмотря на высокий уровень существующих рисков и низкий уровень политико-правовой среды, большинство респондентов оценили эффективность деятельности бизнес-объединений как «высокую» (оценка «4») или «очень высокую» (оценка «5») (рис. 7).

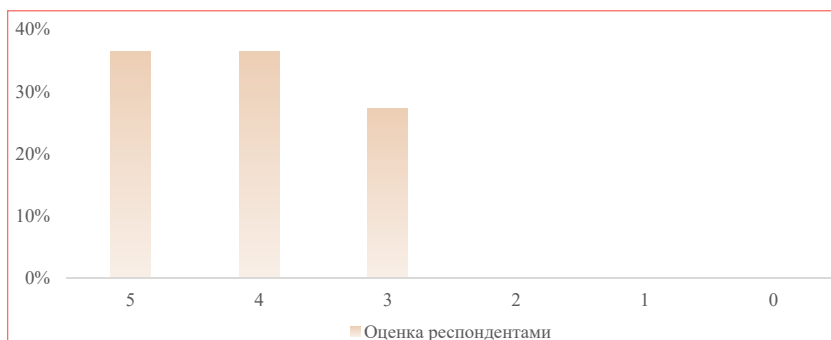

Рис. 7 / Fig. 7. Оценка эффективности деятельности бизнес-объединения / Business associations activity: efficiency assessment

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования были выявлены основные GR-технологии, применяемые отраслевыми союзами в современной России. Мобилизация общественного мнения оказалась наиболее востребованным инструментом среди косвенных GR-технологий, в то время как существующие прямые GR-технологии, по мнению опрошенных экспертов, обладают равным практическим применением. Была подтверждена актуальность теоретического разделения на реактивный и проактивный GR, при этом порядка 20% респондентов указали на отсутствие проактивной стратегии в настоящий момент.

На основании ответов респондентов была произведена оценка восприятия политико-правовой среды деятельности бизнес-ассоциаций и существующих рисков. Респонденты в подавляющем большинстве оценили политико-правовую среду отраслевых союзов как низкую, а риски для деятельности – как высокие. В связи с чем была выявлена необходимость проведения исследований в области государственного регулирования деятельности отраслевых союзов и шире – НКО в современной России.

Несмотря на обозначенные выше риски, респонденты оценили эффективность деятельности отраслевых союзов как высокую, сформулировав следующие концептуальные предложения по модернизации диалога между бизнесом и властью:

- наделение НКО в лице отраслевых объединений функциями регуляторов отрасли наравне с органами государственной власти;
- принятие закона о лоббизме;
- совершенствование обратной связи с органами государственной власти;
- усиление роли института оценки регулирующего и фактического воздействия;
- необходимость проведения ежеквартальных открытых встреч Правительства Российской Федерации с отраслевыми сообществами.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, способствовать совершенствованию и развитию института лоббизма в Российской Федерации.

Среди направлений, перспективных для дальнейших исследований, можно обозначить проведение сравнительного анализа GR-технологий в различных отраслях.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.10.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С. В. Цивилизованный лоббизм – средство или следствие борьбы с коррупцией? // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 115–121.
2. Волошинская А. А., Комаров В. М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 90–102.
3. Каневский П. С. Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. № 27. С. 192–215.
4. Каневский П. С. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2022. № 28. С. 278–300.
5. Каневский П. С. Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
6. Кириллина В. Н., Яникеева И. О. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 26. С. 65–75.
7. Павроз А. В. GR как институт социально-политического взаимодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2005. № 2. С. 238–251.
8. Павроз А. В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. № 3. С. 263–271.
9. Перегудов С. П. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 350 с.
10. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев, Д. Б. Цыганков, М. С. Шклярчук. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 192 с.
11. Толстых П. А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо, 2019. 1246 с.

REFERENCES

1. Vasilyeva S. V. [Civilized lobbying – remedy or result of the fight against corruption?]. In: *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2008, no. 4, pp. 115–121.
2. Voloshinskaya A. A., Komarov V. M. [Evidence-based policy: problems and prospects]. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [The

- Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 4, pp. 90–102.
3. Kanevskiy P. S. [Development of lobbying in Russia: pre-revolutionary and Soviet periods]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2021, no. 27, pp. 192–215.
 4. Kanevskiy P. S. [Development of lobbying in Russia: post-Soviet and contemporary periods]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2022, no. 28, pp. 278–300.
 5. Kanevskiy P. S. *Institut lobbizma v XXI veke: sravnitel'nyi analiz* [Institute of Lobbying in the 19th Century: Comparative Analysis]. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2020. 352 p.
 6. Kirillina V. N., Yanikeeva I. O. [Lobby work in modern Russia]. In: *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 2017, no. 26, pp. 65–75.
 7. Pavroz A. V. [GR as an institution of socio-political interaction]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2005, no. 2, pp. 238–251.
 8. Pavroz A. V. [Interest groups in the system of political representation: modern trends]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2013, no. 3, pp. 263–271.
 9. Peregudov S. P. *Gruppy interesov i rossiiskoe gosudarstvo* [Interest groups and the Russian state]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 350 p.
 10. Golodnikova A. E., Efremov A. A., Sobol D. V., Tsygankov D. B., Shklyaruk M. S. *Regulyatornaya politika v Rossii: osnovnye tendentsii i arkhitektura budushchego* [Regulatory policy in Russia: main trends and future architecture]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ., 2018. 192 p.
 11. Tolstykh P. A. *GR: Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlecheskikh reshenii, teorii i praktike lobbirovaniya* [GR: A Complete Guide to the Development of Public Administration Decisions, Theory and Practice of Lobbying]. Moscow, Pero Publ., 2019. 1246 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Годилов Татьяна Сергеевна – лаборант кафедры стратегических коммуникаций факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, студент социологического факультета кафедры политологии и социологии политических процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, президент GR-Клуба Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: godilata@mail.ru

Стафеичев Антон Алексеевич – аспирант кафедры государственной политики факультета политологии кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, помощник Президента «СОЮЗНАПИТКОВ»; e-mail: antonstafeichev@yandex.ru

Tatyana S. Godilo – laboratory assistant, Department of Strategic Communications, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; student, Faculty of Sociology, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Lomonosov Moscow State University; president of the GR-Club, Lomonosov Moscow State University; e-mail: godlata@mail.ru

Anton A. Stafeichev – Postgraduate student, Faculty of Political Science, Department of State Politics, Lomonosov Moscow State University; President's assistant at "DRINKSUNION"; e-mail: antonstafeichev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Годило Т. С., Стафеичев А. А. Взаимодействие отраслевых ассоциаций и органов государственной власти в современной России: основные механизмы и технологии // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Godilo T. S., Stafeichev A. A. Interaction of industry associations and public authorities in present-day Russia: the main mechanisms and technologies. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32 (091)

Головинов А. В.

Алтайский государственный университет

656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61, Российская Федерация

Г. Н. ПОТАНИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЦИСТИКИ 1870–1880-х гг.

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить и показать демократический, интеграционный и просветительский характер политических идей основоположника движения сибирских демократических регионалистов (областников) Г. Н. Потанина в 1870–1880-е гг.

Процедура и методы. Основным инструментарием изучения политической мысли Г. Н. Потанина выступает политико-текстологический анализ публицистических произведений в период его раннего творчества, который пришёлся на 1870–1880-е гг.

Результаты. Установлены основные направления политического нарратива идейного мира классика сибирского демократического регионализма. Показана федералистская направленность воззрений Г. Н. Потанина, а также выявлен концепт гармонизации отношений центральной и региональной власти в общественно-политическом идейном наследии известного сибиряка.

Теоретическая и практическая значимость. С теоретической точки зрения проводимое исследование значимо для дальнейшего познания истории социально-политической мысли дореволюционной России. Практическое значение могут иметь полученные результаты для разработки и совершенствования доктрин региональной и национальной политики, особенно в целях интеграции новых субъектов – признанных республик Донбасса – в единое отечественное государство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сибирский демократический регионализм, Г. Н. Потанин, интеграция, единство, национальная политика, федерализм

СТРУКТУРА

Введение

Федеративная идея, интеллигенция, гражданственность

Идеал национальной и региональной политики

Заключение

A. Golovinov

*Altai State University
pr-t Lenina 61, Barnaul 656049, Altai region, Russian Federation*

G. N. POTANIN AS A POLITICAL THINKER: THE EXPERIENCE OF POLITICAL AND TEXTUAL ANALYSIS OF JOURNALISM OF THE 1870–1880S

ABSTRACT

Aim. To identify and show the democratic, integrative and educational nature of the political ideas of the Siberian democratic regionalists (regionalists) movement founder – G. N. Potanin in the 1870s–1880s.

Methodology. The main tool for studying the political thought of G. N. Potanin is a political and textual analysis of journalistic works in the period of his early work, which fell on the 1870–1880s.

Results. The main directions of the political narrative of the ideological world of the Siberian democratic regionalism classic are established. The federalist orientation of G. N. Potanin's views was revealed, as well as the concept of harmonization of relations between the central and regional authorities in the socio-political ideological heritage of the famous Siberian.

Research implications. From a theoretical point of view, the ongoing research is significant for further knowledge of the socio-political thought history in pre-revolutionary Russia. The results obtained can be of practical importance for development and improvement of the doctrines of regional and national policy, especially in order to integrate the new subjects (the recognized republics of Donbass) into a single home state.

KEYWORDS

Siberian democratic regionalism, G. N. Potanin, integration, unity, national policy, federalism

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обращения к общественно-политическому идейному наследию одного из идеологов сибирского демократического регионализма (областничества) Г. Н. Потанина обусловлена как научно-академическими, так и практическими задачами. Во-первых, идеи и идеалы известного сибиряка рассматриваются преимущественно в рамках исторической, этнографической, географической наук. В политологии апелляция к социально-политической мысли просветителя – явление крайне редкое или даже исключительное. Потому для восполнения данной исследовательской лакуны политико-текстологический анализ идейно-публицистического наследия адепта сибирского демократического регионализма видится значимым. Во-вторых, исследование политических воззрений Г. Н. Потанина может быть полезно для разработки концептуальных основ современной региональной и национальной политики России. Всё это может положительно сказаться на

формировании и проведении антисепаратистской государственной политики, т. к. путём реконструкции парадигм политической мысли основоположника движения сибирских областников будет показано, что истинные сибирские регионалисты выступали за союзно-государственное национальное и территориальное единство.

В целом идеологии сибирского областничества и наследию его ярких представителей Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева посвящено немало конкретно-исторических работ и общегуманитарных разработок. Среди современных исследователей феномена сибирского демократического регионализма можно отметить В. П. Зиновьева [3], М. В. Шиловского [10], Ю. А. Зуляр [5], Ю. Б. Костюкову [7], Р. К. Досмурзинова [2], И. А. Голева [1] и др. Группа современных отечественных авторов не рассматривает специальные политические идеи классиков областничества. Однако научные разработки данной группы исследователей имеют для настоящей работы важное вспомогательное и методологическое значение.

Итак, сразу же отметим, что в строгом смысле слова Г. Н. Потанин политическим мыслителем не был. Его идеи носили исключительно просветительский характер. Однако, рефлексировав над насущными проблемами «Восточной окраины», известный сибиряк затрагивал и целый ряд вопросов политической жизни страны. Ёмко выражен политический дискурс в его публицистике, которая относится к 1870–1880 гг. Разумеется, и позднее мыслитель часто обращался к политической проблематике, в особенности во время революционных событий и гражданской войны, но данный период его наследия требует специального рассмотрения и анализа. В рамках настоящего исследования ставится цель определить содержание общественно-политических нарративов идейного наследия лидера движения областников в его более раннем периоде творчества – 1870–1880-е гг.

Для достижения поставленной цели применялась методология политической текстологии, одним из разработчиков которой является А. А. Ширинянец. По мнению современного учёного, акцент следует делать не только на прочтении, но и на объяснении текста [9, с. 234]. Потому данный инструмент позволяет определить истинное содержание аутентичных политических текстов Г. Н. Потанина и дать им адекватную интерпретацию.

ФЕДЕРАТИВНАЯ ИДЕЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Центральным концептом и базовой парадигмой политической мысли всех представителей идеологии сибирского демократического регионализма (областничества) выступала федеративная идея, позволяющая учитывать интересы русской провинции. Так, Г. Н. Потанин в 1873 г. прямо высказывался о том, что у каждой провинции есть свои экзистенциальные проблемы. Рефлексировав над тем, как же эти проблемные вопросы агрегировать и эффек-

тивно решить, он выступал за развитие местной журналистики. В условиях имперской централизации и жёсткой государственной цензуры это была, по сути, прогрессивная идея. «Стремление к раздроблению местной журналистики можно объяснить только тем, – пояснял Г. Н. Потанин, – что она ещё не выяснила свою роль в общественной организации ... она ещё недостаточно выяснила, что такое местные интересы, которые должны составлять главную область её исследования. В большинстве случаев они очень мелко понимаются и доходит до того, что провинциальные газеты помещают передовые статьи о ретирадных местах»¹. Цитируемый фрагмент иллюстрирует, что просветитель призывал минимизировать примитивизм газетной и журнальной периодики в окраинах Российской империи. Развитость общественно-политической жизни провинции, как он полагал, обусловлена средствами коммуникации и выражения общественного мнения, а если такое мнение сводится к бытовым вопросам, – то это явный признак отсутствия политической культуры гражданственности.

Задача, которую гуманист возлагал на провинциальные органы печати, виделась в формировании местной интеллигенции как особого социального слоя с активной гражданско-политической позицией. «Для образования сильного умственного центра и влиятельного органа местной печати, – замечал Г. Н. Потанин, – не только необходима концентрация местных интеллектуальных сил, но также позади этого органа должен быть фон, который бы находил нравственную поддержку»². Предполагалось, что развитие интеллектуального фона вызвало бы воздействие на общественное сознание, что положительно сказывалось бы на зарождении провинциального интеллигентского сословия.

Гражданская свобода и активность, полное осознание местных нужд, причём не сводимых к бытовому примитивизму, – вот то, что местная интеллигенция должна была воплощать в реальную стихию общественно-политической жизни.

Справедливым считаем пояснить, что Г. Н. Потанин, так часто употребляя понятие «местный» применимо к интеллигенции, вовсе не противопоставлял её центральной. Дело в том, что он был свидетелем сильного оттока интеллигентских сил из сибирской периферии в имперский центр. Всё это сопровождалось процессом прибытия из центра или других областей в Сибирь образованных мыслящих людей, которые, увы, в «Восточной окраине» надолго не задерживались. Другой представитель идеологии областничества Н. М. Ядринцев литературно-образно называл такую интеллигенцию «летучей». Оба лидера областнического движения основательно рефлексии-

¹ Потанин Г. Н. О необходимости умственных центров в провинции // Камско-Волжская газета. 1873. 1 апр. (№ 38). С. 8.

² Потанин Г. Н. О необходимости умственных центров в провинции // Камско-Волжская газета. 1873. 1 апр. (№ 38). С. 9.

ровали и дискутировали по вопросам интеллигентского слоя. Так, Г. Н. Потанин в статье «Земство и общество» даёт ответ автору материала «Летучая интеллигенция» – Н. М. Ядринцеву, – что не совсем согласен с тем, что земские учреждения позволяют интеллигенции свободно циркулировать по областям и оседать в них. «Между земством и обществом лежит пропасть... – констатировал гуманист. – Если и проявляется где-нибудь земская жизнь, то, скорее, в виде филантропии интеллигентных людей, чем в виде невольного подчинения давлению общественного мнения»³. Можно предполагать, что дискуссия не столько была вызвана разницей во взглядах, сколько носила пропагандистский и агитационный характер. В этом смысле основоположники сибирского демократического регионализма просто вовлекали в дискуссию интеллектуальные слои общества, демонстрируя, что провинциальная периодика вполне может быть самой реальной площадкой для обсуждения серьёзных общественно-политических тем.

Как видим, областническая идея была глубоко демократична. Идеалы народовластия и интегративного федерализма очень ярко были выражены в публицистическом наследии Г. Н. Потанина периода 1870–1880-х гг.

Сибирский гуманист отчаянно выступал за союзно-федеративное государственное единство в статье «Объединение областей» в 1874 г. В политическом плане не без оснований можно считать содержание текста данного материала одним из программных в областнической идеологии. Политико-текстологический анализ позволяет увидеть в нём исключительно интегративный смысл. Не секрет, что, к сожалению, очень частым явлением наших дней становится искажение истинного политического смысла сибирского областничества путём сведения его к фантому и призраку сепаратизма. Такая ситуация наиболее типична для англоязычных исследователей, таких как О. Чаррон⁴ и Э. Питт⁵.

В условиях открытого противостояния враждебному Западу, который, не гнушаясь ничем, даже на уровне научно-академических кругов занят поисками путей расшатывания внутривнутриполитической ситуации в нашей Отчизне, очень важно дать адекватную интерпретацию идеологии сибирского областничества как интегративного направления русской политической мысли.

Так, руководствуясь федеративной парадигмой, Г. Н. Потанин заключал, что «одним из первых шагов России на поприще её внутренней жизни должно быть объединение областей!»⁶. Совершенно очевидно, что гуманист

³ Потанин Г. Н. Земство и общество // Камско-Волжская газета. 1874. 9 янв. (№ 4). С. 7.

⁴ Charron A. The Sibirak Movement and the Roots of Modern Siberian Regionalism [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/213407636.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

⁵ Peet E. The Rise of Siberian Nationalism // The Wilson Quarterly: [сайт]. URL: https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/_the-rise-of-siberian-nationalism (дата обращения: 07.06.2023).

⁶ Потанин Г. Н. Объединение областей // Камско-Волжская газета. 1874. 18 янв. (№ 8). С. 3.

вовсе не приходил к сепаратистскому выводу, а, наоборот, придерживался идеала интегративного единства.

Интегративный характер идеологии сибирского демократического регионализма отчётливо виден также при текстологическом анализе публикаций Г. Н. Потанина 1880-х гг. В материале «Завоевание и колонизация Сибири» 1884 г. он приходил к выводу, что сибирский макрорегион необходимо привести в единое целое с европейской частью страны. «Установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – писал тогда просветитель, – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения»⁷.

Для Г. Н. Потанина, как и для всех областников, главным источником развития целого является развитие его частей в их диалектическом единстве. «Чтобы не было неравенства, – констатировал он тогда, – в степени общественного развития, в уровне умственной жизни и нравственности, чтобы одна область не находилась в экономической подчинённости от другой, ... члены любой области должны быть одинаково развиты умственно и нравственно...»⁸.

Таким образом, Г. Н. Потанина следует рассматривать истинным представителем демократического федерализма. В своей общественно-политической мысли Г. Н. Потанин выступал за ликвидацию всех форм и проявлений дискриминационного неравенства провинций как по отношению друг к другу, так в отношениях с центральной государственной властью.

Стоит согласиться с профессором В. П. Коваленко, который отмечает глубоко федералистскую направленность областнической политической мысли. Апеллируя к идейно-политическому наследию Г. Н. Потанина, авторитетный учёный также обнаруживает многообразный спектр воззрений лидера движения областников. Это проблематика организации власти, переселенческая политика, образовательная политика, положение инородческого населения и др. [6].

ИДЕАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Вполне понятно, что нарратив федерализма был вовсе не единственным в политической мысли известного сибиряка. Так, народное колонизационное движение, как считал Г. Н. Потанин, нуждается в помощи интеллигенции. Гуманизм общественно-политической мысли лидера движения областников также нашёл отражение и в данном вопросе. Он был твёрдо убеждён в том,

⁷ Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. 11. СПб.; М. 1884. С. 48.

⁸ Потанин Г. Н. Объединение областей // Камско-Волжская газета. 1874. 18 янв. (№ 8). С. 3.

что обязательно должны быть учтены интересы всех участников процесса колонизации: государства, колонистов и колоний.

Последовательно осуществляя попытку препарировать государственную политику по освоению сибирских пространств, просветитель подвергал резкой критике штрафной характер колонизации «Восточной окраины». В 1873 г. в одной из своих статей он сравнил по действию, масштабу и последствиям уголовную ссылку в Сибирь с крепостным правом Российской империи. В целом, как и другие представители областнического движения, он приводил убедительные аргументы о неспособности ссыльной системы отвечать колонизационным задачам имперской политики⁹.

Над проблемами национальной политики царизма в фокусе этнокультурного взаимодействия автохтонных народов Сибири со славяно-русской народностью Г. Н. Потанин рефлексировал в статьях «Русская народность в Сибири» и «Г-н Ровинский в Сибири». Руководствуясь положениями социальной историософии А. П. Шапова, а также результатами этнографических работ П. А. Ровинского, гуманист самодостаточно рассуждал о процессах метисации и степени культурного взаимовлияния коренных и пришлых¹⁰.

Региональная и национальная политика Российской империи была крупным объектом в комплексе политической рефлексии Г. Н. Потанина. Авторитетный учёный-политолог Н. П. Медведев, рассматривая современные публикации в сфере этнополитической регионалистики, апеллируя к наследию сибирских областников, совершенно справедливо отмечает, что уже в XIX в. обсуждались определённые идеи, очень близкие к предметному полю политической регионалистики [8, с. 24].

Действительно, в определённом смысле слова сибирские областники в теоретико-методологическом плане стояли у истоков политической регионалистики и этнополитологии. Однако данный вопрос сложен и требует специального и детального рассмотрения. В рамках настоящего исследования, хотя такая задача и не ставится, всё же подчеркнём, что Г. Н. Потанин и многие представители идеологии сибирских областников действительно были одними из первых в отечественной политической мысли, кто разрабатывал регионалистский нарратив. Судьбы русской глубинки, их социально-экономическое развитие и политическое значение для отечественной государственности были лейтмотивом всего комплекса идейного мира сибирских демократических регионалистов. Этнополитический характер приобретала и проблематика поиска оптимальной модели межэтнических отношений в целях многонационального единения. Потому в современных реалиях идеи сибирского гуманиста вполне могли бы быть востребованы для усовершен-

⁹ Потанин Г. Н. Проект отмены ссылки в Сибирь // Камско-Волжская газета. 1873. 2 сент. (№ 102). С. 6.

¹⁰ Потанин Г. Н. Русская народность в Сибири // Камско-Волжская газета. 1873. 12 сент. (№ 106). С. 9.

ствования доктринальных основ пёстрой, но единой этнонациональной идентичности в современной России.

Как пишут современные исследователи, сегодня трендами национальной политики выступают механизмы построения современной гражданской нации и новый этнокультурный облик России [4]. Этой чётко сформулированной задаче вполне соответствует творчество Г. Н. Потанина, т. к. публицист выступал за межнациональный диалог, этнокультурное взаимодействие и мягкую государственную политику по отношению к наиболее уязвимой группе – этническим меньшинствам. А они, между прочим, являются важной составной частью уникального и неповторимого этнокультурного облика нашего Отечества.

Так, сибирского публициста Г. Н. Потанина интересовала проблема разработки мягких механизмов инкорпорирования автохтонных народов в многосоставную российскую государственность. Мыслитель формулировал весьма непростую задачу – органически соединить и использовать две противоположные линии национальной и колонизационной политики: покровительство и миссионерскую опеку с вольно-народными проявлениями этнокультурного взаимодействия.

Будучи представителем умеренных политических взглядов, гуманист призывал избегать любых крайностей в проведении государственной политики по освоению «Восточной окраины». «Из очерка, какой мы представили о дикарях, – писал Г. Н. Потанин, – сначала совершенно лишённых покровительства, а потом слишком благодетельствованных опекой миссионеров, можно, кажется, сделать такой вывод, что и та, и другая системы должны быть оставлены; одна ведёт к истреблению инородцев, другая заглушает жизнь»¹¹. Вместе с тем идеолог областничества отмечал, что история дикарей, оставленных без покровительства, указывает на то, что нужно сделать для них определённую опеку, которая будет осуществляться миссионерами. Инородцы, как считал просветитель, предоставленные самим себе, представляют лёгкую добычу для многочисленных хищников, которых напускает на них более цивилизованная европейская раса¹².

Оценивая государственную национальную политику с критических позиций, лидер движения областников открыто высказывался в 1884 г. о необходимости её реформирования. «Политика эта и способы отношения к инородцам – обнаруживал Г. Н. Потанин, – наводят на многие мысли о перемене политики по отношению к нашим многочисленным инородцам, взамен той боязливой и бесплодной, которой мы уже много лет держимся почти без изменения»¹³. Данное направление государственной жизни он считал слабо разработанным с научно-практической точки зрения.

¹¹ Потанин Г. Н. Некультурные расы // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 209.

¹² Потанин Г. Н. Некультурные расы // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 210.

¹³ Потанин Г. Н. Инородцы: Вопрос в Сибири // Восточное обозрение. 1884. № 26. С. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование особенностей и содержания политической мысли лидера движения сибирских демократических регионалистов (областников) Г. Н. Потанина в 1870–1880-е гг. позволяет прийти к определённым выводам.

Во-первых, период раннего идейно-политического творчества сибирского общественного деятеля носит ярко выраженный просветительский, гуманистический и интегративно-федералистский характер.

Во-вторых, можно установить направления политических воззрений известного сибиряка. Политический дискурс идейного мира Г. Н. Потанина включал в себя проблематику гармонизации отношений центральной и региональной власти. Активно публицист рассматривал вопросы этнополитического и культурного взаимодействия коренных и пришлых народов в «сибирском плавильном котле». Выступая против штрафной колонизации в проведении государственной политики освоения «Восточной окраины», провинциальный мыслитель придерживался принципа мягкого инкорпорирования автохтонных народов Сибири в единое многонациональное русское государство.

В-третьих, комплекс политических идей Г. Н. Потанина может иметь теоретико-методологическое значение для развития специальных областей политической науки – этнополитологии и политической регионалистики.

В-четвёртых, концепты, разрабатываемые идеологом областничества, в части поиска эффективных средств и методов инкорпорирования новых территорий и их мирного сосуществования, могут быть полезны в разработке доктрин региональной и национальной политики, особенно в целях интеграции новых субъектов – признанных республик Донбасса – в единое отечественное государство.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.07.2023

Статья размещена на сайте: 13.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев И. А. Эпистолярное наследие Г. Н. Потанина в контексте археографии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 42. С. 239–244. DOI: 10.17223/22220836/42/21
2. Досмурзинов Р. К. Этнография казахского народа в работах Григория Николаевича Потанина // Вестник Новосибирского государственного

- университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 3. С. 105–109. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109
3. Зиновьев В. П., Филонов И. Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 121–126.
 4. Зорин В. Ю., Каменских М. С. Приоритеты и мегатренды нового десятилетия в национальной политике России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 07.06.2023).
 5. Зуляр Ю. А. Регионализм как матрица современной сибирской региональной политической культуры // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием, Иркутск, 08–23 апреля 2022 г. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 225–241.
 6. Коваленко В. И. Идеи федерализма в русской политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 3. С. 56–75.
 7. Костякова Ю. Б. Публикаторская деятельность Н. М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г. Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 45–53.
 8. Медведев Н. П. Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 1. С. 20–28. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.002
 9. Ширинянц А. А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина. Проблемы становления // Современная наука и инновации. 2018. № 4. С. 228–234. DOI: 10.33236/2307-910X-2018-4-24-228-234
 10. Шиловский М. В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 28–30 октября 2021 г. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2021. С. 22–26.

REFERENCES

1. Golev I. A. [Potanin's epistolary heritage in the context of archeography]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk state university journal of cultural studies and art history], 2021, no. 42, pp. 239–244. DOI: 10.17223/22220836/42/21
2. Dosmurzinov R. K. [Ethnography of the Kazakh people in Grigoryii Potanin's studies]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2020, no. 3, pp. 105–109. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109
3. Zinoviev V. P., Filonov I. D. [Sibirskiy Vestnik and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885–1905]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstven-*

- nogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2022, no. 484, pp. 121–126.
4. Zorin V. Yu., Kamenskikh M. S. [The priorities and megatrends of the new decade in the Russian national policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2023, no 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 07.06.2023).
 5. Zulyar Yu. A. [Regionalism as a Matrix of Modern Siberian Regional Political Culture]. In: *Pyatnadtsyye Baykal'skiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya: materialy Vserossiyskoy politologicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Irkutsk, 08–23 aprelya 2022 g.* [Fifteenth Baikal Social and Humanitarian Readings: Materials of the All-Russian Political Science Conference with International Participation, Irkutsk, 08–23 April, 2022]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2022, pp. 225–241.
 6. Kovalenko V. I. [Ideas of federalism in Russian political thought]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2015, no. 3, pp. 56–75.
 7. Kostyakova Yu. B. [Publication activities of N. M. Yadrintsev in exile: causes and results (on the letters to G. N. Potanin in 1872–1873)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2019, no. 62, pp. 45–53.
 8. Medvedev N. P. [Ethno-political regionalistics: history and modernity (by the materials of publications in scientific journals 2022. Part 1)]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 20–28. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.002
 9. Shirinyants A. A. [The political textual criticism as a science and academic discipline. The problems of formation]. In: *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern science and innovations], 2018, no. 4, pp. 228–234. DOI: 10.33236/2307-910X-2018-4-24-228-234
 10. Shilovskiy M. V. [N. M. Yadrintsev's comprehension of prospects of the Siberian economic development in his publicistic works of 1870s–1880s]. In: *Yadrintsevskiy chteniye: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk, 28–30 oktyabrya 2021 g.* [Yadrintsev readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, 28–30 October, 2021]. Omsk, Omskii gosudarstvennii istoriko-kraevedcheskii muzei Publ., 2021, pp. 22–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Головинов Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета; e-mail: alex-golovinov@mail.ru

Aleksandr V. Golovinov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Constitutional and International Law, Altai State University; e-mail: alex-golovinov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Головинов А. В. Г. Н. Потанин как политический мыслитель: опыт политико-текстологического анализа публицистики 1870–1880-х гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Golovinov A. V. G. N. Potanin as a political thinker: the experience of political and textual analysis of journalism of the 1870–1880s. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.2; 37.035.4

Добрынина М. В., Растимешина Т. В.

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, Российская Федерация

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. На основе рассмотрения сущности феномена политического участия молодёжи проанализированы специфические особенности политической активности молодёжи.

Процедура и методы. На основе данных эмпирических (как качественных, так и количественных) исследований, проводимых в России и в других странах, осуществлён анализ участия молодёжи в политических процессах.

Результаты. Показано, что по отношению к более старшим поколениям молодёжь не только менее активна, но и выбирает иные – неформальные каналы участия в политике. Выдвинута гипотеза, что молодёжь не проявляет политического абсентеизма, стремится к институциональному участию в политике, однако организованные каналы, которые могут обеспечить молодым людям полноценный доступ к политической жизни, им неизвестны, недоступны или не вызывают доверия. Высказано предположение, что такое положение вещей является одной из форм неравенства, поскольку молодёжь лишена демократических рычагов влияния на политические процессы.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании предположения, что вопросы политического участия молодёжи должны рассматриваться как приоритетное направление молодёжной политики государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическое участие, гражданская активность, политическая партиципация, молодёжь, политическая культура участия, демократия, молодёжная политика

СТРУКТУРА

Введение

Политическое участие: понятие и традиционные формы

Новые формы политического участия и молодёжь

Политическая культура молодежи и ее влияние на активность

Заключение

M. Dobrynina, T. Rastimeshina

National Research University "MIET"

pl. Shokina 1, 124498 Moscow, Zelenograd, Russian Federation

POLITICAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE: TRENDS, PROBLEMS, CONTRADICTIONS

ABSTRACT

Aim. To analyze the specific features of young people's political activity, based on the consideration of the essence of young people's political participation phenomenon.

Methodology. Based on the data of empirical (both qualitative and quantitative) studies conducted in Russia and in other countries, the analysis of young people's participation in political processes was carried out.

Results. It is shown that in relation to older generations, young people are not only less active, but they also choose other (informal) channels of participation in politics. The hypothesis has been put forward that young people do not show political absenteeism, seek institutional participation in politics, but organized ways that can provide young people with full access to political life are unknown to them, inaccessible or untrustworthy. It is suggested that this state of affairs is one of the forms of inequality, since young people are deprived of democratic levers of influence on political processes.

Research implications. The study substantiates the assumption that the issues of political participation of young people should be considered as a priority direction of the state's youth policy.

KEYWORDS

political participation, civic engagement, political participation, youth, political culture of participation, democracy, youth policy

ВВЕДЕНИЕ

С 1980-х гг. наблюдается устойчивый рост интереса учёных к политическому поведению молодёжи: в последние годы мы стали свидетелями публикации ряда важных исследований, в которых анализируются данные о восприятии молодыми людьми официальных политических институтов, об их доверии к политическим системам и об их отношении к политическим лидерам, партиям и выборам. Центральное место во многих исследованиях занимает озабоченность ростом политически «отстранённого» поколения молодёжи, поведение которого характеризуется невключённостью в политические процессы. Более того, некоторые аналитики сетуют, что молодые люди *не хотят* принимать участие в коллективных гражданских действиях и вносить свой вклад в конструирование общественного блага.

Несмотря на рост уровня исследовательского интереса к проблемам политической активности молодёжи (он является относительно новой тенденцией), основной нарратив, транслируемый исследованиями, – о том, что молодые люди становятся всё более отстранёнными от политики, – не ме-

нялся в течение довольно долгого времени. Авторы исследования политического участия молодёжи в Великобритании (1984–1985 гг.) уже почти 40 лет назад пришли к выводу, что молодые люди менее политически активны, чем более старшие поколения [10; 19]. Действительно, молодые люди менее других поколений склонны пользоваться активным и пассивным избирательным правом; они реже, чем поколения отцов и дедов, регистрируются для голосования, участвуют в деятельности политических партий или вступают в зарегистрированные политические организации [1; 3; 6; 10]. Однако есть и другие точки зрения на эту проблему. Поэтому в настоящем исследовании, опираясь на метод политологического анализа данных эмпирических (как качественных, так и количественных) исследований, проводимых в России и в других странах, мы пытаемся определить нашу позицию по вопросу степени вовлечённости и необходимости вовлечения российской молодёжи в политику.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ПОНЯТИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ

XX в. был богат на исследования политического участия и политической культуры поколений, что не означает, что в науке сложился консенсус по поводу сущности и особенностей политического участия молодёжи. Оговоримся, что в настоящей статье мы рассматриваем автономное политическое участие: его субъекты вовлекаются в деятельность политических институтов, политические процессы и движения, действуя самостоятельно, независимо и добровольно. Мобилизованное политическое участие (субъекты которого повинуются в своих действиях внешней политической воле) в настоящей статье не рассматривается.

По мнению классиков политической науки Вербы и Ни, под политическим участием следует понимать те добровольные индивидуальные или коллективные проявления деятельной активности граждан, которые влияют на решения или действия органов государственной власти и отдельных государственных служащих. К основным формам политического участия Верба и Ни отнесли участие в электоральных процессах, контакты с государственными должностными лицами; к формам политического участия ими были отнесены и неконвенциональные проявления активности (петиции, забастовки, пикеты и др.) [19, р. 47]. Брейди, в свою очередь, отмечал, что атрибутивным элементом политического участия является очевидное и добровольное взаимодействие граждан с представителями политической элиты, определяющими публичную политическую повестку [10].

Другие исследователи смогли показать, что участие в политической деятельности может быть нацелено не только напрямую на решения и действия государственных органов и бюрократии и что формами политического участия могут быть членство в некоммерческих организациях, выступле-

ния в медиа и др. [1; 2; 3; 12; 15; 18]. Согласно идеям Р. Даля, которые мы во многом разделяем, политическое участие граждан – неотъемлемый элемент демократии [11]. Однако Р. Даль оставил открытым вопрос, является ли «нажатие кнопки» в голосовании (например, на форуме «Активный гражданин») формой политического участия, т. е. каковы должны быть минимально достаточные *действия* человека, чтобы мы сочли эти действия *участием* в политической жизни. По этому поводу ряд исследователей пришли к следующему консенсусу (к которому мы присоединяемся): понятия гражданской активности и гражданского участия следует разделять, гражданская активность включает в себя все формы вовлечённости граждан в общественную (не только собственно политическую) жизнь, под политическим же участием следует понимать все действия и иные добровольные формы активности частных лиц (граждан), нацеленные на изменение (корректировку) политических действий и решений органов, учреждений, институтов государственной власти или политических и общественных организаций [1; 2; 4; 6; 9; 11].

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ И МОЛОДЕЖЬ

Формы политического участия граждан изменяются: к так называемым «традиционным» формам участия в «традиционной» политике (голосование, предвыборная активность, участие в коллективных акциях) в 1970-е гг. прибавились новые формы, связанные с вовлечением граждан в деятельность появившихся или активизировавшихся в этот период общественных движений (антиглобалистов, пацифистов, феминисток, экологов и др.), которые размывали границы между политической и неполитическими сферами общественной жизни, соответственно, между гражданской активностью и политическим участием. Эти нетрадиционные формы включали, помимо прочего, все формы протестной активности индивидов и групп.

По мере стирания границ между политической и гражданской сферами общественной жизни репертуар политического участия продолжал заметно расширяться и постепенно стал включать в себя и иные гражданские (ранее не воспринимавшиеся как политические) проявления социальной активности, такие как волонтерство, миссионерство, донорство и др. [4; 11; 15; 17]. В последние годы с развитием информационных технологий и социальных сетей граждане проявляют социально-политическую активность через различные формы виртуального (сетевого) участия [1; 2; 6; 13].

В ходе постоянно меняющихся социальных ситуаций и моделей поведения людей происходят процессы непрерывного отмирания старых форм и адаптации граждан к новым формам участия в общественной жизни. Всероссийский центр изучения общественного мнения подтверждает эту тенденцию: «За 17 лет (при снижении более чем в два раза – с 55% до 22% количества граждан, участвующих в выборах – М. Д., Т. Р.) в два раза выросла актив-

ность россиян по участию в коллективных обращениях / петициях (с 4% до 8%), также удвоилось число людей, занимавшихся сбором средств и вещей для людей в сложном положении (с 9% до 20%). За последние десять лет в три раза больше людей начали участвовать в домовых комитетах и местном самоуправлении. В разы увеличилось и количество россиян, участвующих в общественных и профсоюзных организациях. Количество участников религиозных организаций выросло с 0% до 3% с 2011 г.»¹.

Вместе с тем полемика учёных по поводу того, какие формы гражданской активности в изменившихся условиях следует считать политическим участием, продолжается. В частности, в научных журналах остаются оживлёнными дебаты о том, являются ли участие в политически ориентированной онлайн-дискуссии или голосование в соцсетях его формами [13; 14; 15; 16; 17]. Определяя свою позицию по данной проблеме, мы исходим из того, что такого рода действия являются добровольными и имеют нацеленность на изменение решений и действий представителей политической элиты и органов государственной власти, соответственно, их *следует* отнести к новым (нетрадиционным) формам политического участия. Дополнительным аргументом в пользу такой оценки является то обстоятельство, что петиции, подписываемые гражданами на портале «change.org»², имеют свою эффективность, причём не только гражданскую, но подчас и политическую: зарегистрировано достаточно много случаев, когда конкретные решения органов государственной власти были изменены, отменены, «заморожены».

Адаптация граждан к новой социально-политической ситуации через вовлечение в новые формы активности привела и к возникновению новых классификаций, которые важны в контексте нашего исследования: так, в настоящее время учёные чётко различают границу между институциональным – имеющим институциональные рамки и вертикально организованным (например, голосование или членство в партии) – и неинституциональным (индивидуальный протест, пикет, бойкот) политическим участием. Учёные, кроме того, обнаруживают смещение границы и перераспределение форм участия между институциональным и неинституциональным кластером. Такое смещение связано с двумя важными тенденциями:

1) во-первых, с распространением новых социальных движений и сетей защиты интересов, структуры и каналы участия и мобилизации граждан расширяются и трансформируются;

2) во-вторых, по мере ослабления роли традиционных политических и гражданских организаций, а также расширения сетевых – горизонтальных –

¹ ВЦИОМ увидел снижение политической активности до минимума за 17 лет // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2021/61052d699a7947d73c58f35b> (дата обращения: 01.07.2023).

² Глобальная платформа для общественных кампаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org> (дата обращения: 01.07.2023).

форм взаимодействия растёт диапазон индивидуальных неинституциональных форм.

Различие между институциональными и неинституциональными формами активности, а также изменение пропорции в пользу последних особенно важно для исследований политической вовлечённости и активности молодёжи, учитывая тот факт, что во всех без исключения политических системах *молодые люди предпочитают участвовать в политике вне вертикально организованных структур, предпочитая движения организациям, а горизонтальные формы организации – вертикальным*. Если мы принимаем во внимание это важнейшее смещение, часть выводов исследователей о деполитизации молодёжи могут быть пересмотрены.

В частности, такого рода выводы были оспорены в ряде недавних исследований, которые выявили, что молодые люди живо интересуются политическими вопросами, проявляют индивидуальную активность и действительно принимают участие в различных формах коллективных политических действий [6; 7; 8; 9]. Молодые люди с большой охотой участвуют преимущественно в «ориентированных на причину» политических событиях (краткосрочных или долгосрочных политических движениях), таких как пикеты, памятные акции, демонстрации, бойкоты. Их участие в различных антиглобалистских мероприятиях, которые проходили в Сиэтле в 1999 г., а также их участие в маршах и демонстрациях протеста против войны в Ираке являются очень яркими примерами. Молодые люди также охотно принимают участие в более локальных гражданских акциях, хотя сами не считают их «политическими». Такие виды деятельности включают волонтерство, экологический активизм, благотворительность, пацифистскую агитацию, участие в поисково-спасательных акциях и др. Кроме того, сетевые формы гражданской активности также привлекают всё больше молодых участников: «На смену формализованным связям приходит открытая сетевая структура с неформальным и часто кратковременным участием. Общественно-политические отношения молодых россиян динамично переходят в виртуальную среду» [6, с. 28]. Иными словами, молодёжь действительно предпочитает неформальное социально-политическое участие институциональному. Аналогичные тенденции наблюдаются и в других странах³.

Принимая во внимание эти данные, сложно согласиться с теми исследователями, которые обвиняют молодёжь в политической пассивности. Наш коллега Д. Огородов, по результатам проведённого в НИУ МИЭТ социологического исследования, пришёл к справедливому, на наш взгляд, заключению, что «заинтересованность молодых людей в политической жизни достаточно высока и не позволяет говорить о том, что молодые люди поражены болез-

³ Flash Eurobarometer: European Parliament Youth Survey: Report. September 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2021/youth-survey-2021/report.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).

нию политического абсентеизма; ... молодёжь испытывает желание и потребность в политическом участии, которое не опирается на радикальные настроения, напротив, высока потребность в институционализированном и конвенциональном участии, в том числе, в участии электоральном» [5, с. 31]. Эмпирические данные, получаемые в ходе других опросов и интервью, также указывают, что студенческая молодёжь России (другие категории молодёжи реже становятся объектом исследования) активно интересуется политической повесткой дня: в частности, не менее 85–90% молодых респондентов отмечают, что следят или внимательно следят за политическими новостями и событиями; значительное число молодых людей выражают готовность к конвенциональному участию⁴. Таким образом, относительно несложно обнаружить противоречие между желанием и готовностью молодых людей проявлять политическую активность и их невключённостью в формальную, институциональную политическую жизнь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА АКТИВНОСТЬ

На наш взгляд, это противоречие сегодня глубоко укоренено и продолжает укореняться в политической культуре поколения. Корпус причин институциональной политической невовлечённости молодёжи очень велик, а сами причины многогранны и многоаспектны. Однако, на наш взгляд, для политической науки важно выделить и концептуально осмыслить ту группу причин, которая имеет институциональную природу и может быть объектом внутренней политики. На наш взгляд, здесь следует выделить несколько основных подгрупп:

- 1) во-первых, низкий уровень осведомлённости молодых людей о формах и каналах партиципации в политику и участия в политической жизни;
- 2) во-вторых, разрежённость институциональной социально-политической ткани: если в больших городах есть представительства основных политических партий, молодёжных движений и штаб-квартиры некоммерческих общественных организаций, то в малых городах или сельской местности молодые люди в прямом смысле не могут обнаружить тех каналов вовлечения в формальную политику;
- 3) в-третьих, узость политического спектра, которая выражается в том, что тот спектр политических партий и движений, участие в которых для молодых людей открыто, не удовлетворяет запросам молодых людей;

⁴ См., напр.: Анализ степени вовлеченности молодежи в процессы политической коммуникации // Sociotrix: [сайт]. URL: <https://sociotrix.com/result?id=264&ysclid=lltemooxsj914340822> (дата обращения: 08.08.2023); Мировоззренческие установки, политические ориентации и гражданский активизм российской молодежи // ИСТИНА: [сайт]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/367211286/?ysclid=llutoy6hsm137606840> (дата обращения: 08.08.2023).

4) в-четвёртых (во многом четвёртая и третья причины имеют общий генезис), молодые люди не выражают доверия к традиционным социальным и политическим институтам, таким как политические партии или местное самоуправление⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодёжь – творческая сила нации, источник и проводник инноваций, на протяжении всей истории молодёжь вносила свой вклад в политическую жизнь, подстёгивала и катализировала важные изменения в политических и экономических системах.

Однако имеются убедительные доказательства того, что участие молодёжи в официальных, институциональных политических процессах относительно невелико по сравнению с пожилыми гражданами по всему миру.

Молодёжь, выросшая в электронной среде (так называемые «цифровые аборигены»), в отличие от более старших поколений («цифровых мигрантов») нередко предпочитает цифровые социальные контакты и взаимодействия участию в реальных социальных практиках. В частности, традиционные выборы могут представляться им архаичным способом принятия общественно значимого решения (на фоне которого онлайн-голосование выглядит эффективной технологией). Соответственно, часть молодых людей и не выражает стремления к традиционному институциональному социальному участию. Если же молодые люди проявляют стремление к участию в политических процессах в их классической, традиционной форме, то они сталкиваются с проблемой отсутствия каналов политической кооптации. Молодёжь, особенно молодые женщины, недостаточно представлена в официальных политических институтах и процессах, таких как парламенты, политические партии, выборные штабы и государственные администрации. Поскольку политическая активность большей части молодёжи формально не организована, молодые люди (в силу описанных в этой статье ограничений) даже не проходят политической инициации, остаются полностью политически пассивными и исключаются из процессов выработки политической повестки и разработки политики.

Организация новых форм политической активности молодёжи и её вовлечение в политическую жизнь является относительно новым, но крайне важным государственным приоритетом. Государство должно видеть необходимость в молодёжи как объекте и субъекте политики. Если молодёжь рассматривается как объект политики, государство и иные политические институты должны стремиться к созданию благоприятных условий для признания защиты права молодых людей на политическое участие. Если молодёжь рас-

⁵ Flash Eurobarometer: European Parliament Youth Survey: Report. September 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2021/youth-survey-2021/report.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).

сма­три­вать как де­мо­гра­фическую груп­пу, об­ла­да­ю­щую су­щес­твенным со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ским по­тен­ци­алом, им­пе­ра­тивом этой по­ли­ти­ки дол­жно стать при­зна­ние, что ак­тив­ное и зна­чи­мое учас­тие мо­ло­дых лю­дей в со­ци­аль­ных про­цес­сах и де­мо­кра­ти­че­ских про­це­ду­рах име­ет ре­ша­ю­щее зна­че­ние для ре­а­ли­за­ции про­грамм и по­ли­ти­ки ин­но­ва­ци­он­но­го раз­ви­тия Рос­сии.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.07.2023

Статья размещена на сайте: 22.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3. С. 66–72.
2. Гришаева С. А., Шамаев П. А. Политическое участие молодёжи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 1. С. 25–35.
3. Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Масоров С. Д. Проблема конструктивности политического участия молодежи в современных российских условиях // Вопросы управления. 2022. № 6. С. 22–34. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-6-22-34
4. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Девятковская И. В. Ценностный портрет молодежи в контексте использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 150–160. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_02_18
5. Огородов Д. А. Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования) // Вестник Российской международной академии туризма. 2020. № 3. С. 26–33.
6. Попов П. В. Политическая активность молодежи в современной России // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3. С. 28–46.
7. Трынов Д. В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298–314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195
8. Хашаева С. В., Ковальчук О. В., Дараев Р. Р. Политическая активность региональной молодежи // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. № 44. С. 668–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678
9. Чирун С. Н. Политическая активность и политическое участие населения: проблемы и возможности. М.: Полис, 2011. 194 с.
10. Brady H. E. Political Participation // Measures of Political Attitudes / ed. J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman. San Diego: Academic Press, 1998. P. 737–801.

11. Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1973. 257 p.
12. Daskalopoulou I. Civic participation and soft social capital: evidence from Greece // *European Political Science*. 2018. № 17. P. 404–421.
13. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the internet: is online political engagement really different to offline? // *The Journal of Politics*. 2013. № 75. P. 701–716.
14. Highton B., Wolfinger R. E. The first seven years of the political life cycle // *American Journal of Political Science*. 2001. № 45. P. 202–209. DOI: 10.2307/2669367
15. Kimberlee R. H. Why don't british young people vote at general elections? // *Journal of Youth Studies*. 2002. № 51. P. 85–98. DOI: 10.1080/13676260120111788
16. Kousis M., Giugni M. Claiming and framing youth in the public domain during times of increasing inequalities // *American Behavioral Scientist*. 2019. № 64. P. 567–573. DOI: 10.1177/0002764219885423
17. Pattie C., Seyd P., Whiteley P. *Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 346 p.
18. Quintelier E. Differences in political participation between young and old people // *Contemporary Politics*. 2007. № 13. P. 165–180.
19. Verba S., Nie N. H. *Participation in America. Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper and Row, 1972. 428 p.

REFERENCES

1. Baranov N. A. [Digital political participation as a form political mobilization]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2020, no. 3, pp. 66–72.
2. Grishaeva S. A., Shamaev P. A. [Young people's political participation in the digital environment]. In: *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2022, vol. 5, no. 1, pp. 25–35.
3. Didkovskaya Ya. V., Trynov D. V., Masorov S. D. [The problem of constructiveness of the youth political participation in the modern Russian conditions]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2022, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-6-22-34
4. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Devyatovskaya I. V. [Value portrait of youth in the context of using prosocial and asocial marginal political practices]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2021, no. 2, pp. 150–160. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_02_18
5. Ogorodov D. A. [Request for political participation, or the myth of political absenteeism of youth (according to sociological research)]. In: *Vestnik Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma* [Bulletin of the Russian International Academy for Tourism], 2020, no. 3, pp. 26–33.
6. Popov P. V. [Current political activity of Russian youth]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [National strategy issues], 2022, no. 3, pp. 28–46.

7. Trynov D. V. [Youth political participation: support vs protest]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2019, no. 12, pp. 298–314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195
8. Hashaeva S. V., Kovalchuk O. V., Dagaev R. R. [Political activity of regional youth]. In: *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law], 2021, no. 44, pp. 668–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678
9. Chirun S. N. *Politicheskaya aktivnost' i politicheskoe uchastie naseleniya: problemy i vozmozhnosti* [Political activity and political participation of the population: problems and opportunities]. Moscow, Polis Publ., 2011. 194 p.
10. Brady H. E. Political Participation. In: Robinson J. P., Shaver P. R., Wrightsman L. S., eds. *Measures of Political Attitudes*. San Diego, Academic Press, 1998, pp. 737–801.
11. Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, Yale University Press, 1973. 257 p.
12. Daskalopoulou I. Civic participation and soft social capital: evidence from Greece. In: *European Political Science*, 2018, no. 17, pp. 404–421.
13. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the internet: is online political engagement really different to offline? In: *The Journal of Politics*, 2013, no. 75, pp. 701–716.
14. Highton B., Wolfinger R. E. The first seven years of the political life cycle. In: *American Journal of Political Science*, 2001, no. 45, pp. 202–209. DOI: 10.2307/2669367
15. Kimberlee R. H. Why don't british young people vote at general elections? In: *Journal of Youth Studies*, 2002, no. 51, pp. 85–98. DOI: 10.1080/13676260120111788
16. Kousis M., Giugni M. Claiming and framing youth in the public domain during times of increasing inequalities. In: *American Behavioral Scientist*, 2019, no. 64, pp. 567–573. DOI: 10.1177/0002764219885423
17. Pattie C., Seyd P., Whiteley P. *Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 346 p.
18. Quintelier E. Differences in political participation between young and old people. In: *Contemporary Politics*, 2007, no. 13, pp. 165–180.
19. Verba S., Nie N. H. *Participation in America. Political Democracy and Social Equality*. New York, Harper and Row, 1972. 428 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Добрынина Мария Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»; e-mail: marin709@rambler.ru

Растимешина Татьяна Владимировна – доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования»; e-mail: rast-v2012@yandex.ru

Mariya V. Dobrynina – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Economics, Management and Finance, National Research University “MIET”; e-mail: marin709@rambler.ru

Tatyana V. Rastimeshina – Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Chief Editor of the journal “Economic and Social Research”; e-mail: rast-v2012@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Добрынина М. В., Растимешина Т. В. Политическая активность молодёжи: тенденции, проблемы, противоречия // Российский социально-гуманитарный журнал (электронный журнал). 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V. Political activity of young people: trends, problems, contradictions. In: *Russian Social and Humanitarian Journal (e-journal)*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.51

Коротышев А. П., Рыхтик П. П.*Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603022, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В «НОВЫХ МЕДИА»: МОНИТОРИНГ И АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ «ЧВК «РЁДАН»»)

АННОТАЦИЯ

Цель. Обоснование авторского метода выявления и анализа использования манипулятивных технологий для продвижения в социальных сетях отдельных событий, вызывающих интерес у публики.

Процедура и методы. Авторский метод ПРОЗИС-анализа основан на сборе эмпирических данных посредством онлайн-сервисов «Айкубаз» (IQbuzz) и «Вордстат» (WordStat), на анализе основных показателей сетевой активности пользователей (постеры, репосты, охват, запросы, источники, сообщения) и ряда дополнительных параметров, экспертной интерпретации результатов. Прикладное применение указанного метода демонстрируется на примере общественной дискуссии, развернувшейся в русскоязычном пространстве сети Интернет вокруг деструктивного молодёжного объединения «ЧВК «Рёдан»» в феврале–марте 2023 г.

Результаты. В результате сбора и анализа эмпирических данных авторам удалось выделить четыре основных количественных показателя, свидетельствующих об информационной манипуляции: высокая средняя вовлечённость пользователей, большой охват аудитории при относительно небольшом числе пользовательских сообщений, характер динамики поисковых запросов, отношение числа пользовательских сообщений к данной динамике.

Практическая значимость заключается в возможности использования авторской методики для выявления манипулятивных технологий в социальных сетях, анализа характера информационных потоков, мониторинга информационного пространства. Кроме того, ПРОЗИС-анализ открывает возможности по разработке новых методов формирования общественного мнения и противодействия деструктивным информационным воздействиям в сети.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

веб-аналитика, интернет-коммуникация, информационная политика, массовая коммуникация, социальные сети, социология интернета, формирование общественного мнения

БЛАГОДАРНОСТИ

исследование выполнено в рамках программы «Приоритет 2030», техническое задание от ноября 2021 г. «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе», Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

СТРУКТУРА

Введение

Методика исследования

Анализ и обсуждение

Заключение

A. Korotyshev, P. Rykhtik

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
pr-t Gagarina 23, 603022 Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, Russian Federation*

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN “NEW MEDIA”: MONITORING AND ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE PUBLIC DISCUSSION OF “PMC “RYODAN”)

ABSTRACT

Aim. To substantiate the authors' method of identifying and analyzing the use of manipulative technologies to promote separate events which attract public attention in social networks.

Methodology. The authors' PROSIS-analysis method is based on empirical data collection, carried by IQbuzz and WordStat online services, the analysis of main indicators of user network activity (posters, reposts, coverage, requests, sources, messages) and a number of additional parameters, expert interpretation of results. Application of the above-mentioned method is demonstrated on the example of the public discussion in the Russian-language Internet sources concerning the destructive youth subculture PMC “Ryodan” in February-March 2023.

Results. As a result of empirical data collection and analysis, the authors identified four main quantitative indicators pointing to information manipulation. They include high average user involvement, large audience coverage with relatively small number of user messages, the search queries dynamics and the ratio of user messages to this dynamics.

Research implications. The practical significance lies in the possibility of using the unique methodology to identify manipulative technologies in social networks, to analyse the nature of information flows and to monitor information space. In addition, PROZIS-analysis opens up opportunities for developing new methods of public opinion forming and counteracting destructive information influences in social networks.

KEYWORDS

web analytics, Internet communication, information policy, mass communication, social networks, Internet sociology, public opinion formation

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by the Federal Program “Priority 2030”, technical task dated November 2021 “School violence - schoolshooting - Columbine: faces, masks, causes and trends of violence in modern Russian school”, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее заметных общественных тенденций современности является трансформация структуры массовых коммуникаций. Происходят не только количественный рост объемов информации, передаваемой через традиционные и новые медиа, но и качественная перестройка моделей восприятия информации массовой аудиторией, под которую вынуждены подстраиваться субъекты массовой коммуникации.

Коммерческие структуры в борьбе за внимание потребителя разрабатывают новые маркетинговые стратегии [8; 12]; политические акторы ищут новые пути влияния на общественное мнение, трансляции в информационное пространство своих тезисов и идей [10; 15]; научные организации уделяют всё большее внимание вопросам своего медийного имиджа и процессам популяризации науки в обществе, повышая свою привлекательность в глазах потенциальных заказчиков или грантодателей [5; 13]; государственные и частные образовательные учреждения конкурируют в информационном поле за внимание потенциальных студентов [6; 17]; структуры гражданского общества всё большее значение придают медийному освещению актуальной для них повестки [7; 16]. Новые информационные стратегии могут, помимо прочего, включать и распространение заведомо ложной или искажённой информации, контента, способного повлиять на общество в деструктивном ключе.

Представляется, что с распространением «новых медиа» увеличилась субъектность как общества в целом, так и отдельных социальных групп и индивидов. В актуальном социально-политическом процессе всё более спорной видится классическая теория П. Лазерсфельда об однозначной «объектности» общества в процессе коммуникации с государством через СМИ [20]. Общество и отдельные его представители всё чаще выступают субъектом массовой коммуникации, создавая собственные информационные тренды.

В информационном пространстве «новых медиа» соседствуют информационные потоки различной природы: как порождённые общественными процессами, объективным интересом общества к важным проблемам, так и являющиеся результатом манипулятивных воздействий со стороны СМИ и лидеров общественного мнения, в том числе и стремящихся к распространению деструктивного контента.

Деструктивный контент, как порождение манипулятивных технологий, имеет наибольший потенциал воздействия на молодёжную аудиторию в возрасте 14–20 лет. По Э. Эриксону, в этот период социализации человек сталкивается с особым кризисом психологического развития, влияющим на его мировоззрение [18]. Происходит разрушение «детской» идентичности, и начинает формироваться идентичность подростка, в дальнейшем выступающая базой и для «взрослых» самоинтерпретаций. В этот момент обществу и государству необходимо сформировать и донести до индивида (в том числе через СМИ и новые медиа) конструктивные ценности и модели поведения, а также организовать противодействие распространению ценностей деструктивных.

Таким образом, разграничение объективно сформированных обществом потоков информации и деструктивных потоков, ставших результатом воздействия манипулятивных технологий, становится сегодня важной прикладной задачей.

Решение данной задачи не только способствует борьбе с деструктивными воздействиями на молодых людей, но и представляет большой интерес для исследования массовых коммуникаций. Что, в свою очередь, требует использования особых исследовательских методов, без которых о научном подходе к изучению манипулятивных технологий говорить не приходится.

В отечественной науке исследования описанной проблемы в основном сосредоточены в рамках криминологии [1], возрастной психологии [3], социологии интернета [9], политической социологии [11], политологии [2]. Среди общих черт данных исследований стоит отметить, что в них СМИ однозначно определяются как ключевая детерминанта потенциально деструктивного поведения российской молодёжи. Говорится об особой роли экспертного сообщества (в основном психологов и специалистов по воспитательной работе) в вопросах формирования здоровой личности российского подростка, а также о необходимости учёта «новых медиа» не только как потенциально опасных источников деструктивной информации и пространства деструктивной коммуникации, но и как каналов позитивного воздействия на молодёжь со стороны психологов, социологов, политологов, педагогов и иных узкопрофильных специалистов, вовлечённых в процессы воспитания и формирования молодёжной политики.

Отдельно в контексте данной проблемы следует упомянуть инструментарий нейросетевого моделирования и прогнозирования социальных процессов на базе данных социальных сетей и иных «новых медиа». Передовые исследования в данной области, причём ориентированные на практическое применение в сфере социальной инженерии, ведутся в рамках американской программы «Соушл-Сим програм» (Social-Sim program (DARPA)) [19]. Разработанный коллективом программы нейросетевой алгоритм позволяет отслеживать весь жизненный цикл новой информации в сети, начиная с момента её вброса в оборот до того, как общество потеряет к ней интерес. На основе накопленных данных он может строить новые стратегии распространения информации, позволяя эффективно транслировать в информационное пространство целевые тезисы и открывая новые возможности для ведения информационных войн с использованием «новых медиа» [14].

Нейросетевые алгоритмы, при всей их привлекательности, обладают двумя фундаментальными недостатками. Первый из них заключается в сложности и высокой стоимости. Требуется отдельный штат специалистов для настройки и обслуживания алгоритма и отдельный – для интерпретации данных. Кроме того, для работы с большими объёмами данных из социальных сетей алгоритму требуется доступ к их API-интерфейсам, который придётся оплачивать. Таким образом, использование нейросетей в анализе сетевой активности пользователей остаётся, по крайней мере на сегодня, прерогативой больших междисциплинарных коллективов с обширным финансированием.

Второй недостаток заключается в том, что, несмотря на впечатляющие вычислительные мощности нейросетей, финальный результат их работы в конечном итоге зависит от исследователя. Во-первых, именно исследовательский коллектив определяет изначальный набор количественных показателей сетевой активности пользователей, на которые в своём анализе будет опираться нейросеть. Во-вторых, интерпретация результатов нейросетевого моделирования также остаётся прерогативой исследователя.

В то же время общественные науки, а также прикладные задачи общественной коммуникации нуждаются в методике эффективной оперативной оценки сетевой активности пользователей, в т. ч. применительно к информационным манипуляциям и профилактике деструктивных информационных воздействий.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика, получившая название ПРОЗИС-анализ, была подробно описана авторами в ряде более ранних работ [4]. В рамках настоящей статьи продемонстрированы её возможности в части выявления информационных манипуляций.

ПРОЗИС-анализ опирается на эмпирические данные, собранные посредством двух онлайн-сервисов: «Айкубаз» (IQbuzz)¹ (отслеживает статистику пользовательских сообщений в социальных сетях) и «Вордстат» (WordStat)² (отслеживает статистику пользовательских запросов на поисковом портале «Яндекс»). Они позволяют оценить параметры использования пользователями в их постах и поисковых запросах определённых лексем.

Из обширного массива эмпирических данных, предоставляемых упомянутыми сервисами, наибольшее значение имеют шесть числовых показателей:

1. «постеры» – число пользователей, размещающих сообщения с заданной лексемой;
2. «репосты» – число репостов сообщений с заданной лексемой;
3. «охват» – число пользователей, имевших возможность прочитать сообщения с заданной формулировкой (в своих подборках, лентах, комментариях и пр.);
4. «запросы» – число пользовательских запросов в поисковом сервисе «Яндекс» с заданной лексемой.
5. «Источники» – число СМИ или высокорейтинговых пользователей, впервые написавших о проблеме с использованием заданной лексики;

¹ IQbuzz. Система мониторинга социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://iqbuzz.pro> (дата обращения: 13.03.2023).

² Яндекс.WordStat [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

б. «сообщения» – число сообщений, включающих заданную лексику.

Собственно, от этих шести параметров и происходит название метода – ПРОЗИС-анализ, а, рассмотренные в комплексной взаимосвязи, они могут именоваться ПРОЗИС-показателями.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

В качестве примера использования ПРОЗИС-анализа для выявления манипулятивных технологий рассмотрим показатели сетевой активности, сопровождавшей общественное обсуждение т. н. «ЧВК «Рёдан»» в феврале–марте 2022 г.

Начало этой общественной дискуссии положил инцидент, произошедший 22 февраля 2023 г. в ТРЦ «Авиапарк» в г. Москве. В ресторанном дворике этого ТРЦ проходила встреча поклонников аниме «Hunter x Hunter», многие из которых были одеты в стилистику героев аниме – банды «Геней Рёдан» (что предусматривает одежду чёрного цвета со стилизованным символом паука и порядковым номером). У поклонников возник конфликт с группой молодых людей, закончившийся массовой дракой, победу в которой одержали любители аниме.

Видео инцидента попало в сеть, быстро распространилось. Представители движения «Рёдан», которое на тот момент представляло собой не более чем группу в социальной сети «ВКонтакте» с 2030 участниками, приобрели большое число сторонников и противников. Развернулась широкая общественная дискуссия о роли, значении и допустимых рамках развития молодёжных субкультур. В некоторых постах высказывались идеи о формировании «боевого крыла» движения «ЧВК «Рёдан»», члены которого, как предполагалось, будут драться с представителями прочих субкультур.

Эти события вызвали заметный общественный резонанс и неоднократно комментировались официальными лицами. Так, пресс-секретарь Президента РФ Д. С. Песков заявил, что ««Рёдан» – это “псевдосубкультура, которая идёт со знаком минус”»³, а глава Комитета Государственной Думы по молодёжной политике А. П. Метелев обратился к участникам движения «ЧВК «Рёдан»» с предложением встретиться и обсудить возникшие проблемы⁴.

В то же время анализ ПРОЗИС-показателей по лексеме «рёдан» позволял привести как минимум четыре аргумента в пользу того, что информационный резонанс вокруг этой темы был создан искусственно.

³ Песков назвал движение «Редан» псевдосубкультурой // РИА Новости: [сайт]. [28.02.2023]. URL: <https://ria.ru/20230228/peskov-1854820083.html?ysclid=lg0llbj7g6619508475> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴ В Госдуме обратились к участникам «ЧВК Редан» // Lenta.Ru: [сайт]. [28.02.2023]. URL: https://lenta.ru/news/2023/02/28/redan_/?ysclid=lg0lrbvqoj284808228 (дата обращения: 04.05.2023).

Эти аргументы базируются на количественных значениях ПРОЗИС-показателей по лексеме «рёдан» за период с 24 февраля по 7 марта, на который пришёлся пик общественного интереса к данной теме. Вначале приведём данные по пяти из них (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

ПРОЗИС-показатели сетевой активности пользователей по лексеме «рёдан» за период с 26 февраля по 3 марта (шт.) / PROZIS-indicators of user network activity by the lexeme “рёдан” for the period from February 26 to March 3 (pcs.)

ПРОЗИС-показатель	24 фев.	25 фев.	26 фев.	27 фев.	28 фев.	1 мар.	2 мар.	3 мар.	4 мар.	5 мар.	6 мар.	7 мар.
постеры	0	11	29	164	225	171	195	106	63	130	114	65
репосты	0	1	12	122	192	85	80	24	5	403	66	7
охват	0	1859	25948	874767	1387044	595456	1326222	551934	84004	272139	432237	229660
источники	0	8	15	51	67	75	47	51	39	37	23	14
сообщения	0	24	45	225	347	284	223	147	81	138	122	67

Источник: составлено авторами по:

IQbuzz. Система мониторинга социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://iqbuzz.pro> (дата обращения: 13.03.2023).

Переходя к аргументам, отметим следующее:

1. В первую очередь, следует обратить внимание на соотношение числа постеров и сообщений, которое в коммерческих исследованиях называют показателем вовлечённости. Данный показатель фиксирует, сколько сообщений с заданной лексемой в среднем написал один автор.

Подавляющее большинство пользователей социальных сетей предпочитает читать чужие сообщения, и лишь немногие создают собственные. Из тех же, кто что-то пишет от своего лица, лишь небольшая доля возвращается к одной теме, создавая несколько сообщений. Поэтому показатель вовлечённости, как правило, не превышает 1–1,1 (для общественно значимых повесток – до 1,2). В случае с лексемой «рёдан» средний уровень вовлечённости составил 1,4, а 28 февраля, когда сетевая активность пользователей по данной теме выросла до максимума, достиг 1,54.

Это вполне очевидно указывает на то, что среди пользователей существовала группа, занятая целенаправленным раскручиванием темы. Исходя из своей идеологической ангажированности или коммерческой заинтересованности, они создавали множество сообщений, в значительной мере способствуя продвижению данной тематики.

2. Другой характерный признак усиленного информационного продвижения — это достаточно широкий охват при небольшом числе сообще-

ний. 25 февраля, когда появляются первые 24 сообщения с лексемой «рёдан» они сразу же приобретают охват в 1859. На следующий день, 26 февраля, число сообщений вырастает в 1,9 раз, а охват – в 13,7 раз. 27 февраля опережающий рост охвата продолжается: число сообщений растёт в 5 раз, охват – в 33,7 раза. В момент пика пользовательской активности 28 февраля 225 пользователей пишут 347 сообщений, достигая охвата в 1387044 потенциальных читателя. Такой впечатляющий рост охвата при относительно небольшом числе постеров и сообщений возможен только в том случае, если авторы сообщений состоят в крупных интернет-сообществах, где усиленно транслируют свои идеи. Это, как правило, характерно для пользователей, целенаправленно занимающихся интернет-продвижением.

В последующие дни общество начинает терять интерес к изучаемой тематике. Охват, относительно 2 марта, падает 3 марта в 2,2 раза, а 4 марта – почти в 15,8 раз. В то же время число сообщений снижается значительно медленнее (3 марта – в 1,5 раза, 4 марта – в 2,8 раз). Заметно, что в этот период активная группа пользователей ещё пыталась обсуждать проблему «рёдана», однако общество уже не поддерживает этот интерес. Это также указывает на наличие группы, целенаправленно продвигавшей данную тематику.

3. Необходимо также обратить внимание на динамику пользовательских запросов с формулировкой «рёдан» в наиболее популярном в России поисковом портале «Яндекс». Сервис «Вордстат» (WordStat) фиксирует число поисковых запросов с целевой лексемой за период в неделю или месяц. Если дополнить эти данные статистикой «Айкубаз» (IQbuzz) относительно числа сообщений и охвата, можно получить следующую картину (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Статистика пользовательских сообщений и поисковых запросов с лексемой «рёдан» в период с 6 февраля по 12 марта 2023 г. (шт.) / Statistics of user messages and search queries with the lexeme «рёдан» in the period from February 6 to March 12, 2023 (pcs.)

Временной период	06.02.2023 – 12.02.2023	13.02.2023 – 19.02.2023	20.02.2023 – 26.02.2023	27.02.2023 – 05.03.2023	06.03.2023 – 12.03.2023
Число поисковых запросов (данные сервиса «WordStat»)	2404	3170	903724	3576190	713810

Временной период	06.02.2023 – 12.02.2023	13.02.2023 – 19.02.2023	20.02.2023 – 26.02.2023	27.02.2023 – 05.03.2023	06.03.2023 – 12.03.2023
Число пользователей сообщений (данные сервиса «IQbuzz»)	0	70	1872	1397	379
Охват аудитории (данные сервиса «IQbuzz»)	0	0	6316943	5091566	1165019

Источник: составлено авторами по данным: IQbuzz. Система мониторинга социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://iqbuzz.pro> (дата обращения: 13.03.2023); Яндекс. WordStat [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

До момента взрывного роста пользовательского интереса в 20-х числах февраля «ЧВК «Рёдан»» не обсуждалась в социальных сетях, о чём свидетельствуют околонулевые показатели сообщений и охвата. Однако среди поисковых запросов данная формулировка присутствует, что, по всей видимости, связано с интересом пользователей к одноимённой организации из аниме.

Далее, в момент всплеска общественного интереса число пользовательских сообщений в социальных медиа начинает расти раньше и достигает своего пика быстрее, чем число поисковых запросов. Затем на неделе, начавшейся 27 февраля, число сообщений снижается, как и вызываемый ими охват. В то же время число поисковых запросов продолжает расти, и его пик приходится именно на 27 февраля – 5 марта.

Такая ситуация указывает на то, что первоначальный интерес к данной тематике был вызван именно постингом в социальных сетях. Активные публикации в медиа вызывали и поддерживали общественный интерес, вызвавшийся в поисковых запросах. Соответственно, активной группе постеров, о которой говорилось выше, удалось на непродолжительное время завладеть вниманием интернет-пользователей, которые, заинтересовавшись темой, стали искать о ней дополнительную информацию.

4. Оценивая динамику поисковых запросов, мы неизбежно столкнёмся с их беспрецедентным ростом в феврале. Приведём данные сервиса «Ворд-стат» (WordStat) за несколько предшествовавших месяцев (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Статистика поисковых запросов с лексемой «рёдан», введённых пользователями в поисковый сервис «Яндекс» в сентябре 2022 г. – феврале 2023 г. (шт.) / Statistics of search queries with the lexeme «рёдан» entered into Yandex search service in September 2022 – February 2023 (pcs.)

Месяц, год	сент. 2022	окт. 2022	нояб. 2022	дек. 2022	январь 2023	февр. 2023	март 2023
Число поисковых запросов с формулировкой «рёдан»	9466	9298	10217	9263	10814	3576190	3465340
Число поисковых запросов с формулировкой «ЧВК «Рёдан»	0	0	11	8	21	1251948	1556313

Источник: составлено авторами по:

Яндекс.WordStat [Электронный ресурс].

URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

Для лексемы «рёдан» до февраля 2023 г. характерна стабильная, но невысокая популярность в диапазоне 9–10 тыс. запросов в месяц, что очевидно связано с интересом к одноимённой организации из аниме. Однако в феврале их число возрастает до 3576190, т. е. более чем в 330 раз. Это не является следствием популярности самого аниме. Запрос «ЧВК «Рёдан»», не имеющий непосредственного отношения к аниме, но характеризующий именно рассматриваемое контркультурное явление, фактически не вводился в поисковый сервис «Яндекса» до февраля 2023 г., а затем сразу вырос с 21 до 1251948 запросов.

Такой рост тем более удивителен, что сравнимых показателей не наблюдалось при самых острых и общественно значимых событиях. Даже сообщение о проведении в России частичной мобилизации вызвало рост поисковых запросов с лексемой «мобилизация» с 519668 в августе до 50179130 в сентябре 2022 г., т. е. в 96,5 раз – в три раза меньше, чем в случае с «ЧВК «Рёдан»».

Такой резкий рост популярности крайне нехарактерен для культурных (как и контркультурных) феноменов, как правило, набирающих популярность постепенно. Тем более он нехарактерен для социальных групп, общественных движений, набирающих и теряющих сторонников, переживающих взлёты и падения популярности.

Для сравнения приведём статистику поисковых запросов уже достаточно давно известного в России контркультурного движения «АУЕ»⁵.

⁵ «Арестантский уклад един» (АУЕ, также используется вариант А.У.Е.; другое название – «арестантское уркаганское единство») — название и девиз криминальной субкультуры и российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних юношей и девушек. Деятельность признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации – (прим. ред.).

Таблица 4 / Table 4

Статистика поисковых запросов с лексемой «АУЕ», вволившихся пользователями в поисковый сервис «Яндекс» в сентябре 2022 г. – феврале 2023 г. (шт.) / Statistics of search queries with the lexeme «АУЕ» entered into Yandex search service in September 2022 – February 2023 (pcs.).

Месяц, год	сент. 2022	окт. 2022	нояб. 2022	дек. 2022	январ. 2023	февр. 2023	март 2023
Число поисковых запросов с формулировкой «АУЕ»	66994	69809	94317	82489	82277	71854	78451

Источник: составлено авторами по:
Яндекс.WordStat [Электронный ресурс].
URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

Данная статистика демонстрирует некоторые заметные колебания, но в целом остаётся стабильной, удерживаясь в последние два года в диапазоне 66–110 тыс. запросов в месяц. Наиболее быстрый рост числа запросов пришёлся на 12–19 ноября 2022 г., когда они выросли в 1,7 раза за неделю (с 19523 по 33630).

Всё это не позволяет считать взлёт общественной популярности «ЧВК «Рёдан»» естественным процессом, вызванным действием неких объективных общественных факторов.

Рассмотренные в комплексе, эти четыре фактора указывают на использование в раскрутке темы «ЧВК «Рёдан»» манипулятивных технологий. Общую динамику раскрутки общественного интереса к данной теме можно визуально отразить в виде 6-лучевой ПРОЗИС-диаграммы (рис. 1).

Порядок отображения данных на осях не случаен. Верхняя группа из трёх осей («источники», «постеры» и «сообщения») характеризует в первую очередь усилия пользователей по продвижению новой информации в информационном пространстве. Новая информация появляется в первых уникальных источниках, затем её подхватывают постеры, создавая на её основе более многочисленные сообщения.

Совместно показатели трёх верхних осей формируют информационное ядро. Заходя в сеть, рядовой пользователь сталкивается не с информацией как таковой, а именно с информационным ядром, включающим как тексты новостей, так и сообщения с реакцией на них его друзей, знакомых и сетевых лидеров мнений. Именно информационное ядро служит объектом дальнейшей рефлексии пользователя.

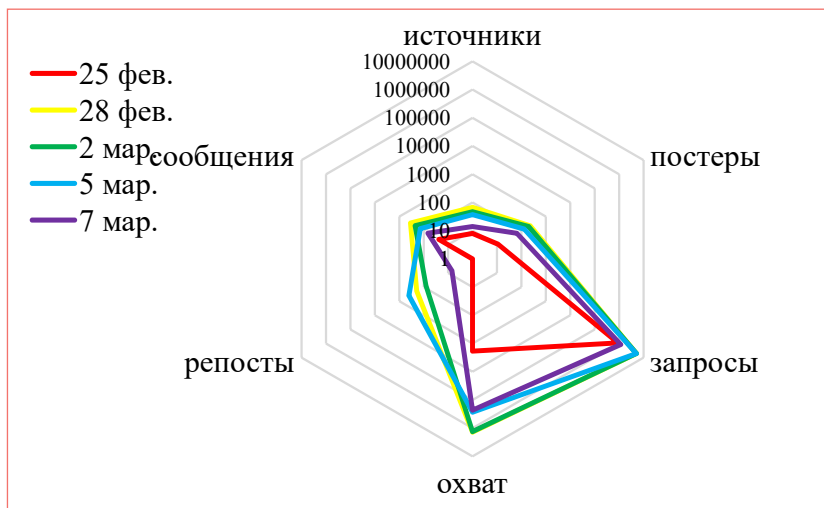

Рис. 1 / Fig. 1. ПРОЗИС-показатели сетевой активности пользователей по лексеме «рёдан» за период с 25 февраля по 7 марта (шт.). Отображение в виде ПРОЗИС-диаграммы с логарифмической шкалой / PROZIS-indicators of user network activity by the lexeme “рёдан” for the period from February 25 to March 7 (pcs.). Display as a PROZIS-chart with a logarithmic scale

Источник: составлено авторами по данным: IQbuzz. Система мониторинга социальных медиа и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://iqbuzz.pro> (дата обращения: 13.03.2023); Яндекс.WordStat [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

Вторая группа показателей «репосты», «запросы» и «охват» отражает, в сущности, уровень рефлексии пользователей и степень их реакции на новую информацию. Потребляя контент из интернет-медиа, групп в социальных сетях, из лент или телеграмм-каналов, от активных блогеров и из других источников, пользователи начинают интересоваться темой. Из этого следуют повышение числа запросов в поисковых сервисах, репост материалов, постепенное заполнение групп, лент и комментариев. Эту нижнюю группу можно назвать информационной периферией.

ПРОЗИС-диаграмма позволяет отследить весь цикл распространения информации о ЧВК ««Рёдан»». В текущем примере заметно, как 25 февраля небольшая группа пользователей на основе первых источников начала усиленно публиковать сообщения с лексемой «рёдан». Эти сообщения сразу приобретают заметный охват, поскольку группа старается распространять их в популярных группах, пабликах и сообществах. Сталкиваясь с новой информацией, пользователи в первую очередь наращивают число поисковых

запросов, однако, до конца не разобравшись в теме, ещё не готовы делиться в своих аккаунтах информацией о ней.

К 28 февраля усилия первоначальной группы увенчались успехом: множество постеров присоединяется к раскрутке темы, они создают сотни новых сообщений, и охват достигает максимальных значений, появляется значительное число репостов. 2 марта эта картина в целом сохраняется, хотя и фиксируется некоторое снижение основных показателей.

5 марта активная часть интернет-аудитории (предпочитающая писать сообщения), по всей видимости, начинает терять интерес к теме: число постеров и сообщений снижается. Однако массовый интернет-пользователь предпочитает не писать собственные посты, а ограничивается чтением и репостом чужих, поэтому охват и репосты продолжают расти. 7 марта пользовательский интерес неуклонно угасает, о чём свидетельствует заметное падение числа репостов. При этом показатели ядра всё ещё остаются внушительными – первоначальная группа пользователей, вполне возможно, ещё работает над раскруткой темы. Однако общество уже не так заинтересовано в ней – основные ПРОЗИС-показатели окончательно вошли в нисходящий тренд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что феномен «ЧВК «Рёдан»» – продукт информационной манипуляции, созданный на базе идеи о существовании несуществующего молодёжного движения. Отчасти рост интереса к нему можно объяснить характерным для молодёжи протестным восприятием социальных традиций, отчасти актуализацией темы со стороны ряда лидеров общественного мнения.

Что же касается применённого метода, ПРОЗИС-анализ может с успехом использоваться для выявления фактов манипуляции общественным сознанием. Функционал онлайн-сервисов позволяет пойти ещё дальше, выявляя источники распространения информации, обнаруживая сообщества и отдельных пользователей, занятых раскруткой тематики. Впрочем, это в целом выходит за рамки чисто научной деятельности. С точки зрения академической и прикладной науки ПРОЗИС-анализ позволяет фиксировать объективный общественный интерес, отличать его от разного рода информационных манипуляций, отслеживать динамику распространения в обществе новых информационных трендов.

Потенциал использования манипулятивных технологий «новых медиа» для провоцирования деструктивного поведения в молодёжной среде очень высок. В том случае, если некое молодёжное движение деструктивной направленности получит профессиональную медийную поддержку, будет «продвигаться» в информационном пространстве с опорой на манипулятив-

ные технологии, оно станет серьёзной проблемой для общества. Решение и профилактика такого рода проблем требует эффективной консолидации усилий власти и общества, а также разработки соответствующего технологического инструментария.

Описанный в рамках настоящей статьи метод ПРОЗИС-анализа вполне может способствовать повышению эффективности такой работы.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аглямова Г. М., Харисова Э. А. Деструктивные явления в молодежной среде как объект криминологического исследования [Электронный ресурс] // Байкальский научный журнал. 2021. № 3. URL: brj-bguer.ru (дата обращения: 13.03.2023).
2. Буров А. С. Перспективные технологии формирования политически лояльной молодежи в современной России // PolitBook. 2021. № 4. С. 31–46.
3. Вагапова А. Р., Кленова М. А. Развитие позитивного мышления учащихся как основа профилактики суицидального поведения: по итогам заседания круглого стола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. № 1. С. 87–92.
4. ПРОЗИС-анализ: возможности оценки реакции пользователей на значимые информационные поводы в сети Интернет / Р. В. Голубин, И. А. Исакова, А. П. Коротышев, П. П. Рыхтик // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 59–67.
5. Дорохова И. А. Элементы, формирующие имидж вузов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3. С. 87–91.
6. Дрянных Н. В., Лаврентьева А. А., Ракова С. С. Профориентационный нетворкинг: школа – колледж – вуз // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 1. С. 188–195.
7. Егорова Л. Г. Роль региональных СМИ в становлении гражданского общества (на примере информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. № 2. С. 185–194.
8. Камчатова Е. Ю., Бураков В. В., Яхьяев М. А. Роль маркетинговых инноваций в повышении конкурентоспособности предприятия // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 4–7.
9. Ларионова А. В., Горчакова О. Ю., Фахретдинова А. П. Особенности активности студенческой молодежи в сети интернет: опыт деструктив-

- ной коммуникации и вопросы безопасности // Социодинамика. 2021. № 3. С. 12–22.
10. Логинов К. О. Информационное воздействие на электорат при проведении выборов // Известия Тульского Государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 28–42.
 11. Малик Е. Н. Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации // Управленческое консультирование. 2022. № 8. С. 94–107.
 12. Пашоликов М. А. Методологические подходы к организации стратегического маркетингового планирования // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 107–111.
 13. Сарбаа Л. Н., Коньков А. Т. Методы и технологии формирования репутации организации сферы образования // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 1. С. 40–45.
 14. Сидоров М. П., Овсянников С. Н. Наращивание иностранными государствами возможностей ведения противоборства в киберпространстве // Военная мысль. 2022. № 8. С. 131–146.
 15. Суркова О. Е., Елизаров А. А. Технологии формирования моделей электорального поведения // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5-3. С. 151–154.
 16. Фролова Т. И., Гатилин А. С. Социальные проекты муниципальных СМИ как инструмент развития местных сообществ и территорий: стартовые особенности // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 3. С. 500–513.
 17. Эбзеева Ю. Н. Рейтинг университета как элемент аттрактивности для потенциальных абитуриентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2023. № 1. С. 33–38.
 18. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
 19. Multiscale online media simulation with SocialCube / T. Abdelzaher, J. Han, Y. Hao, A. Jing, D. Liu, S. Liu, H. H. Nguyen, D. M. Nicol, H. Shao, T. Wang, S. Yao, Y. Zhang, O. Malik, S. Dipple, J. Flamino, F. Buchanan, S. Cohen, G. Korniss, B. K. Szymanski // Computational and Mathematical Organization Theory. 2020. № 26. P. 145–174.
 20. Roper E., Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. A Report of the Bureau of Applied Social Research, Columbia University. Glencoe, Ill: The Free Press, 1955. 400 p.

REFERENCES

1. Aglyamova G. M., Kharisova E. A. [Destructive phenomena in the youth environment as an object of criminological research]. In: *Baikal'skii nauchnyi zhurnal* [Baikal Research Journal], 2021, no. 3. Available at: brj-bguerp.ru (accessed: 13.03.2023).
2. Burov A. S. [Promising technologies for the formation of politically loyal youth in modern Russia]. In: *PolitBook*, 2021, no. 4, pp. 31–46.
3. Vagapova A. P., Klenova M. A. [Development of positive thinking of students as a means of preventing suicidal behaviour: based on the results

- of the round table meeting]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov university. Educational acmeology. Developmental psychology], 2023, no. 1, pp. 87–92.
4. Golubin R. V., Isakova I. A., Korotyshev A. P., Rykhtik P. P. [PROSIS-analysis: the possibility of assessing users' reaction to significant newsworthy events on the Internet]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2002, no. 475, pp. 59–67.
 5. Dorokhova I. A. [On the elements that form the image of universities]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2002, no. 3, pp. 87–91.
 6. Dryannykh N. V., Lavrent'eva A. A., Rakova S. S. [Vocational guidance networking: school – college – university]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2023, no. 1, pp. 188–195.
 7. Egorova L. G. [Regional media role in civil society formation (on the example of the participatory budgeting projects information support)]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2021, no. 2, pp. 185–194.
 8. Kamchatova E. Yu., Burlakov V. V., Yakhyayev M. A. [The role of marketing innovations in increasing the competitiveness of the enterprise]. In: *Innovatsii i investitsii* [Innovation and investment], 2023, no. 3, pp. 4–7.
 9. Larionova A. V., Gorchakova O. Yu., Fakhretdinova A. P. [Features of student activity on the Internet: experience of destructive communication and security issues]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2021, no. 3, pp. 12–22.
 10. Loginov K. O. [Information impact on the electorate during elections]. In: *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2022, no. 2, pp. 28–42.
 11. Malik E. N. [Formation of social and political potential of young people in conditions of Internet socialization]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2022, no. 8, pp. 94–107.
 12. Pasholikhov M. A. [Methodological approaches to the organization of strategic marketing planning]. In: *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2023, no. 1, pp. 107–111.
 13. Sarbaa L. N., Konkov A. T. [Methods and technologies for building the reputation of an educational outreach organization]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2023, no. 1, pp. 40–45.
 14. Sidorov M. P., Ovsyannikov S. N. [Increasing the capabilities of foreign states to conduct confrontation in cyberspace]. In: *Voennaya mysl'* [Military thought], 2022, no. 8, pp. 131–146.
 15. Surkova O. E., Elizarov A. A. [Technology of electoral behavior models formation]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2022, no. 5-3, pp. 151–154.
 16. Frolova T. I., Gatilin A. S. [Social projects by local media as a tool for the development of local communities: starting points]. In: *Voprosy teorii i*

- praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and practical issues of journalism], 2021, no. 3, pp. 500–513.
17. Ebzeeva Yu. N. [University rating as an element of attractiveness for potential enrollees]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov university. Sociology. Politology], 2023, no. 1, pp. 33–38.
 18. Erikson E. H. Identity, youth, and crisis (Rus. ed.: Tolstykh A. V., transl., ed. *Identichnost': yunost' i krizis*. Moscow, Progress Publ., 1996. 340 p.).
 19. Abdelzاهر T., Han J., Hao Y., et al. Multiscale online media simulation with SocialCube. In: *Computational and Mathematical Organization Theory*, 2020, no. 26, pp. 145–174.
 20. Roper E., Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. A Report of the Bureau of Applied Social Research, Columbia University. Glencoe, Ill, The Free Press, 1955. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коротышев Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; e-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Рыхтик Павел Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; e-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru

Aleksandr P. Korotyshev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Pavel P. Rykhtik – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Коротышев А. П., Рыхтик П. П. Манипулятивные технологии в «новых медиа»: мониторинг и анализ (на примере общественного обсуждения «ЧВК «Рёдан»») // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Korotyshev A. P., Rykhtik P. P. Manipulative technologies in “new media”: monitoring and analysis (on the example of the public discussion of “PMC “Ryodan”). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327.8+32.019.51

Наумов А. О., Белоусова М. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27/4, Российская Федерация

«МЯГКАЯ СИЛА» ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление ключевых ресурсов, акторов и направлений «мягкой силы» Южно-Африканской Республики.

Процедура и методы. В основе исследования лежат системный, коммуникативный и институциональный подходы, принцип историзма, методы традиционного анализа документов.

Результаты. Установлено, что Южно-Африканская Республика является лидером в продвижении «мягкосиловых» технологий на африканском континенте, однако их реализация сдерживается внутренними проблемами социально-экономического характера. Сделан вывод, что большое значение для наращивания потенциала «мягкой силы» Претории имеют её инициативы на площадках Африканского союза, а также проекты в области туризма и спорта. Прогнозируется, что концепция Африканского ренессанса и философия Убунту могут сформировать основу для усиления «мягкого» влияния ЮАР на международной арене.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные выводы могут быть полезны как для изучения специфики «мягкой силы» африканских государств в целом, так и для разработки стратегии социо-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Южно-Африканской Республики на двусторонней основе и в рамках межгосударственных структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЮАР, «мягкая сила», апартеид, Африканский ренессанс, Убунту, Африканский союз, туристическая дипломатия, спортивная дипломатия

СТРУКТУРА

Введение

Истоки «мягкой силы» Южно-Африканской Республики

Африканский ренессанс и Убунту как ресурсы «мягкой силы» ЮАР

Институты и основные направления «мягкой силы» ЮАР

Вызовы для проведения политики «мягкой силы» ЮАР

Заключение

A. Naumov, M. Belousova

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky pr-t 27/4, Moscow 119192, Russian Federation

SOFT POWER OF THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA: HISTORY AND MODERNITY

ABSTRACT

Aim. To identify the key resources, actors and directions of the soft power of the Republic of South Africa.

Methodology. The research is based on systemic, communicative and institutional approaches, the principle of historicism, methods of traditional document analysis.

Results. It has been established that the Republic of South Africa is a leader in the promotion of soft-power technologies on the African continent, but their implementation is hampered by internal socio-economic problems. It is concluded that its initiatives at the sites of the African Union, as well as projects in the field of tourism and sports, are of great importance for building the potential of the soft power of Pretoria. It is predicted that the concept of the African Renaissance and the philosophy of Ubuntu can form the basis for strengthening the soft influence of South Africa in the international arena.

Research implication. The conclusions obtained can be useful both for studying the specifics of the soft power of African states as a whole, and for developing a strategy for socio-humanitarian cooperation between the Russian Federation and the Republic of South Africa on a bilateral basis and within the framework of interstate structures.

KEYWORDS

South Africa, Soft power, Apartheid, African Renaissance, Ubuntu, African Union, Tourism diplomacy, Sports diplomacy

ВВЕДЕНИЕ

Современная Южно-Африканская Республика всё более отчетливо позиционирует себя как стрележное государство Африки, для чего у неё, пожалуй, есть все основания: наличие значительных экономических, военно-политических, дипломатических, культурных ресурсов; ведущая роль в интеграционных процессах на «Чёрном континенте»; членство в таких значимых международных форматах, как «Группа двадцати», БРИКС и ИБСА, и т. д. Сравнительно недавно в ЮАР получила признание и идея реализации на международной арене политики «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы», как известно, была разработана в конце 1990-х – начале 2000-х гг. авторитетным американским политологом Дж. Наем-мл. За последнюю четверть века Най опубликовал несколько десятков научных работ на данную тему, в рамках которых давались различные определения изобретённого им термина. В целом «мягкая сила» – это особая форма силового взаимодействия в международных делах, направленная на достижение долгосрочных целей путём оказания косвенного воздействия на объект; это

способность достигать результатов путём привлекательности, убеждения и притяжения, а не с помощью принуждения, подавления, навязывания собственной воли и в конечном счёте прямого насилия. Такая стратегия ассоциируется в первую очередь с популяризацией и продвижением собственной культуры и ценностей. В своей наиболее известной и ставшей классической работе «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» Дж. Най выделял три основных компонента «мягкой силы»: культуру, политические ценности и внешнюю политику (когда она рассматривается как легитимная и имеющая моральный авторитет у других участников мирового сообщества) [17, р. 12]. Анализу того, каким потенциалом «мягкой силы» обладает Южно-Африканская Республика и как она его реализует в рамках своей внешнеполитической деятельности, и посвящена данная статья.

В основе данного исследования лежат системный, коммуникативный и институциональный подходы, принцип историзма, методы традиционного анализа документов. Необходимо отметить недостаточную разработанность данной темы как в отечественной, так и в зарубежной научной мысли. Российские исследователи рассматривают «мягкую силу» Южно-Африканской Республики преимущественно в рамках общих исследований феномена «мягкой силы» [4, с. 34–36] или анализа деятельности многосторонних международных форматов, таких как БРИКС [5, с. 37–39] или ИБСА [6, с. 26–28]. Зарубежные работы по данной теме посвящены, как правило, изучению отдельных аспектов «мягкой силы» ЮАР, например, её образовательной силы [19], специфики применения инструментов «мягкой силы» негосударственными акторами [13; 16] или влияния «мягкой силы» Южно-Африканской Республики на другие африканские страны [18]. Комплексное изучение ресурсов, акторов и направлений «мягкой силы» ЮАР как суверенного государства, представленное в данной работе, в отечественной историографии проводится впервые.

ИСТОКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Следует отметить, что крайне удачной исторической предпосылкой для формирования южноафриканской стратегии «мягкой силы» стал ненавязчивный переход от политики апартеида к обществу, построенному на равноправии представителей различных рас и национальностей. В эпоху режима апартеида, когда темнокожее население повсеместно ущемлялось в своих правах, занимая подчинённое по отношению к правящей белой элите положение, хотя представляло абсолютное большинство в стране, Претория на мировой арене находилась в серьёзной изоляции. В итоге сама сущность расистского по своей сути режима со временем стала проблемой для международного имиджа ЮАР, что значительно снижало как привлекательность страны в глазах иностранного сообщества, так и возможности для плодот-

ворных взаимоотношений с другими государствами. С начала 1960-х гг. против Южно-Африканской Республики не раз вводились санкции со стороны Организации Объединённых Наций. Так, в 1963 г. ООН призвала к установлению эмбарго на военные поставки, а в 1968 г. расширила список санкций, включив в них рекомендации по сворачиванию связей с ЮАР в области культуры, образования и спорта. Очевидно, что подобные санкции почти полностью исключали возможность использования ею «мягкой силы» как внешнеполитического инструмента, а новая волна международных рестрикций 1980-х гг. только усугубила положение.

Ситуация кардинальным образом изменилась на закате существования биполярной системы. Ещё при предпоследнем белом президенте ЮАР П. В. Бота (1984–1989) началась политика «медленных перемен», заключавшаяся в постепенном реформировании политической системы с целью предоставления большего доступа темнокожим гражданам к власти. Однако частичных мер оказалось недостаточно ввиду нараставшего протестного потенциала среди большинства населения, в связи с чем появились два пути дальнейшего развития государства: силовое подавление несогласных или добровольное ускорение реформ на компромиссной основе.

Выбор именно второго варианта заложил основу для «мягкой силы» Южно-Африканской Республики и её лидерства на континенте, так как страна смогла продемонстрировать успешность мирного перехода от режима апартеида к демократии и эволюционную трансформацию расистского общества, создание уникальной межрасовой системы государственного управления, строительство новой национальной и политической идентичности, т. н. радужной нации. После добровольной отставки Бота в 1989 г. был снят запрет на деятельность Африканского национального конгресса, а его лидер – Н. Мандела – после освобождения из многолетнего заключения в 1990 г. стал премьер-министром ЮАР при президенте Ф. де Клерке, а в 1994 г. занял пост президента страны.

В своей инаугурационной речи Мандела произнёс следующие слова: «Из опыта невиданной человеческой трагедии, которая длилась столь долго, должно родиться общество, которым будет гордиться всё человечество. Наши повседневные дела обычных южноафриканцев должны создать настоящую Южную Африку, которая усилит веру человечества в справедливость, укрепит его уверенность в благородстве человеческой души и ещё раз укрепит все наши надежды на прекрасную жизнь для всех» [9, с. 136]. Эта идея справедливого нерасового общества без угнетения оказалась привлекательной не только для самих южноафриканцев, но и для мирового сообщества в целом. Неслучайно в 1993 г. Манделе и де Клерку была присуждена Нобелевская премия мира, а Международный день борьбы с расовой дискриминацией, изначально учреждённый для памяти жертв режима апартеида, в период правления Н. Манделы стал международным каналом транслирования по-

зительного опыта ЮАР ценностей и видения перспектив развития, которые Южно-Африканская Республика стала распространять на международной арене.

АФРИКАНСКИЙ РЕНЕССАНС И УБУНТУ КАК РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЮАР

Дальнейшая эволюция стратегии «мягкой силы» ЮАР связана с деятельностью сменившего Манделу на посту президента Т. Мбеки (1999–2008 гг.), который, продолжая развивать идеи своего предшественника, начал активно продвигать концепцию Африканского ренессанса. Последователи данной идеологии убеждены, что Африка – это современный регион, не отстающий в развитии от других цивилизаций, но выбравший свой собственный путь гармонии между людьми и природой. Важно отметить, что задачи реализации идей Африканского ренессанса изначально лежали именно в области культуры и регионального взаимодействия в этой сфере. Как подчёркивал сам Мбеки, «началом нашего возрождения как континента должно стать открытие заново нашей души».

По словам исследователя вопроса Е. Чуквуджекву, Африканский ренессанс нашёл своё отражение «в развитии философии африканских народов, представляющих их мировоззрение с использованием оригинальных методов философствования» [11, с. 144]. А как верно, в свою очередь, отмечает отечественный учёный О. Г. Леонова, Африканский ренессанс представляет собой «идеи возврата к истокам африканской самобытности, ценностям коллективизма, африканское решение африканских проблем на основе философии Убунту, а также признание самоценности африканской модели “духовной гармонии цивилизации”» [4, с. 34].

Действительно, концепция Африканского ренессанса получила широкое распространение на «Чёрном континенте» не только за счёт своей привлекательности, но и за счёт того, что опиралась на философию Убунту – «этико-нормативный комплекс бантуязычных народов Юга Африки, включающий такие понятия, как человечность, общность, солидарность» [10, с. 55]. По мнению известного российского учёного и политика В. А. Никонова, понятие «Убунту» близко по значению к российской «соборности» [7, с. 408], хотя, на наш взгляд, кардинальным отличием последней является наличие ярко выраженной религиозной коннотации. Убунту, опираясь на традиции региона, предполагает понимание человека как личности во взаимосвязи его с остальным миром, реализуя тем самым концепцию всечеловечности, в которой важно и личное достоинство индивида, и достоинство окружающего его общества.

Сегодня Убунту считается комплексной африканской идеологией и африканским образом жизни, существовавшими до прихода в Африку белого человека. Политика, основанная на принципах Убунту, зиждется на принци-

пах многосторонности, этического лидерства и экономического процветания, реализуемых Южно-Африканской Республикой как внутри страны, так и на глобальной арене. Один из специалистов по проблеме задаётся вопросом: «как выглядел бы мир, если бы другие лидеры взяли бы лист из книги этого замечательного человека (Н. Манделы – А. Н.)? Как бы выглядел капитализм, если бы он был наполнен идеологией Убунту? Как бы выглядел мировой экономический порядок? Как бы выглядела правовая система в Америке? Каким был бы мир, если бы все угнетатели и тираны извинились за свои проступки, а затем посвятили себя исцелению и оказанию помощи членам своих сообществ и глобальной семье? Представьте себе энергию, высвобождаемую их “новой” человечностью? Насколько больше экономической и политической щедрости могло бы быть?» [10, с. 6]. А его коллеги Д. Мадис и К. Исайк прямо говорят (и с ними нельзя не согласиться!), что «Убунту – это, по сути, философия “мягкой силы”, ресурс, который несёт в себе заманчивый моральный авторитет, пронизывающий все сферы социальной структуры ЮАР в частности и всего африканского континента в целом» [14, р. 7].

ИНСТИТУТЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЮАР

С 2000-х гг. и по настоящее время Убунту и Африканский ренессанс являются концептуальными основами «мягкосиловой» стратегии ЮАР, что подчёркивается и в официальных речах лидеров страны, и в ходе практической реализации внешней политики государства. Более того, с начала XXI в. Претория приступила к созданию институтов, способствующих развитию потенциала «мягкой силы» страны. Так, в 2000 г. Парламентом ЮАР был принят закон об учреждении Фонда Африканского ренессанса. Его деятельность финансируется за счёт выделения значительных средств из государственного бюджета, распространяется на всю Африку (особенно субсахарскую) и заключается во взаимодействии с другими странами по вопросам построения демократического, антирасистского и антисексистского бесконфликтного развивающегося африканского общества. Сам Фонд непосредственно подчиняется Департаменту международных отношений и сотрудничества (Министерству иностранных дел ЮАР), а к его непосредственным практикам можно отнести, например, проведение декад Африканского ренессанса, которые включают проведение различных мероприятий культурной направленности, призванных популяризировать общафриканскую музыку, живопись, литературу, искусство и прочие сферы культуры среди широких слоёв общества африканских государств. Так, на ежегодной основе в августе в нескольких странах проводится фестиваль новой африканской музыки «Восточно-африканский ренессанс», на котором выступают музыкальные коллективы, представляющие современную интерпретацию музыки с упором на африканские традиции [8, с. 12].

В рамках реализации политики «мягкой силы» ЮАР активно работает на площадках Африканского союза. Несмотря на то, что основные направления деятельности данного интеграционного объединения лежат в политико-экономической плоскости, в Учредительном акте АС есть место для таких целей, как «координация и гармонизация культурной политики стран-участниц; содействие формированию и распространению panaфриканской идентичности»¹. В качестве конкретных механизмов, существующих на базе Африканского союза и активно используемых ЮАР для транслирования своих культурных ценностей в общеафриканском масштабе, можно назвать мероприятия, реализуемые в рамках т. н. Повестки 2063. К ним, в частности, относится создание Африканского виртуального и электронного университета, в котором в рамках образовательной дипломатии активно участвуют южноафриканские вузы. Правительство ЮАР также играет ключевую роль в создании и наполнении коллекции Большого африканского музея, задачей которого является повышение осведомлённости о разнообразных культурных феноменах Африки и о том влиянии, которое «Чёрный континент» оказывал и продолжает оказывать на мировые цивилизации в таких областях, как искусство, музыка, язык и наука. Наконец, нельзя не сказать о принятой в 2001 г. Африканским союзом программе «Новое партнёрство» в интересах развития Африки (НЕПАД), которая стала ещё одним инструментом реализации «мягкой силы» Южно-Африканской Республики. Данная программа в большей степени направлена на экономическое и политическое сотрудничество, однако в рамках её реализации предусмотрено развитие гражданской культуры, основанной на борьбе с расизмом и сексизмом, а также на уважении прав человека, в связи с чем организуются специальные мероприятия в культурной сфере, на которых активно транслируется опыт ЮАР, прошедшей мирный путь от апартеида к тем целям, которые заявляются НЕПАД как основополагающие.

Нельзя не отметить растущей значимости образовательной и научной дипломатии ЮАР. Сегодня южноафриканские университеты позиционируют себя как наиболее востребованные для зарубежной аудитории учебные заведения в Африке. Студентов «Чёрного континента» действительно привлекают высокие позиции в мировых рейтингах и относительная ценовая доступность (по сравнению с западными аналогами) университетов в Кейптауне, Претории, Стелленбосе, Йоханнесбурге и ряда других. Важнейшая роль, которую играют иностранные студенты и учёные в поддержании высшего образования Южной Африки, подчёркивается в нескольких поли-

¹ Мбеки Т. Африканский ренессанс, Южная Африка и мир (речь) // Department of International Relations & Cooperation: [сайт]. URL: <http://www.dfa.gov.za/docs/speeches/1998/mbek0813.htm> (дата обращения: 14.09.2023).

тических документах, включая Национальный план высшего образования², Национальный план развития до 2030 г.³ и Белую книгу 2014 г. по высшему образованию и профессиональной академической подготовке⁴. К примеру, в Национальном плане развития до 2030 г. говорится, что к этому времени 75% университетских преподавателей должны иметь степень кандидата наук, что означает ежегодную подготовку более 5000 аспирантов⁵. При этом в документе подчёркивается, что для реализации этой цели Южно-Африканская Республика должна полагаться на иностранных, особенно африканских учёных и аспирантов из-за текущей нехватки местных квалифицированных кадров.

Важным направлением политики «мягкой силы» Южно-Африканской Республики является туризм. В стране функционируют такие институты туристической дипломатии, как Департамент туризма ЮАР и Национальное агентство «Южно-Африканский туризм». К функционалу последнего относятся: позиционирование страны как популярного туристического направления и площадки для деловых мероприятий; упрощение режима пересечения границ государства зарубежными туристами; обеспечение соответствия туристических объектов и услуг самым высоким стандартам; маркетинг туристических достопримечательностей; контроль и оценка эффективности работы туристического сектора⁶. Учитывая преимущества страны, заключающиеся в уникальных природно-рекреационных ресурсах и относительной дешевизне туризма (особенно для представителей западных стран), акцент сделан на развитии инфраструктуры и улучшении качества оказания услуг иностранцам для формирования позитивного образа и наращивания тем самым потенциала «мягкой силы» Южно-Африканской Республики.

Удачным примером сочетания научной и туристической дипломатии можно считать XIX Всемирный конгресс политологов, проведённый Международной ассоциацией политической науки в 2003 г. в южноафриканском Дурбане. В данном форуме приняли участие более 2 тыс. экспертов со всех континентов. На открытии мероприятия были представлены выступления

² Constitutive Act of the African Union // African Union: [сайт]. URL: <https://au.int/en/treaties/constitutive-act-african-union> (дата обращения: 14.09.2023).

³ National Plan for Higher Education // The Department of Justice and Constitutional Development: [сайт]. URL: <https://www.justice.gov.za/commissions/feeshet/docs/2001-NationalPlanForHigherEducation.pdf> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴ Our Future – Make it Work. National Development Plan 2030 // National Planning Commission: [сайт]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/ndp-2030-our-future-make-it-workr.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ White Paper for Post-school Education and Training // Department of Higher Education and Training: [сайт]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/37229gon11.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

⁶ Our Future – Make it Work. National Development Plan 2030 // National Planning Commission: [сайт]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/ndp-2030-our-future-make-it-workr.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

чтецов зулусской поэзии и африканского хора, а между заседаниями организаторы предоставили гостям возможность прогуляться по известным своей уникальной красотой пляжам города, понаблюдать за сёрфингистами и попробовать фирменные блюда Дурбана, заимствованные из индийской кухни [12, p. 865].

Как метко заметили отечественные авторы И. И. Горлова и О. И. Бычкова, Южная Африка опирается в реализации концепции «мягкой силы» на «захватывающие дух пейзажи», но также и на спортивные достижения [3, с. 269]. Действительно, в рамках нашего исследования нельзя обойти вниманием спортивную дипломатию ЮАР, сегодня напрямую ассоциирующуюся с построением нового общества равных возможностей для всех граждан вне зависимости от их расовой принадлежности. Дело в том, что спортсмены Южно-Африканской Республики ещё в период апартеида были весьма успешны в таких видах спорта, как регби, крикет и футбол, а после падения расистского режима в начале 1990-х гг. национальные сборные, представленные смешанным составом белого и темнокожего населения, в полной мере получили доступ к международным соревнованиям. Более того, ЮАР стала хозяйкой мировых первенств по регби в 1995 г. (и новая нерасистская команда выиграла этот трофей), по крикету в 2003 г. и по футболу в 2010 г.

Чемпионат мира по футболу вообще стал важной вехой в развитии стратегии «мягкой силы» Южно-Африканской Республики. Благодаря впечатляющему количеству футбольных болельщиков (финальный матч между сборными командами Испании и Голландии, например, по телевидению смотрели 700 млн человек) он позволил привлечь глобальное внимание к культуре, ценностям, инфраструктуре принимающей страны, т. е. к активам её «мягкой силы». Кроме того, как справедливо утверждает известный южноафриканский учёный О. Телла, его страна была и остаётся единственным африканским государством, организовавшим такое мероприятие, и представления об Африке как о континенте болезней, терроризма, войн, коррупции и плохого управления были во многом развенчаны благодаря успешному проведению в ЮАР данного спортивного мегасобытия [20, p. 85]. Правда, надо отметить, что для болельщиков чемпионат запомнился не только красочными матчами, но и громкими, порой раздражающими звуками африканских дудок-вувузел и обрядами африканских шаманов, закладывавших талисманы под газон для победы команды. Тем не менее эффект от проведения Мундиала с точки зрения наращивания потенциала южноафриканской «мягкой силы» был очень существенный.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЮАР

Эффективность применения инструментов «мягкой силы» Южно-Африканской Республики после бурного развития в начале XXI в. в последние годы

снижается. Это является результатом целого комплекса проблем, связанных с ошибками в области государственного управления новой политической элиты ЮАР, особенно в годы президентства Дж. Зумы (2009–2018 гг.). В итоге лидер субсахарской Африки всё чаще ассоциируется с экономическими проблемами, конфликтами внутри политического класса, высоким уровнем безработицы, бедности, неравенства, преступности и коррупции.

Помимо этого, нельзя не отметить расхождения между Южной Африкой и рядом других африканских стран относительно степени обеспечения гражданских свобод, особенно прав сексуальных меньшинств. В то время как на Западе поддерживают позицию ЮАР, африканские государства критикуют Южно-Африканскую Республику за то, что она продвигает ценности, несоответствующие, по их мнению, местным реалиям. Поскольку на Африку приходится почти половина из мировых держав, где за гомосексуализм предусмотрена уголовная ответственность⁷, подход Претории к данному вопросу создаёт определённые проблемы в деле генерирования и популяризации единой африканской идентичности. Чтобы избежать конфликта с другими государствами «Чёрного континента» на этой почве, делегация ЮАР в 2016 г. была вынуждена воздержаться от голосования за резолюцию Совета по правам человека ООН о создании наблюдательного органа по борьбе с дискриминацией и насилием в отношении представителей ЛГБТ-сообщества [15, р. 109–110].

Значительные, а порой и просто колоссальные различия в уровне жизни в ЮАР и ряде африканских стран также затрудняют выработку общей идентичности на идеологической основе, которую предлагает Южно-Африканская Республика. Так, 65% населения Африки живут менее чем на 2 долл. в день, а почти 300 млн человек голодает [2, с. 58–59]. Уровень неграмотности в среднем по континенту составляет порядка 40%, 43 млн африканцев ВИЧ-инфицированы, более 90% случаев малярии в мире приходится на Африку [1, с. 39–40]. Бедность и отсутствие образования создают благоприятную среду для роста радикальных настроений и являются причиной многочисленных вооружённых конфликтов. В данном контексте очевидно, что продвижение культурных ценностей и в целом «мягкой силы» ЮАР затруднено в условиях, когда потенциальные реципиенты каждый день вынуждены бороться за собственное существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует сказать, что политика «мягкой силы» ЮАР имеет неплохие перспективы, но делает только первые шаги в этом направлении, сталкиваясь при этом со значительным количеством вызовов. Основным

⁷ South African Tourism // National Government of South Africa: [сайт]. URL: <https://nationalgovernment.co.za/units/view/183/south-african-tourism> (дата обращения: 14.09.2023).

культурным ресурсом «мягкой силы» Южно-Африканской Республики выступают идеи Убунту и Африканского ренессанса. Убунту представляет собой комплексную идеологию африканского образа жизни, предполагающего понимание человека как личности во взаимосвязи его с остальным миром. Африканский ренессанс, опираясь на картину мира Убунту, подразумевает видение африканской цивилизации не как отстающей, а как самобытной, выбравшей свой собственный путь гармонии между людьми и природой.

Концепция Африканского ренессанса легла в основу формирования ряда институтов, способствующих развитию потенциала «мягкой силы» государства, в частности Фонда Африканского ренессанса и Африканского виртуального и электронного университета на базе Африканского союза. Помимо традиционных ценностей, Южно-Африканская Республика продвигает элементы гражданской культуры, основанной на борьбе с расизмом и сексизмом. ЮАР активно взаимодействует с другими странами континента в рамках Нового партнёрства в интересах развития Африки.

Важные направления политики «мягкой силы» Южно-Африканской Республики составляют образование, наука, туризм и спорт. В стране функционируют популярные у жителей африканских стран университеты, а также структуры туристической дипломатии, деятельность которых направлена на формирование привлекательного образа Южной Африки за рубежом. ЮАР также закрепила свою репутацию спортивной нации, успешно проведя Чемпионат мира по футболу в 2010 г.

К вызовам, с которыми сталкивается политика «мягкой силы» Южной Африки, относятся внутригосударственные проблемы, а также неоднородность экономического и социокультурного пространства африканского континента, в рамках которого реализуется «мягкосиловая» стратегия официальной Претории. В то время как бедность, коррупция и неэффективное государственное управление выступают факторами, подрывающими деятельность ЮАР в области продвижения привлекательного образа страны, разница в подходах к толкованию некоторых гражданских свобод затрудняет продвижение единых ценностных ориентиров и формирование общего дискурса на раздираемом конфликтами «Чёрном континенте».

И всё же социокультурные традиции Южно-Африканской Республики, в основе которых лежат идеи Убунту, концепция Африканского ренессанса, научно-образовательная, туристическая и спортивная дипломатии, вполне могут служить основой для увеличения потенциала «мягкой силы» ЮАР и быть крайне востребованными в рамках происходящего на наших глазах глобального переустройства мирового порядка, характеризующегося переходом от наполненной геополитическим эгоизмом однополярной гегемонии Запада к более справедливой и разнообразной многополярности. Полученные в рамках данной работы выводы могут быть полезны как для изучения специфики «мягкой силы» Южной Африки и африканских государств в целом, так и для

разработки стратегии культурно-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Южно-Африканской Республики на двусторонней основе и в рамках межгосударственных структур, активно развивающихся в рамках формирования новой системы международных отношений.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.09.2023

Статья размещена на сайте: 28.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И. О. Демографические процессы в странах БРИКС: последствия для Африки // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития / под ред. Г. Д. Толораи. М.: РУДН, 2013. С. 36–42.
2. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африканский регион в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4. С. 55–69.
3. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «Мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
4. Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель - Observer. 2013. № 4. С. 27–40.
5. Наумов А. О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // Мировая политика. 2015. № 4. С. 27–40.
6. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 14.09.2023).
7. Никонов В. А. Код цивилизации. М.: Русское слово – учебник, 2020. 472 с.
8. Прокопенко Л. Я., Шубин В. Г. Африканский ренессанс // Ученые записки Института Африки РАН. 2001. № 2. С. 25–58.
9. Соколов Г. Г. Нельсон Мандела и его роль в создании нерасового государства в ЮАР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2002. № 1. С. 131–137.
10. Харитоновна Е. В. Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР) // Конфликтология. 2018. № 3. С. 55–69.
11. Чуквуджекву Е. Африканская философия в современном мире // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 143–149.

12. Anderson L. E. A Report on the 19th Congress of the International Political Science Association // PS: Political Science & Politics. 2003. Vol. 36. № 4. P. 865–866.
13. April Y. F. Assessing South Africa's strategic options of soft power application through civic interest groups // African Journal on Conflict Resolution. 2009. Vol. 9. № 1. P. 123–144.
14. Madise D., Isike C. Ubuntu Diplomacy: Broadening Soft Power in an African Context // Journal of Public Affairs. 2020. № 20. P. 1–10.
15. Le Pere G. Ubuntu as Foreign Policy: The Ambiguities of South Africa's Brand Image and Identity // Strategic Review for Southern Africa. 2019. Vol. 39. № 1. P. 93–115.
16. Nussbaum B. African Culture and Ubuntu: Reflections of a South African in America // Perspectives. 2003. № 17. P. 1–12.
17. Nye J. Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
18. Ogunnubi O., Amao O. B. South Africa's Emerging "Soft Power" Influence in Africa and Its Impending Limitations: Will the Giant Be Able to Weather the Storm // African Security. 2016. Vol. 9. № 4. P. 299–319.
19. Ogunnubi O., Shawa L. Analysing South Africa's Soft Power in Africa through the Knowledge Diplomacy of Higher Education // Journal of Higher Education in Africa. 2019. Vol. 15. № 2. P. 81–107.
20. Tella O. Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports. Abingdon: Routledge, 2021. 226 p.

REFERENCES

1. Abramova I. O. [Demographic processes in the BRICS countries: implications for Africa]. In: Toloraya G. D., ed. *BRICS i Afrika: sotrudnichestvo v celyah razvitiya* [BRICS and Africa: cooperation for development]. Moscow, RUDN Publ., 2013, pp. 36–42.
2. Abramova I. O., Fituni L. L. [The African region in the context of fundamental trends and emerging threats in the global economy and politics]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian foundation for humanities], 2015, no. 4, pp. 55–69.
3. Gorlova I. I., Bychkova O. I. [Culture as a Soft Power: tools and points of application]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 18, pp. 268–272.
4. Leonova O. G. [Soft power as a resource of the state's foreign policy]. In: *Obozrevatel'* [Observer], 2013, no. 4, pp. 27–40.
5. Naumov A. O. [The BRICS Countries' "Soft Power"]. In: *Mirovaya politika* [World Politics], 2015, no. 4, pp. 27–40.
6. Naumov A. O., Polozhevich R. S. ["Soft Power" and International Image of the IBSA Countries]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnij vestnik* [Public Administration. E-journal], 2015, no. 52. Available at: <http://e-journal.spa.msu.ru> (accessed: 14.09.2023).
7. Nikonov V. A. *Kod tsivilizatsii* [Code of Civilization]. Moscow, Russkoe slovo – uchebnik Publ., 2020. 472 p.

8. Prokopenko L. Ya., Shubin V. G. [African Renaissance]. In: *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Journal of the Institute for African studies], 2001, no. 2, pp. 25–58.
9. Sokolov G. G. [Nelson Mandela and his role in the creation of non-racial state in the Republic of South Africa]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2002, no. 1, pp. 131–137.
10. Kharitonova E. V. [Ethics and politics in Africa: precedents of the application of elements of traditional ethical systems in the settlement of political conflicts (on the example of Rwanda and South Africa)]. In: *Konfliktologiya* [Conflictology], 2018, no. 3, pp. 55–69.
11. Chukwujekwu E. S. F. [African philosophy in the contemporary world]. In: *Logos et Praxis*, 2019, no. 18, no. 2, pp. 143–149.
12. Anderson L. E. A Report on the 19th Congress of the International Political Science Association. In: *PS: Political Science & Politics*, 2003, vol. 36, no. 4, pp. 865–866.
13. April Y. F. Assessing South Africa's strategic options of soft power application through civic interest groups. In: *African Journal on Conflict Resolution*, 2009, vol. 9, no. 1, pp. 123–144.
14. Madise D., Isike C. Ubuntu Diplomacy: Broadening Soft Power in an African Context. In: *Journal of Public Affairs*, 2020, no. 20, pp. 1–10.
15. Le Pere G. Ubuntu as Foreign Policy: The Ambiguities of South Africa's Brand Image and Identity. In: *Strategic Review for Southern Africa*, 2019, vol. 39, no. 1, pp. 93–115.
16. Nussbaum B. African Culture and Ubuntu: Reflections of a South African in America. In: *Perspectives*, 2003, no. 17, iss. 1, pp. 1–12.
17. Nye J. Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
18. Ogunnubi O., Amao O. B. South Africa's Emerging "Soft Power" Influence in Africa and Its Impending Limitations: Will the Giant Be Able to Weather the Storm. In: *African Security*, 2016, vol. 9, iss. 4, pp. 299–319.
19. Ogunnubi O., Shawa L. Analysing South Africa's Soft Power in Africa through the Knowledge Diplomacy of Higher Education. In: *Journal of Higher Education in Africa*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 81–107.
20. Tell O. Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports. Abingdon, Routledge, 2021. 226 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наумов Александр Олегович – доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: naumovao@my.msu.ru

Белюсова Марина Владимировна – ассистент кафедры международных организаций и проблем глобального управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: belousova@spa.msu.ru

Alexander O. Naumov – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Organizations and Global Political Processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: naumovao@my.msu.ru

Marina V. Belousova – Assistant, Department of International Organizations and Global Political Processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: belousova@spa.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Наумов А. О., Белоусова М. В. «Мягкая сила» Южно-Африканской Республики: история и современность // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Naumov A. O., Belousova M. V. Soft power of the Republic of South Africa: history and modernity. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 316.334.3

Осипова Н. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЛОББИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть институционализацию лоббизма с точки зрения разных подходов к трактовке самого термина «институционализация» и его преломления в плоскость лоббизма.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ зарубежной и отечественной литературы в контексте развития научной мысли об институтах и процессе институционализации такого политического процесса, как лоббизм. Автором использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение), так и методы политической науки (например, институциональный).

Результаты. В статье автором рассмотрены нормативный, организационный, интеракционный подходы при интерпретации институционализации лоббизма. Использован также интегральный подход для комплексного и более глубокого рассмотрения процесса.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в рассмотрении эволюции теоретических концепций, а также в выделении специфики лоббизма как процесса в рамках четырёх научных подходов. Практическая значимость содержится в анализе структурных элементов лоббизма, что может быть использовано для выработки механизмов управления данной практикой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

группы интересов, группы давления, институционализация, лоббизм, лоббирование, принятие политических решений

СТРУКТУРА

Введение

Эволюция институциональной теории

Интегральный подход к рассмотрению вопроса

Заключение

N. Osipova

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky pr-t 27/4, Moscow 119991, Russian Federation

INSTITUTIONALIZATION OF LOBBYING: SOME QUESTIONS OF THEORY

ABSTRACT

Aim. To consider the institutionalization of lobbying from the viewpoint of different approaches to the interpretation of the term “institutionalization” and its refraction in the context of lobbying.

Methodology. The main content of the study is the analysis of foreign and domestic literature in the context of the development of scientific thought about the institutions and the institutionalization of such a political process as lobbying. The author uses both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison) and methods of political science (for example, institutional method).

Results. In the article, the author considers normative, organizational, interactive approaches to the lobbying institutionalization interpretation. The integral approach is also used for a more comprehensive and in-depth consideration of the process.

Research implications. The article reviews the evolution of theoretical concepts, as well as in highlighting the specifics of lobbying as a process within the framework of four scientific approaches. The practical significance is in the analysis of the structural elements of lobbying, which can be used to develop mechanisms for managing this practice.

KEYWORDS

interest groups, institutionalization, lobbyism, lobbying political decision-making, pressure groups

ВВЕДЕНИЕ

В современной политической науке существует множество теоретических подходов и концепций для объяснения такой категории, как «институционализация». У исследователей часто существует свой взгляд на данный термин, который находится под влиянием их научной и профессиональной деятельности. Каждый из учёных делает акцент на определённом аспекте или их комбинации: юридическом, экономическом, коммуникационном, политическом, историческом, культурном, социологическом, придавая всё новые смыслы и коннотации. Для соблюдения максимальной научной объективности изучения явления лоббизма и процессов, с ним связанных, целесообразно проанализировать уже существующие теоретические наработки трактовки институционализации. Использование материалов ключевых исследователей-теоретиков в совокупности с авторским видением создаёт основание для обогащения знаний, выбора и адаптации наиболее подходящих

теоретических наработок о лоббизме как о социально-политическом явлении.

Целью данного исследования является рассмотрение лоббизма через призму существующих доминирующих в современной политической науке подходов к толкованию понятия «институциализация».

Автором были применены следующие методы: общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение), а также институциональный метод политологии.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

В основе дефиниции институциализации лежит понятие «институт», этимология которого уходит корнями в античность – “*institutum*” – и означает «установление, учреждение, обычай» [10, с. 36]. Первые попытки изучения институтов в эволюции социально-политической мысли предпринимали ещё Платон и Аристотель, которые особое внимание уделяли такому объединению общества, как государство, его структуре и принципам функционирования. Представители эпохи Возрождения Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др. развивали политико-правовой взгляд не только на государство как древнейший институт, но и на власть. В дальнейшем политическая наука выделилась в отдельную область знаний, которая изучает государство, его органы и институты, политическую жизнь как производную от функционирования политических институтов.

Исследователи выделяют два базовых этапа становления институциональной теории в политической науке. Первый этап – до 50-х гг. XX в. – «старая школа институционализма», которая представлена Т. Вебленом, У. Гамильтоном, В. Вильсоном, Г. Картером, Дж. Брюсом, Т. Коулом. Ими делался акцент преимущественно на юридических трактовках институтов. При этом сам термин «институционализм» был предложен У. Гамильтоном в 1918 г. «Старой» данную школу стали называть, когда в 80-х гг. XX в. появилось направление «нового институционализма». В промежутке 50–60-х гг. XX в. доминировал бихевиористский подход, который основной акцент делал не на институтах, а на поведении индивидов и факторах его обуславливающих. Второй этап – после 70-х гг. XX в. – «новый институционализм», для которого не только формальные границы институтов были в фокусе внимания, но и внутреннее строение самих институтов. Представлен работами Д. Норта, М. Леви, Дж. М. Ходжсона. Некоторые представители экономических школ называют данный период «новейшим институционализмом».

Развитие институциональной теории наложило отпечаток и на понимание институциализации. В современной политической науке принято выделять нормативный, организационный, интеракционный подходы при интерпретации институциализации [1, с. 54].

Согласно двум трактовкам нормативного подхода важное место в обществе занимают процессы создания формальных норм («узкая» трактовка) или более гибких, чем нормы, – «правил игры» («широкая» трактовка). Формальные нормы являются результатом договорённостей групп людей, достаточно чётко определены и закреплены письменно. Данную «узкую» трактовку представляет политолог М. Леви, которая для объяснения решений правительства в сферах налогообложения граждан и воинской повинности особое внимание уделила правилам. Она также подчёркивает принцип «path dependence» – зависимость от пути, согласно которому созданные людьми институты ограничивают последующий выбор тех же самых людей или будущих поколений [15, р. 402]. Происходит фиксирование достаточно жёсткими рамками «стандартного» поведения, а нарушающие эти рамки действия становятся девиантными. При этом также важна коллективистская природа ценностей, которая обуславливает модели поведения.

Экстраполируя логику М. Леви на институционализацию лоббизма, можно констатировать ограниченность её применения. Даже в системах, в которых лоббизм закреплён законодательно, остаётся достаточно много возможностей для применения незарегламентированных механизмов, часто приближающихся или даже пересекающих границы зафиксированных норм. В таких системах значительную роль играют традиции и обычаи, которые чётко закреплены в сознании социальной группы, иногда даже на уровне архетипа. Например, в постсоветских странах большое значение в решении вопросов, связанных с властью, имеют родственные связи (кумовство), которое не входит в рамки легальных норм.

Доктор политических наук А. В. Павроз трактует лоббизм как деятельность по отстаиванию интересов через влияние на должностных лиц и органы публичной власти, подчёркивая увеличение роли института в современных обществах и рост формализованности лоббистских практик [9, с. 151]. Однако лоббизм в большинстве стран формально (т. е. юридически) не закреплён, но при этом активно используется, развивается и адаптируется, имеет свои негласные правила, которые фактически не попадают в смысловое поле данного течения нормативного подхода. К такому числу стран относится лоббистский опыт, который сформировался на Украине и в России. Попытки законодательно урегулировать данный вопрос неоднократно предпринимались с момента распада СССР, но так и не были приняты и воплощены в жизнь. Отсутствие определения дефиниций и алгоритмов деятельности в сфере лоббирования создали благоприятные условия для его развития в основном в рамках второго течения нормативного подхода к пониманию институционализации, фокусирующегося на «правилах игры» и их вариативности.

В широкой трактовке правила игры проводят «границы» дозволенного для взаимодействия людей. При этом сами границы могут носить как чётко определённый юридический характер (например, законы), так и неформаль-

ный (например, обычаи, традиции). Ярким представителем второго течения является американский экономист Д. Норт, который поделил институты на три вида: 1) формальные правила, т. е. закреплённые письменно (например, Конституция, законы, нормативно-правовые акты); 2) механизмы, которые через систему давления и наказания стимулируют к выполнению правил (например, суд, полиция); 3) неформальные ограничения (неписанные) нормы поведения, в которые входят традиции, обычаи, привычки, добровольные рамки, ограничивающие сферу действия формальных правил и процедур [7, с. 18]. Именно третий вид, по мнению значительного числа исследователей лоббизма, корректно интерпретирует его как практику по оказанию влияния на субъекты принятия властных решений с помощью широкой палитры неформальных, исторически и культурно обусловленных методов. При этом неформальные правила часто определяют эффективность выполнения формальных, оба вида взаимодополняют друг друга.

Важно подчеркнуть, что, по мнению Д. Норты, институты «уменьшают неопределённость», структурируя повседневную жизнь. Сам характер институтов определяется целенаправленной деятельностью людей и объективными факторами. Например, для эффективного функционирования производственно-технологического процесса необходимы определённое поведение и преодоление препятствий, созданных государством для вовлечённых групп общества. Такие препятствия порождают конкурентную борьбу. Получить наиболее выгодные позиции в результате борьбы достаточно эффективно поможет продавливание нужных интересов с помощью лоббизма. Институционализация лоббизма в данном контексте стремится создать устойчивые и предсказуемые институты, которые обеспечивают защиту прав и интересов граждан, а также стимулируют инновации и экономический рост во взаимодействии с субъектами принятия политических решений.

В широкую трактовку понятия института укладывается позиция российского политолога С. П. Перегудова, который подчёркивает возросшую роль функционального представительства интересов и фактически его «укоренение» в странах Запада наравне с партийно-парламентским представительством. Подтверждение этому можно наблюдать в увеличении использования неформальных связей группами интересов при взаимодействии с государством, например, в форме лоббизма. Лоббизм – «различные формы и методы воздействия бизнеса, других общественных групп на представителей законодательной и исполнительной властей в целях добиться от них принятия выгодных для себя решений». При этом С. П. Перегудов не исключает, что лоббизм используется в рамках формализованных структур и методов, но всё же большая часть «реализуется именно в рамках неформальных, “свободных” от институциональных и процедурных ограничений связей» [11, с. 120].

Сторонники организационного подхода трактуют институт прежде всего как объединение людей в коллектив и действие от его имени, т. е. институт – это организация. По мнению французского социолога Э. Дюркгейма, институты – это форма организации социальной жизни с устойчивыми общественными связями и отношениями. Социальные институты создают возможность членам института удовлетворять свои потребности и интересы [3, с. 20]. В данном контексте лоббизм можно рассматривать как деятельность групп давления, которые объединены общими интересами и оказывают влияние на субъекты принятия политических решений для реализации конкретных целей.

Представителями данной трактовки в российском политологическом дискурсе является Р. В. Зелепукин, Т. Н. Ильина. Данные исследователи считают, что институционализация лоббизма – это «создание организованного процесса влияния на институты публичной власти заинтересованных лиц или их групп с целью учёта их интересов в решениях правотворческого характера, содержащих общеобязательные, формально-определённые предписания. Таким образом, обязательным критерием разграничения лоббистской деятельности от любого корпоративного влияния будет выступать урегулированное нормами права официальное включение лоббистских групп в правотворческие процедуры» [4, с. 41].

Английский философ и социолог Г. Спенсер выделяет два вида институтов как организаций для сотрудничества. В основе классификации лежит природа происхождения и суть института. Первый вид берёт своё начало в реализации индивидуальных целей, которые только косвенно приводят и к реализации общественного благосостояния. Такие институты (например, семейные) формируются непринудительно и бессознательно развиваются. Второй вид (например, политические институты), наоборот, возникает из отстаивания общественных целей и косвенно приводит к индивидуальному благосостоянию. Они принудительны и развиваются сознательно [5, с. 325].

Примером институционализации лоббизма в контексте второго вида институтов может служить деятельность профсоюзных и отраслевых организаций, которые объединяются и сотрудничают для оказания максимально эффективного давления, аккумулируя и применяя ресурсы группы.

По мнению английского социолога Э. Гидденса, институционализация – это создание длительных структур во времени и пространстве, наиболее стабильных черт социальной жизни [2, с. 65]. В этом контексте можно рассматривать относительно стабильные лобби, связанные общими интересами и/или родом деятельности (например, профсоюзы, ассоциации предпринимателей, объединения ремесленников и др.). При этом существуют и стихийные лобби, которые формируются для решения отдельного конкретно взятого вопроса. После достижения необходимого им результата такие группы интересов, как правило, распадаются. Например, объединения активных гражд-

дан, которые совместно решают назначение парковой территории, зоны для отдыха или противостоят решению властей, которое не отражает их коллективных интересов. Данные группы выходят за рамки трактовки институтов Э. Гидденса, так как не имеют стабильного и длительного функционирования.

В рамках данной трактовки особое внимание на деятельность объединения лоббистов по специальности как индикатора его институционализации обращает внимание российский политолог А. А. Сучкова: «Деятельность профессиональных лоббистов показывает степень институционализации лоббизма в конкретном государстве, специфику процесса взаимодействия общества и власти, процесса принятия политических решений» [12, с. 111].

Третий подход к трактовке понятия «институт» подчёркивает важность коллективных взаимодействий (интеракций), которые носят повторяющийся характер. По мнению С. Хантингтона, институты – это упорядоченное, стабильное устойчивое существование сообщества с определёнными формами поведения, которые достигли морального согласия и общности интересов [13, с. 32]. Таким образом, лоббизм может трактоваться как регулярная деятельность по согласованию и отстаиванию интересов сообщества при интеракциях с властью.

Такой ракурс можно наблюдать в работе исследователя А. В. Манохиной. Политолог подчёркивает начальный этап институционализации лоббизма в России, так как существует превалирование неформальных связей между бизнесом и властью, а также высокий уровень коррупционных рисков из-за отсутствия публичности в деятельности членов экспертных советов при комитетах Государственной думы. Помимо этого, автор упоминает наличие профессиональных сообществ при отсутствии профессии лоббиста как таковой, отсутствие освещения проблемы лоббизма в СМИ на федеральном и региональном уровнях, недопонимание механизмов лоббирования у населения [6, с. 51].

Лоббизм, по мнению кандидата политических наук В. О. Трапездникова, – институционализированная практика социальных групп, реализуемая с целью влияния на органы государственной власти, принимаемые ими решения и действия широким набором методов, делающих их деятельность эксклюзивной и эффективной в рамках определённой политической системы [14, с. 308].

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСА

Полноценное рассмотрение институционализации лоббизма невозможно без интеграции подходов и выделения национальной специфики России и Украины. Институционализация лоббизма может быть рассмотрена как комплексный процесс, включающий в себя различные аспекты взаимодействия

между группами интересов и политическими институтами как в рамках национальных систем, так и на межнациональном уровне.

Интегральный подход к трактовке институционализации лоббизма предполагает рассмотрение этого процесса с точки зрения различных аспектов политической системы. Это может включать в себя создание правил и норм, анализ роли лоббистов в процессе принятия политических решений, изучение их взаимодействия с другими группами интересов, а также исследование влияния лоббизма на функционирование политических институтов.

Одним из ключевых аспектов интегрального подхода является понимание того, что институционализация лоббизма является сложным процессом, который требует учёта множества факторов и условий. Это включает в себя как внутренние факторы, такие как структура политической системы и особенности функционирования политических институтов, так и внешние факторы, такие как влияние международной среды и глобализационные процессы.

Помимо определения трактовок термина необходимы выделение видов групп интересов и детальный анализ функции лоббизма, а также определение субъекта, объекта, предмета, методов лоббирования и форм регулирования [7, с. 86; 8].

По мнению автора, институционализация лоббизма как оформление принципов, механизмов и правил функционирования способствует предсказуемости явления. Исходя из этого, вероятность оказания деструктивных влияний на процесс принятия политических решений, а следовательно, и риски для стабильности политической системы снижаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье автор обращает внимание на разнообразие теоретических подходов к понятию «институционализация». Различные учёные подходят к этому термину с разных точек зрения, включая юридический, экономический, коммуникационный, политический, исторический, культурный и социологический аспекты. Это многообразие подходов обогащает понимание институционализации и создаёт основу для более глубокого анализа лоббизма как политического процесса.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что автор выделяет важность интегрального подхода к изучению институционализации лоббизма. Этот подход позволяет рассматривать процесс комплексно и учитывать различные аспекты институциональных изменений, связанных с лоббизмом. Основываясь на двух базовых трактовках нормативного подхода, институты играют важную роль в обществе, выполняя функции создания формальных норм и регулирования поведения людей. Формальные нормы создаются в результате договорённостей между группами людей и определяют «стандартное» поведение. Институты также могут быть рассмотрены как

организации, объединяющие людей и позволяющие им действовать коллективно. Оба подхода подчёркивают значимость институтов в обществе и их роль в регулировании поведения людей.

Автор подчёркивает необходимость анализа специфики мировых практик влияния на принятие политических решений, которые становятся важными для разработки более эффективных стратегий лоббирования и регулирования лоббистской деятельности в России и на Украине.

В целом статья предоставляет обширный обзор подходов к институционализации и их применению к лоббизму, что может быть полезным для дальнейших исследований в области политической науки и практических вопросов управления лоббистскими процессами. В данных аспектах заключается практическая значимость исследования.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.09.2023

Статья размещена на сайте: 28.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
2. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
3. Дюркгейм Э. Социология, её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
4. Зелепукин Р. В., Ильина Т. Н. Формирование российской модели лоббирования: от истоков к современному состоянию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1. С. 39–44.
5. Коллинс Г. Философия Герберта Спенсера в сокращённом изложении Г. Коллинза / пер. с англ. П. В. Мокиевского. СПб.: Ф. Павленков, 1892. 472 с.
6. Манохина А. В. Институционализация лоббистской деятельности в Российской Федерации // Гуманитарный акцент. 2021. № 2. С. 48–52.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 188 с.
8. Осипова Н. А. Технологии прямого цивилизованного лоббизма в постсоветских странах (на примерах России и Украины) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 85–90.

9. Павроз А. В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 151–162.
10. Патрушев С. В. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006. 600 с.
11. Перегудов С. П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Полис. Политические исследования. 1993. № 4. С. 115–125.
12. Сучкова А. А. Институционализация лоббистской деятельности в России как фактор повышения эффективности взаимодействия общества и государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 1. С. 111–116.
13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-традиция, 2004. 581 с.
14. Трапездников В. О. Нормативно-правовое регулирование лоббизма: выгоды для российской политической системы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 307–313.
15. Levi M., Cook K. S. The limits of rationality. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 423 p.

REFERENCES

1. Abramov A. V. [Political institution and political institutionalization: definition of concepts]. In: *Vlast'* [The Authority], 2010, no. 5, pp. 53–55.
2. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration (Rus. ed.: Tyurina I., transl. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 528 p.).
3. Durkheim E. La sociologie et sa méthode (Rus. ed.: Gofman A. B., transl. *Sotsiologiya, ee predmet, metod, prednaznachenie*. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.).
4. Zelepukin R. V., Ilina T. N. [Formation of the Russian model of lobbying: from sources to the modern state]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia], 2020, no. 1, pp. 39–44.
5. Collins G. An epitome of the synthetic philosophy of Herbert Spencer by F. Howard Collins (Rus. ed.: Mokievskii P. V., transl. *Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchennom izlozhenii* G. Kollinza. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1892. 472 p.).
6. Manokhina A. V. [Institutionalization of lobbying activities in Russian Federation]. In: *Gumanitarnyi aktsent* [Humanitarian accent], 2021, no. 2, pp. 48–52.
7. North D. Institutions, institutional change and economic performance (Rus. ed.: *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» Publ., 1997. 188 p.).

8. Osipova N. A. [Technologies of direct civilized lobbying in post-Soviet countries (on examples of Russia and Ukraine)]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2017, vol. 7, no. 5, pp. 85–90.
9. Pavroz A. V. [Trends, problems and prospects of lobbying in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2018, vol. 24, no. 4, pp. 151–162.
10. Patrushev S. V. *Institutsional'naya politologiya: sovremennyyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii* [Institutional political science: modern institutionalism and political transformation of Russia]. Moscow, ISP RAS Publ., 2006. 600 p.
11. Peregudov S. P. [Political representation of interests: Experience of the West and Russia's problems]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1993, no. 4, pp. 115–125.
12. Suchkova A. A. [Institutionalization of lobbying activities in Russia as a factor of increase of efficiency of interaction between society and the state]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov university (New series). Series: Sociology. Politicalology], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 111–116.
13. Huntington S. Political order in changing societies (Rus. ed.: Rokityanskii V. R., transl. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 581 p.).
14. Trapeznikov V. O. [Legal regulation of lobbying: benefits for the Russian political system]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2021, no. 4, pp. 307–313.
15. Levi M., Cook K. S. The limits of rationality. Chicago, University of Chicago Press, 1990. 423 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Осипова Наталья Александровна – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: 080862@bk.ru

Natalya A. Osipova – Postgraduate student, Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: 080862@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Осипова Н. А. Институционализация лоббизма: некоторые вопросы теории // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Osipova N. A. Institutionalization of lobbying: some questions of theory. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.51

Прокудин Б. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

РОМАН Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА» КАК РАЗМЫШЛЕНИЕ О «НАСТОЯЩИХ» НИГИЛИСТАХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструировать социально-политическое содержание романа Н. С. Лескова «Некуда», важной составляющей которого было размышление о «настоящих» нигилистах.

Процедура и методы. Методологической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению текстов художественной литературы.

Результаты. Долгое время считалось, что роман Н. С. Лескова «Некуда» – антинигилистический. Однако сам Лесков был убеждён, что в своём романе он развивает «главную идею» романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», который современники называли «Евангелием нигилистов», т. е. пытается показать коренные различия между «настоящими» нигилистами, людьми долга и труда, и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами. В статье показано главное различие метода описания «настоящих» нигилистов у Чернышевского и Лескова. Если первый утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», то второй работал в этом же направлении от противного, разоблачая «шалых шавок» нигилизма. В статье приведён сравнительный анализ поведенческих стратегий героев Чернышевского и Лескова, которых можно назвать «настоящими» нигилистами. В статье также реконструирован общественный идеал, выраженный в романе «Некуда».

Теоретическая значимость. В статье реконструировано социально-политическое содержание романа «Некуда», представления Н. С. Лескова о «настоящих» нигилистах и общественном идеале.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Н. С. Лесков, «Некуда», нигилисты, «Что делать?», общественный идеал

СТРУКТУРА

Введение

История создания романа «Некуда»

Роман «Некуда» – галерея нигилистов

Реализм «Некуда» и идеализм «Что делать?»

Общественный идеал Лескова

Заключение

B. Prokudin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gori 1, Moscow 119991, Russian Federation*

NIKOLAI LESKOV'S NOVEL "NO WAY OUT" AS A REFLECTION ON "REAL" NIHILISTS

ABSTRACT

Aim. To reconstruct the social and political content of Nikolai Leskov's novel "No Way Out", in which Leskov's reflections on "real" nihilists were a crucial part.

Methodology. The methodological basis of this study is the historical and political science approach to the study of fiction texts.

Results. For a long time it was believed that Nikolai Leskov's novel "No Way Out" is anti-nihilistic. However, Leskov himself was convinced that in his novel he was developing the "main idea" of Nikolai Chernyshevsky's nihilistic novel "What Is To Be Done?", which is considering of be the "Nihilistic Gospel". He attempted to show the fundamental differences between the "real" nihilists, people of duty and labor, and the "crowd of empty insignificant people" who call themselves nihilists. The article shows the main difference in the method of describing the "real" nihilists of Chernyshevsky and Leskov. While the first affirmed the idea of the need for honest work, showing solely a positive example of the ideal "new people", the second followed the principle of contradiction and exposed the false nihilists. The article provides a comparative analysis of the behavioral strategies of the protagonists of Chernyshevsky and Leskov who can be called "real" nihilists. The article also reconstructs the social ideal expressed in the novel "No Way Out".

Research implications. The article reconstructs the social and political content of Nikolai Leskov's novel "No Way Out", ideas about the "real" nihilists and the social ideal.

KEYWORDS

Nikolai Leskov, "No Way Out", nihilists, "What Is To Be Done?", social ideal

ВВЕДЕНИЕ

В 1863 г. в журнале «Современник» появился «политический» роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Воздействие этого «Евангелия нигилистов» на общество и политический процесс в России оказалось колоссальным и ощущалось представителями нескольких поколений. Чернышевский создал цельное готовое мировоззрение для молодёжи (прежде всего для разночинцев) и спрятал его в любовный роман [см.: 10, р. X]. Его уловка сработала невероятно эффективно, трактат, который притворился романом, получил такую большую аудиторию, что оппонентам Чернышевского ничего не оставалось, как отвечать тем же. Любое разоблачение нигилизма, написанное в виде журнальной статьи, было обречено на неудачу. На более широкие слои населения теперь можно было воздействовать только художественной литературой. И оказалось, что в России есть писатели, готовые бороться с нигилизмом Чернышевского его же оружием и, главное, есть выдающийся издатель, М. Н. Катков, который готов за это им платить хорошие гонорары

и исправно их печатать в одном из лучших литературных журналов – «Русском вестнике». Так появилось целое литературное направление – антинигилистический роман. Долгое время считалось, что одним из первых таких романов был роман Н. С. Лескова «Некуда», который появился в следующем, 1864 г. Однако называть «Некуда» классическим антинигилистическим романом сложно хотя бы потому, что Лесков в тот период выступал в поддержку Чернышевского, искренне считая, что в своём романе развивает «главную идею» романа «Что делать?», пытаясь очистить образ «настоящего» нигилиста от вредных напластований.

Нужно начать с того, что Лесков одним из первых откликнулся на выход романа «Что делать?» рецензией (ещё до написания «Некуда»), и эта рецензия, вышедшая в газете «Северная пчела» с эпиграфом-половицей: «Чёрт не так страшен, как его рисуют», – оказалась положительной. Лесков выступил в ней как «беспартийный» критик, но при этом человек, в силу жизненных обстоятельств хорошо знакомый с кругом людей, которых в 1860-х гг. было принято называть «нигилистами». С точки зрения Лескова, после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (добавим, и статей Д. И. Писарева о Базарове) «сердитые» молодые люди в России получили зримый образ для подражания и ряд идеологических максим, в соответствии с которыми можно было выстраивать свою жизнь. Они копировали лучшее, что было у нигилиста Базарова, стремились самообразовываться и приносить помощь людям. Их Лесков уважительно называет «настоящими» нигилистами. Но вместе с ними, к несчастью, народились в большом количестве «уродцы российской цивилизации», люди, которые тоже хотели подражать Базарову, но так как самообразовываться и приносить кому-то пользу сложно, оказались его «кариатурами», копируя не лучшие, а самые «резкие черты оригинала»: «Гадкий нигилизм весь выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве ... Такова в большинстве грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма»¹.

Чернышевский, по мнению Лескова, в своём романе рассказал, какими должны быть «настоящие» нигилисты, из которых вышел Базаров, показал, как отличить «настоящих» нигилистов от «шальных шавок, окричавших себя нигилистами»: они «трудятся до пота», испытывают «уважение к взаимным естественным правам» и стремятся «дать благосостояние возможно большему числу людей»². При этом Лесков довольно снисходительно отнёсся к социалистической утопии Чернышевского. По его мнению, «экономической системы, создающей действительную гармонию», не существует. Но есть

¹ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52, 53.

² Там же. С. 55.

люди, «пытающиеся приладить эту систему», и их существование полезно обществу³.

Вторая важная идея, высказанная Лесковым в статье о романе «Что делать?», касалась его революционности. Лесков пишет, что к 1863 г. в обществе сложилось неверное представление о Чернышевском как о вожде революционеров. Возможно, потому, что в своих многочисленных журнальных статьях он высказывал «только отрицание да отрицание, антипатии да антипатии, а симпатий своих ни разу не сказал. Он их не сказывал, конечно, по обстоятельствам, от него не зависящим, а “проницательные читатели” думали, что его симпатии... головорезы, Робеспьер верхом на Пугачёве ... Между тем г. Чернышевский из своего далека прислал нам роман, в котором открыл себя, как никогда ещё не открывал ни в одной статье. Теперь перед нами его симпатии»⁴. И эти симпатии оказались вполне мирными. «Новые люди» его «не несут ни огня, ни меча», пишет Лесков, а если попытаться ответить на заглавие романа, то оказывается, надо «посвятить себя труду на основаниях, представляющих, возможно, более гармонии в ровном интересе всех лиц трудящихся. Г-н Чернышевский, – резюмирует Лесков, – как *нигилист*, и, судя по роману, *нигилист-постепеновец*, не навязывает здесь ни одну из теорий ..., но заставляет пробовать: как лучше, как удобней? Где же тут Марат верхом на Пугачёве?»⁵.

Интересно, что в своей рецензии Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убеждён, что вместо «пошлого отрицания всего»: любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада (что свойственно людям «дерзким и невежественным») – необходимы постепенные мирные преобразования жизни крестьян, включающие просвещение, внедрение новых орудий и методов сельскохозяйственного труда, улучшения медицины и т. д. И был уверен, что Чернышевский написал свой роман именно об этом, о том, что «настоящие» нигилисты не «крикуны», а люди труда.

«Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами. Теперь это в Петербурге стало каким-то неопределённым понятием ... Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего»⁶, – эти слова из рецензии Лескова 1863 г. на роман Чернышевского «Что делать?» можно было бы поставить эпиграфом к роману «Некуда»,

³ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 55.

⁴ См. там же. С. 53, 54.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 54, 55.

ведь одной из центральных проблем романа стала проблема нахождения коренных различий между «настоящими» нигилистами и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА «НЕКУДА»

Поразительно, что человек, считавший, что развивает «главную идею» романа Чернышевского, после выхода «Некуда» оказался объектом сокрушительной критики со стороны радикальных журналистов. А Д. И. Писарев после прочтения «Некуда» вопрошал: «1) Найдётся ли теперь в России – кроме “Русского вестника” – хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого (псевдоним Лескова. – Б. Л.) и подписанное его фамилией? 2) Найдётся ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?»⁷. И этой филиппике, как писал Л. А. Анненский, «суждено было намертво приклеиться к роману Лескова и дойти до самых наших дней чем-то вроде несмываемого клейма» [1, с. 76]. Почему так произошло?

Ответ тут, конечно, лежит на поверхности. Чернышевский утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», Лесков работал в этом же направлении от противного, разоблачая «шалых шавок» нигилизма, к тому же имеющих узнаваемые прототипы. В 1861 г., переехав в Петербург, Лесков начал сотрудничество с газетой «Русская речь», которую издавала Е. В. Салиас-де-Турнемир. В редакции он познакомился с писателями В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым. И в том же году завёл знакомство с приехавшим из Англии революционером и публицистом А. Бенни. И несмотря на то, что с редакцией «Русской речи» Лесков разорвал отношения довольно скоро, а в 1862 г. подвергся ожесточённым нападкам со стороны радикальной прессы за неосторожную статью о майских пожарах в Петербурге, в 1863 г. он ещё некоторое время общался со «старыми друзьями», имел возможность наблюдать изнутри обитателей «Знаменской коммуны», созданной Слепцовым: княжну Е. А. Макулову, молодую переводчицу М. Н. Коптеву и др. [2, с. 89–98].

Все эти люди, выведенные в «Некуда», оказались настолько узнаваемыми, что, по словам критика «Русского слова» В. А. Зайцева, одного из первых откликнувшихся на роман, Лескову не хватало только «фотографических снимков», чтобы его роман был похож на немецкие полицейские газеты, где помещают портреты преступников. Салиас-де-Турнемир получила имя маркизы де Бараль, Слепцов стал Белоярцевым, Левитов – Завулоновым, Маку-

⁷ Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 275.

лова – Бертольди, Коптева – Бахиревой и т. д. [9, с. 614–637]. Критика такого подхода была беспощадной. Всех возмутило, что Лесков зло и карикатурно описал вчерашних единомышленников. Даже если он вдруг почувствовал их своими идеологическими оппонентами, это были люди, к которым он недавно ходил в гости, садился за один стол. А кто-то, как, например, Салиас-де-Турнемир, ещё и помогал ему делать первые шаги в литературном мире Петербурга. Это выглядело неблагодарностью и предательством. «В сущности, – продолжал Зайцев, – это просто плохо подслушанные сплетни, перенесённые в литературу»⁸. В подобном роде отреагировал и сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей» А. С. Суворин, узнавший себя в одном из персонажей «Некуда»: «Г. Стебницкий – человек не без дарования, и притом оригинального. Дарование это заключается в том, что автор хорошо описывает предметы, даже очень хорошо. Я думаю, что г. Стебницкий может не только поставлять романы с описанием примет известных лиц, но даже с успехом мог бы служить по следственной части»⁹. Здесь вновь прозвучал намёк на доноительство Лескова. В такой ситуации никто не решился заступиться за Лескова, на «Некуда» не вышло ни одной положительной рецензии. Представители существовавших тогда идеологических направлений не захотели встать на сторону писателя, провозгласившего себя «человеком без направления» и в то же время в глазах публики оказавшегося злостным «гонителем всего прогрессивного». А за Лесковым закрепилась репутация писателя, подозреваемого в связях с Третьим отделением.

Несдержанная едкость характеристик, которые себе позволил Лесков в отношении круга социалистов и либерального кружка маркизы де Бараль, злые пародии на реальных людей долгое время не давали читать роман беспристрастно и разглядеть в нём что-то, помимо антинигилистической критики. Тогда как роман «Некуда», кроме критики, содержит представления об общественном идеале и является во многом автобиографической книгой. Сейчас кажется, что цель, которую ставил перед собой Лесков в период написания романа, состояла не столько в разоблачении либералов и нигилистов, сколько в самопознании. Это, помимо всего, роман-размышление Лескова о том, какие философские и социально-политические идеалы могут быть основой честной жизни. И что нужно делать для улучшения жизни в России.

Если обратить внимание на биографический контекст написания романа, мы увидим, что Лесков в тот момент болезненно переживал утрату прежних идеалов и находился в поиске новых. Переехав в Петербург в 1861 г., Лесков поселился в квартире профессора И. В. Вернадского, где жил тогда член организации «Земля и воля» А. И. Ничипоренко, который зарабатывал

⁸ См.: В. З. [Зайцев В. А.] Перлы и адаманты русской журналистики // Русское слово. 1864. No. 6. Отд. II. С. 43–52.

⁹ Знакомый г. Стебницкого [Суворин А. С.] Пропущенные главы романа «Некуда» // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 11 сент.

на жизнь в качестве репетитора сына Вернадского. Лесков и Ничипоренко подружились и сделали единомышленниками. Вполне возможно, что Лесков даже принимал участие в составлении революционной прокламации «Русская правда» [9, с. 614–637]. Ничипоренко был арестован по «делу 32-х» о связях русских «заговорщиков» с «революционной эмиграцией», Герценом и Огарёвым. Он действительно поддерживал связь с Герценом, был корреспондентом «Колокола». Лесков в тот период также был горячим почитателем «лондонских пропагандистов». Ничипоренко умер в Петропавловской крепости ещё до окончания процесса. Лесков в том же 1861 г. начал сотрудничать в издании «Русская речь» Е. В. Салиас-де-Турнемир, которое можно охарактеризовать как либеральное и умеренно оппозиционное. Слепцов и Левитов публиковали там очерки «из народной жизни». А Лесков учился писать статьи на «общественные темы». В 1862 г. Лесков подвергся ожесточённой критике за свою «пожарную» статью, напечатанную в «Северной пчеле» [4, с. 151–159]. А в 1863 г. он уже писал «Некуда», всячески пытаясь отмежеваться от русских революционеров и высмеивая либералов. Вряд ли он делал это из страха быть арестованным, очевидно, что к моменту написания романа он не разделял взгляды своих прежних знакомцев. Но эволюция взглядов, судя по датам, происходила у Лескова так стремительно, а роман писался в такой горячке, что о разработанной и непротиворечивой мировоззренческой позиции автора «Некуда» говорить было бы неправильно. В романе чувствуется мучительное желание сформулировать своё кредо по всем основным общественным и политическим и личным вопросам и расквитаться со своими заблуждениями. Такое объяснение «молодому бешенству, с каким изображались социалисты и маркиза де Бараль», предлагает современная исследовательница творчества Лескова М. А. Кучерская. «“Некуда” – это не донос, – пишет она, – а прощание с незадавшейся молодостью и проклятие её. Лесков рвал со всеми, не простив им своих ошибок. Он снова и снова убеждал себя и мир в узости их взглядов на мужчину и женщину, на семью и образование, на политическое и экономическое будущее России» [4, с. 211].

РОМАН «НЕКУДА» – ГАЛЕРЕЯ НИГИЛИСТОВ

Итак, в романе «Некуда» – две основные сюжетные линии. Первая – история девушки Лизы Бахиревой, которая, вернувшись из института, не находит понимания в родительском доме. Она много читает и мечтает о новой жизни в среде близких по духу людей, у которых «слово не расходится с делом». В результате она уходит из дома и поселяется в коммуне социалистов, основанной Белоярцевым. Помимо этого, Лиза влюбляется в благородного революционера Вильгельма Райнера, который в конце романа погибает, сражаясь за дело освобождения Польши. Гордая Лиза, поняв всю никчемность затеи

Белоярцева, всё же не может отказаться от выбранного пути. Узнав об аресте Райнера, она отправляется с ним проститься и погибает от воспаления легких, простудившись в дороге. Вторая сюжетная линия – история доктора Дмитрия Розанова, который, подобно Лескову, недолго увлекается идеями социалистов, потом посещает салон либеральной маркизы де Бараль. Но разочаровавшись, рвёт отношения с теми и другими, даже спасает социалистов, уничтожив накануне обыска литографический камень и прокламации, на нём отпечатанные. Расставшись с полусумасшедшей женой, пессимист Розанов всё же находит счастье с новой женщиной и устраивается на должность полицейского врача в Петербурге.

Глазами Лизы и Розанова мы видим целую галерею «шалых шавок» нигилизма, более и менее безобидных. Это и либеральная предводительница «углекислых фей Чистых прудов», взбалмошная маркиза де Бараль, которая «не могла рассуждать спокойно и последовательно» и говорила «умные слова, спутанные в самые беспутные фразы». Это и переполненный «половой чувствительностью» и властолюбием Белоярцев, основавший коммуну, подражая героям романа «Что делать?» Чернышевского. Однако коммуна распалась после полугода беспорядочной жизни и постоянных склок маленького кружка якобы прогрессивных единомышленников, которые на деле оказались неспособными не только трудиться, но даже поддерживать небольшое совместное хозяйство, и чёрную работу за «социалистов» выполняла прислуга. Но Райнер и Лиза Бахарева, любимые герои Лескова, идут в революционное движение с готовностью к подвигу, по убеждениям. Их нельзя упрекнуть ни в глупости, как маркизу де Бараль, ни в неискренности, как Белоярцева. И уж точно нельзя заподозрить в подлости. Почему они оказываются в революционном движении? По сюжету романа оба они стали нигилистами не по «безбожию» и не «вследствие страсти к подражанию всему западному», как описывали появление нигилизма многие консервативные мыслители [6, с. 81–85; 8, с. 43–45], а благодаря внешним обстоятельствам. Дед Райнера, пастор, был расстрелян, отстаивая независимость Швейцарии, отец был «вольнодумцем», общался с Герценом и завещал сыну бороться с несправедливостью. И тому в самодержавной России 1860-х гг. не оставалось ничего другого, кроме как погибнуть за «землю и независимость крестьян» и свободу Польши. Лиза отучилась в институте, обрела навыки критического мышления и, вернувшись домой, увидела в своей семье лицемерие, ханжество, «мертвенность». Всё это она не замечала ранее, но теперь уже не могла с этим мириться. Первым желанием её было жить другой жизнью, нежели та, которую ей готовила мать. А чтение «социалистов и материалистов» помогло ей укрепиться в своём желании бежать из дома и искать счастья в социалистической коммуне. Этих героев, следуя классификации Лескова, вполне можно назвать «настоящими» нигилистами.

Более того, «нигилистом» себя считает доктор Розанов, за которым стоит сам автор. В начале романа «лекарь» Розанов своими чертами напоминает «лекаря» Базарова. В уездном городе, где он служит, многие считают его «распущенным», «неуступчивым», «грубым», но все эти качества происходят из-за его нежелания льстить и обманывать. Люди же, знающие его близко, восхищаются его небезразличием к чужому горю и работоспособностью. Розанов, к примеру, относится с отвращением к лживой новой морали Белоярцева и ему подобных, которые называют семью «вредным» и «безнравственным учреждением», однако сам утверждает в романе право разойтись с нелюбимой женой и построить новую семью с любимым человеком, хотя бы и не освящённую церковью. Действует вполне в соответствии с заветом «свободы сердца» Ж. Санд и Чернышевского.

У Лескова трагедия Лизы, чувствующей потребность построить свою жизнь на новых принципах честности, справедливости и труда, вместе с близкими по духу «новыми людьми», заключается в том, что в России таких людей нет, или их ничтожно мало. «Недавно родился этот тип и быстро распложается», – писал о «новых людях» Чернышевский в романе «Что делать?». В Петропавловской крепости ему хотелось верить, что их становится всё больше, что «настоящие» нигилисты – уже не «отдельные личности» (как Базаров), предвещающие появление «этого типа», а нечто большее¹⁰. По Лескову, Чернышевский ошибался. Искренние и честные участники движения так и остались одиночками, оказавшимися, кроме того, погружёнными в среду «дураков, плутов, мошенников», способных только скомпрометировать любую идею. И если этот тип и «распложается», то, скорее, за счёт «уродцев российской цивилизации», которые, подражая Базарову, копировали не любовь к науке, а грубость и невежество, а у героев «Что делать?» в силу собственной нравственной первобытности находили не стремление к труду и честности в семейных отношениях, а оправдание собственной половой распущенности и разрешение отрицать всё, что им не нравится.

Ещё в романе «Отцы и дети» Тургенев показал карикатурных нигилистов, Ситникова и Кукшину. По наблюдениям Лескова, за то время, когда нигилизм «вошёл в моду», его социальную базу составили в большинстве своём именно Ситниковы и Кукшины, а более всего – болтуны и праздные фразёры: «Разве это *нигилисты*? Разве каждая гадина, набравшаяся наглости и потеврявшая стыд, – нигилисты?»¹¹. В этих словах Лескова чувствуется даже сожаление, что благородные начинания часто погибают, потому что распространяются в среде людей, где мало кто готов их серьёзно воспринимать и, кроме того, они оказываются дискредитированы «шутами и дураками, приставшим

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 149.

¹¹ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52.

к ней по страсти к моде». «На великое несчастье этих людей (“новых людей” – Б. П.), – рассуждает Лесков в романе “Некуда”, – у них не было вовремя силы отречься от пристававших к ним шутов. Они были более честны, чем политически опытные, и забывали, что один Дон Кихот может убить целую идею рыцарства. Так и случилось. Шуты насмешили людей, дураки их рассердили»¹². Уже в старости Лесков вспоминал: «Нигилизм погубил себя тем, что преувеличивал свои силы, когда оказалось, что настоящих нигилистов по пальцам можно сосчитать» [7, с. 171].

В одном из последних высказываний о романе, зафиксированном А. И. Фаресовым, Лесков говорил: «А романом “Некуда” я горжусь и считаю его в русской литературе самым верным романом о 60-х годах. Теперь, стариком, я удивляюсь, как это меня хватило разобраться в то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почве выросли нигилисты и чем они кончат. Но у меня всё-таки есть свои Райнеры и Бахарева, которых не купишь ничем. В русской литературе я один дал таких верных людей, а меня за них десятки лет позорили и инсинуировали» [7, с. 57]. «Верные люди!» Глядя ретроспективно на произведения, в которых предпринималась попытка художественного осмысления формирования разночинного самосознания, можно согласиться с Лесковым, его «люди» кажутся наиболее «верными», правдоподобными. Особенно если сравнивать героев «Некуда» с героями романа «Что делать?», идеи которого Лесков развивал, с идеями которого он полемизировал.

РЕАЛИЗМ «НЕКУДА» И ИДЕАЛИЗМ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Лиза Бахарева многим напоминает Веру Павловну (главную героиню романа Чернышевского), они вышли из похожих семей, читали потом похожие книги, обе захотели искренности, честности в отношениях и труда на пользу людям. В результате радикально поменяли свою жизнь. Кроме того, обе героини – решительны и «горячи натурой». Но если Вера Павловна у Чернышевского – идеальная «новая женщина», то Лиза Бахарева, скорее, женщина реальная, полная сомнений и заблуждений. Н. Н. Страхов в своей рецензии на роман «Что делать?» с иронией писал, что герои Чернышевского уж слишком счастливые люди. А обычным людям свойственно совершать ошибки, увлекаться идеями, потом разочаровываться в них. У обычных людей бывает, что «самые благородные намерения, самые чистые цели часто не спасают от самообольщения», которое порой приводит к конфликтам и провалам. В результате эти уроки жизни «часто ломают жизнь; но, если они выносятся, то ведут к большему и большему нравственному просветлению». Однако ничего подобного не случается с «новыми людьми» Чернышевского. «У них не бывает заблуждений жизни, стремящейся *научиться собственным опытом*

¹² Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 136.

и примером; они, как будто не живши, уже знают жизнь и обладают трезвостью мужества чуть ли не с двенадцатилетнего возраста»¹³. По Чернышевскому получается, что с осознанием человеком своих «истинных» потребностей меняется его природа, все слабости и сомнения остаются в прошлом. А выстраивание жизни в духе «разумного эгоизма» навсегда снимает для «новых людей» противоречие между личной пользой и служением человечеству.

У Лескова всё не так. Два его «настоящих» нигилиста, Лиза и Розанов, в какой-то момент прерывают многолетнюю дружбу, поссорившись как раз на почве эгоизма. Лиза обвиняет Розанова в эгоизме по отношению к «человечеству»: «Дело не в том, а вы равнодушны к человеческому горю, – говорит она; – вы только пугаете людей и стараетесь при каждом, решительно при каждом случае отклонять людей от готовности служить человечеству». На эту откровенность Розанов отвечает своей откровенностью, обвиняя Лизу в пренебрежении «ближними» людьми, в частности в беззастенчивой эксплуатации влюблённого в неё Юстина Помады (второстепенного персонажа романа), преданность которого она не ценит, но с лёгкостью ею пользуется. «– Да чего же вы, наконец, от меня хотите? – запальчиво крикнула Лиза. – Хочу? Ничего я от вас не хочу, а желаю, чтобы необъятная ширь ваших стремлений не мешала вам, любя человечество, жалеть людей, которые вас окружают, и быть к ним поснисходительнее. Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все эти гуманные теории – вздор, ахинея и ложь, только вредящая делу»¹⁴. По мнению Розанова, сочетание «горячей натуры и честных стремлений» «отуманивает» Лизу, лишает её критического мышления, не даёт отделить «честных людей» от «подлецов». Вере Павловне же «горячая натура» только помогает вести дела. Возможно, потому, что окружают её исключительно благородные Кирсановы и Лопуховы, а не Белоярцев и Бертольди, как Лизу.

Вильгельм Райнер у Лескова чем-то напоминает знаменитого персонажа Чернышевского – Рахметова. На это обратил внимание Горький в статье 1923 г.: «Лесков нашёл героя по душе себе – это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского “Что делать?” ... Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости» [3, с. 230]. Действительно, благородством и почти святостью они с Рахметовым похожи. Райнер называет себя социалистом и активно ведёт революционную пропаганду в России, а потом героически погибает в бою, во время польского восстания 1863 г. Рахметов готовит себя к какому-то важному событию, в котором читатели угадывали революцию. Но разница между Рахметовым и Райнером – такая же, как между Верой Павловной и Лизой. Рах-

¹³ См.: Страхов Н. Н. Счастливые люди // Н. Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 567, 570.

¹⁴ См.: Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 471–474.

метов безупречен во всем, что бы он ни делал, он не испытывает ни страха, ни сомнений. От этого выглядит искусственно, иногда даже комично. Например, интеллектуальное становление Рахметова описано следующим образом. В 16 лет он приехал в Петербург простым «добрым и честным юношею» и узнал, что среди студентов есть люди, которые «думают не так, как другие», заинтересовался. Один из таких студентов, Кирсанов, дал ему несколько французских и немецких книг (социалистов и материалистов). Рахметов увлёкся, «читал больше трёх суток сряду, – с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвёртой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов 15. Через неделю он пришёл к Кирсанову, потребовал указаний на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хоть ему было только 17 лет, а им уже по 21 году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уже он был особенным человеком»¹⁵. Получается, чтобы стать «особенным» человеком и приобрести мудрость, которой хватит для переустройства общественных отношений, нужно не более полугода чтения французских и немецких книг.

Райнер не обладает мудростью, спокойствием и рассудительностью Рахметова. Он становится революционером не благодаря книгам, а почти по семейной традиции, не смея отступить от заветов отца. Представления его о России довольно абстрактные. Он судит о ней по «опоэтизированным рассказам о русской общине» и «прирождённым наклонностям русского народа к социализму» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Рассказы русских «либералов-туристов», услышанные в Лондоне, помогают ему уверовать, что «в России каждую минуту может вспыхнуть революция», а так как он с детства считал революцию «законнейшим из всех дел человеческих», Райнер принял решение ехать в Петербург и «положить за неё свою голову»¹⁶. Среди русских нигилистов благородный Райнер чувствует себя чаще всего неловко и растерянно, не понимая, можно ли кому-то доверять. И, не найдя в русских подпольных организациях никаких «элементов для революции», как будто от отчаяния отправился бороться за независимость Польши. Горький писал о Райнере как об одном из самых правдоподобных персонажей в творчестве Лескова вообще, написанном «не от ума, а от сердца»: «Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя» [3, с. 232].

Что касается Дмитрия Розанова, для него нет похожего персонажа в романе «Что делать?». Но своим пессимизмом и нелюбовью к фразёрству и лицемерию

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 205.

¹⁶ См.: Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 287.

он напоминает Базарова и ещё одного важного героя разночинской литературы, скептика Михаила Череванина из повести Н. Г. Помяловского «Молотов». Как и Череванин, Розанов неудовлетворён жизнью, много пьёт и пытается не отгораживаться от реальности никакими иллюзиями: либеральными или революционными. Будучи врачом, он довольно скептически относится к человеческой натуре и не склонен ждать её чудесного преображения «по теории». В романе нет конкретного указания на то, кем является Розанов по происхождению, но в моменты растерянности он ведёт себя «как семинарист в помещичьем доме»: «неловко кланяется» и «краснеет пятнами». По манерам, образу жизни, достатку и роду деятельности он, вероятно, – разночинец. Если утверждать, что о начале формирования разночинного самосознания можно судить применительно к повестям Помяловского [5, с. 91–111], о развитии и идеологическом оформлении – по романам Тургенева «Отцы и дети» и Чернышевского «Что делать?», Лесков как будто делает следующий шаг. Его разночинец Розанов, симпатизировавший поначалу идеям Чернышевского, имеет возможность наблюдать, как его теоретические проекты реализуются на практике. И убеждается в несостоятельности этих проектов, по крайней мере на текущий момент. В частности, социалистическая коммуна Белоярцева даже отдаленно не похожа на то, что задумывал Чернышевский. И видя ничтожно малое количество «истинных» «новых людей», Розанов, обладатель черт Череванина, Базарова и даже Лопухова, выбирает не борьбу, а «мещанское счастье». Розанов находит себе тихую жену и устраивается работать полицейским врачом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ЛЕСКОВА

Лесков был нетипичным писателем для довольно ещё стратифицированного русского общества XIX в. Горький писал о нём: «Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная ... Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется “душою народа”» [3, с. 228]. Действительно, Лесков вполне мог идентифицировать себя с представителями разных сословий. И в произведениях разных периодов устами главных героев он представил ряд соображений, которые условно можно назвать общественным идеалом священнослужителей («Соборяне»), общественным идеалом дворянства («Захудалый род») и разночинным общественным идеалом («Некуда»).

В романе «Некуда» через своего героя Розанова Лесков утверждает идеал постепенца. Как в романе «Отцы и дети» определение нигилизму дают идейные оппоненты Базарова, так и в романе «Некуда» определение постепенца, т. е. человека, который стоит «за какой-то непонятный правильный прогресс», произносит оппонентка Розанова Бертольди среди «граждан»

коммуны Белоярцева¹⁷. Но Розанов в силу своего пессимизма положительного идеала не высказывает. Лесков доверяет сказать программный монолог «постепеновства» молодому купцу Луке Маслянникову, веселому и деловому, который впервые появляется на последних страницах романа. Он в грубой и доступной форме поясняет суть «правильного прогресса». Лука – человек деятельный и социально ответственный, его интересует не только нажива: «Надо служить обществу, – говорит он, – отпираться от такой службы стыд зазрит». Он разумно управляет купленными имениями, да ещё даёт ссуды крестьянам, потому что они «деньгу в дело обращают». Лука хочет завести на своих землях пожарную команду, ремесленную школу и больницу. Причём первым делом – подобрать сирот, «да в школу, чтобы не пропадали». Хочет нанять себе в секретари студента, «возьми жалованье и живи честно». «Чего доброго, нате вам, ещё и театр заведём. Знай наших!», – говорит он. Квинтэссенция постепеновства в словах Маслянникова, которыми завершается роман: «Я, брат, точно, сердит. Сердит я раз потому, что мне дохнуть некогда, а людям всё пустяки на уме; а то тоже я терпеть не могу, как кто не дело говорит. Мутоврят народ тот туда, тот сюда, а сами, ей-право, великое слово тебе говорю, дороги никуда не знают, без нашего брата не найдут её никогда. Всё будут кружиться, и всё сесть будет некуда»¹⁸. От «сердитого» Луки досталось за праздность всем «фразёрам» от студентов до публицистов и писателей. Потому что настоящая «служба обществу» – это строительство школ и больниц, это разумное управление имениями и поддержка крестьян. И чтобы преуспеть в этом деле, не нужно читать французских и немецких книг, надо знать русскую жизнь и трудиться.

Именно здесь – точка размежевания между «постепеновством» Чернышевского и «постепеновством» Лескова. Первый призывает жить честно по Жорж Санд, «заводить мастерские» по Блану, коммуны – по Фурье, и трудиться «до пота», причём «не из одного желания личного прибытка», а для «возможно большего числа людей». Лесков в романе «Некуда» не спорит с благородством замысла, но показывает, как деформируются идеи Чернышевского, попадая в головы людей, неспособных воспринять их правильно в силу своего нравственного и интеллектуального уровня. К сожалению, эти идеи извращаются не только глупыми и аморальными людьми, они могут запутать и внести сумятицу в нравственные представления людей умных и благородных, таких как, например, Лиза Бахарева. Поэтому «постепеновство» Лескова – это прежде всего отказ от теоретического, книжного познания мира.

¹⁷ Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 457.

¹⁸ Там же. С. 707–708.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не вникая в контекст эпохи, можно было бы подумать, что роман с таким содержанием не мог бы оскорбить никого из «честных молодых людей». Критикуя «большое» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман должен был служить общественному прогрессу. Так считал Лесков. Однако публика увидела в «Некуда» пасквиль и карикатуру на прогрессистов. Конечно, Лесков виноват сам, его «шальные шавки нигилизма» были так узнаваемы, а поступок автора, окарикатурившего вчерашних друзей, казался таким неэтичным, что долгие десятилетия «Некуда» воспринимался как донос. А разгромная рецензия Писарева с безжалостными напутствиями помогла уничтожить репутацию автора, только вступившего на литературное поприще. В статье «О шепотниках и печатниках» 1882 г. Лесков писал: «Двадцать лет кряду такое же гнусное оклеветание нёс я, и оно мне испортило немного – *только одну жизнь...*»¹⁹.

«Это было почти убийство, – писал о рецензии Писарева на роман “Некуда” Горький. – Тогда Лесков – ожесточенный до бешенства – наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман “На ножах”; в этом романе нигилисты изображены ещё хуже, чем в “Некуда”, до смешного мрачно, немудро, бессильно» [3, с. 230]. Лесков писал роман, действительно, «наскоро», только спустя семь лет после «Некуда». Но Горький прав, в романе «На ножах» «истинных» нигилистов уже не было. Новый роман «общественного направления» Лесков публиковал в «Русском вестнике» Каткова в 1870–1871 гг., уже не опасаясь, что его обвинят в реакционности. И новый рассказ о нигилистах, действительно, похож на месть Лескова всем радикальным «клеветникам», которые так безжалостно уничтожали его роман «Некуда». Все герои-нигилисты в новом романе – подлецы и коварные преступники. Однако нужно заметить, что в период написания «На ножах» Лесков упражнялся в жанре готического романа, который не может обойтись без преступлений и мрачной атмосферы близкой беды. Здесь и спиритические сеансы, и привидения, сходящие с картин люди, медиумы, подброшенные ножи, подпиленные мосты, языческие камлания, сожжённые завещания и бесконечные убийства. А нигилисты, перешедшие со страниц реалистического романа «Некуда» в жанровый «На ножах», перестают быть смешными и обретают черты монстров.

¹⁹ Лесков Н. С. О шепотниках и печатниках (1882) // Литературное наследство. 2000. Т. 101. №2. С. 51–59.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.06.2023

Статья размещена на сайте: 25.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский Л. А. Лесковское ожерелье. СПб.: Библиополис, 2012. 560 с.
2. Брумфилд У. Василий Слепцов. Жизнь и творчество // Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. С. 73–267.
3. Горький М. Н. С. Лесков // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 228–237.
4. Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
5. Прокудин Б. А. Повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» как художественное осмысление формирования разноточного словного сознания: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 91–111.
6. Прокудин Б. А., Прокудина Е. К. Спор Н. Я. Данилевского и Н. П. Гилярова-Платонова о происхождении русского нигилизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2. С. 81–85.
7. Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Типография М. Меркушева, 1904. 409 с.
8. Ширинянц А. А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38–49.
9. Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: о реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Литературное наследство. 1997. Т. 101. № 1. С. 614–637.
10. Drozd A. Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston: Northwestern University Press, 2001. 332 p.

REFERENCES

1. Annenskii L. A. *Leskovskie ozherel'e* [Leskov's necklace]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2012. 560 p.
2. Brumfild U. [Vasily Sleptsov. Life and creation]. In: Brumfild U. *Social'nyj proekt v russkoj literature XIX veka* [Social project in Russian literature of the 19th century.]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009, pp. 73–267.

3. Gorky M. [N. S. Leskov]. In: Gor'kii M. *Sobranie sochinenij*. T. 24 [Collected works. Vol. 24]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1953, pp. 228–237.
4. Kucherskaya M. A. *Leskov: Prozevannyj genij* [Leskov: Missed Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2021. 622 p.
5. Prokudin B. A. [The novels of Nikolai Pomyalovsky “Bourgeois Happiness” and “Molotov” and the formation of a raznochintsy's class consciousness: a political and textual analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2020, no. 4, pp. 91–111.
6. Prokudin B. A. Prokudina E. K. [The dispute between N. Y. Danilevsky and N. P. Gilyarov-Platonov about the origin of Russian nihilism]. In: *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2022, no. 2, pp. 81–85.
7. Faresov A. I. *Protiv techenij: N. S. Leskov, ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the currents: N. S. Leskov, his life, writings, polemics and memories of him]. St. Peterburg, Tipografiya M. Merkusheva Publ., 1904. 409 p.
8. Shirinyants A. A. [Russian society and politics in the XIX century: revolutionary nihilism]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2012, no. 1, pp. 38–49.
9. Edgerton V. [Leskov, Arthur Benny and the underground movement of the early 1860s: On the real basis of “Nowhere” and “The Mysterious Man”]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 1997, vol. 101, no. 1, pp. 614–637.
10. Drozd A. Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, Northwestern University Press, 2001. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прокудин Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: proba@bk.ru

Boris A. Prokudin – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of the History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: proba@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Прокудин Б. А. Роман Н. С. Лескова «Некуда» как размышление о «настоящих» нигилистах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Prokudin B. A. Nikolai Leskov's novel “No way out” as a reflection on “real” nihilists. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 321.022

Хабаров И. А.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА: ОТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ И ОСВОЕНИЮ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление механизмов формирования города как политико-административной единицы посредством рассмотрения практик заинтересованной коммуникации, а также политического прочтения и освоения городского пространства и его ресурсов.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов к оценке формирования муниципального пространства в контексте политической самоорганизации локальных сообществ (функциональный, кроссфункциональный аспекты) и организации среды их жизнедеятельности.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности организации пространств современных городов, связанные с политическими практиками заинтересованной коммуникации, символического определения и фактического преобразования пространства со стороны индивидуальных и коллективных субъектов сообществ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования представляют авторский вклад в развитие теории самоорганизации сообществ и политической урбанистики, могут быть использованы при проведении муниципальных и региональных политических кампаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город, формирование пространства, освоение пространства, сообщество, символические ресурсы

СТРУКТУРА

Введение

Согласование и конкуренция в диалоге частей целого

Прочтение пространства и механизмы освоения: между «Раем» и «Адом» сообщества

Преобразование городского ландшафта как результат конкуренции и соглашений

Заключение

I. Khabarov

*Derzhavin Tambov State University
ul. Sovetskaya 118, Tambov 392000, Russian Federation*

FORMATION OF THE CITY: FROM INTERESTED COMMUNICATION TO POLITICAL READING AND DEVELOPMENT

ABSTRACT

Aim. To identify the mechanisms of city formation as a political and administrative unit by considering the practices of interested communication, as well as political interpretation and development of urban space and its resources.

Methodology. The main content of the study is an analysis of approaches to assessing the formation of municipal space in the context of the political self-organization of local communities (functional, cross-functional aspects) and the organization of their living environment.

Results. In the course of the study, the peculiarities of the space organization of modern cities were identified, related to the political practices of interested communication, symbolic definition and actual transformation of space by individual and collective subjects of communities.

Research implications. The results of the research represent the author's contribution to the development of the theory of community self-organization and political urbanism, they can be used in municipal and regional political campaigns.

KEYWORDS

city, formation of space, development of space, community, symbolic resources

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы политической муниципальной самоорганизации, формирующей и преобразующей материальное и нематериальное пространства, имеют ключевое значение для понимания особенностей современных политических процессов на уровне городов, практик применения универсальных моделей политического поведения и участия, равно как и проблем реализации подлинных демократических процедур в современных сообществах. Данные процессы сегодня происходят в условиях крайней международной напряжённости, острой полемики относительно перспектив универсальных западных концептов организации политического пространства.

Особенно важны эти вопросы в контексте научной проработки философии города (городского округа, муниципалитета иного типа) на современном этапе муниципальной реформы, в условиях переформатирования регионального и субрегионального уровней публичного управления как единой системы. Разграничение политических, административных, экономических, культурных пространств городских округов приобретает особое значение

сегодня, когда процессы глобализации и противодействия ей набирают обороты, ресурсные потоки (включая информационные) преодолевают административные пределы как муниципальных образований и регионов, так и национальных государств.

В этой связи в контексте исследования современных городских пространств и сообществ интерес представляют теоретические и методологические подходы М. Кастельса [12] и Дж. Стиглера [31]. Многомерный характер политического городского пространства предполагает анализ символического потенциала сообществ, а также различных функциональных полей в их взаимосвязи, что, безусловно, предполагает обращение к научному наследию П. Бурдьё [4; 5]. Символическому пространству также справедливо отводится особая роль в процессах организации локальных пространств и сообществ отечественными исследователями К. В. Архангельской [2], О. А. Кардамоновым [11], К. Н. Невоструевой [19]. Вместе с этим важнейший экономический сюжет в формировании политических сред городов помогут исследовать работы, в частности, А. Лефевра [14], И. В. Журбиной [10]. Выявление политического характера процесса организации жизнедеятельности самых различных функциональных сфер в качестве важнейшего аспекта организации городских пространств стимулирует обращение к работам С. Льюкса [16], Дж. Ницана и Ш. Бишлера [26], Дж. Кингдона [28].

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности формирования политико-административной единицы современного города посредством рассмотрения практик самоорганизации: заинтересованной коммуникации, политического прочтения и освоения пространства. Исходя из этого, представляется необходимым решить задачи изучения процесса согласования интересов и конкуренции как основы самоорганизации, рассмотрения символических механизмов прочтения и схематизации пространства, оценки практик преобразования городского ландшафта по результатам взаимодействия субъектов сообщества.

СОГЛАСОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ В ДИАЛОГЕ ЧАСТЕЙ ЦЕЛОГО

Сборка городских пространств и полей жизнедеятельности сообществ *в вертикальном* измерении носит характер прямого производительного совместного действия, порой, как в случае с туристической сферой (волонтерское участие, краудсорсинг, блогерство, краучсёрфинг), – существенно корректирующего территориальный ландшафт и инфраструктуру муниципалитета. *Горизонтальное* объединение ресурсов и интересов, производственных мощностей реального сектора экономики с выходом из узких профессиональных на политический и административный уровни, со своей стороны, формирует генеральный вектор развития физического пространства муниципалитетов и активной жизнедеятельности сообществ.

Результаты исследований свидетельствуют об актуальности механизмов совместного действия для самого широкого круга областей организованного муниципального со-бытия: от производства общественных благ посредством структур территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) до развития гостиничной инфраструктуры, системы школьного образования и пр. Особое значение в постсоветских реалиях имеют символические резервы бизнеса, проекты которого даже в большей степени, чем институты гражданского общества и местные советы депутатов, отражают интересы и установки сообществ [6].

Возникающие в этой части конфликтные ситуации имеют *измерение публичного столкновения интересов* (в первую очередь – элит), в том числе – массовых протестов; при этом может иметь место фактическое ущемление интересов граждан конкретной территории. Данные сюжеты зачастую рассматриваются в качестве актуальных практик городских сообществ XXI в. [7].

В этот процесс вовлекаются иные функциональные акторы и политические субъекты (включая конкурирующие фирмы, представителей публичной власти, экспертное сообщество, СМИ), а также структуры субтерриториальной организации (ТОСы, общественные префектуры, традиционные уличкомы и домкомы – сообщества, в наименьшей степени рискующие быть отнесёнными к «воображаемому» сообществам Б. Андерсона [1, с. 28]). В этой связи искусственной операцией было бы разведение – помимо методологических соображений – «географии», «территории», «места» с жизненным пространством сообщества, локацией ресурсов (муниципального, городского уровня и транзитных), формирования и взаимодействия интересов, следования информационных и иных потоков М. Кастельса [12]. Как показывает анализ профильных исследований, территория оказывает существенное влияние на содержание, направленность и эффективность самоорганизации в местах проживания сообществ [3]. Различные подходы к определению популярного понятия «городская среда» учитывают созданные человеком сооружения и природные компоненты, подчиняющиеся, в том числе, общественно-социальным закономерностям и оказывающие влияние на образ жизни сообществ [8].

Следствием креативных процессов сообщества являются не только материализовавшееся пространство домов и дорог, кафе и торговых центров, но и публичные события – «афиши и календари». Линейка публичных общественно значимых мероприятий, формирование брендированного «лица города», его дыхания, оказывается неразрывно связанной со стратегиями развития (роста), привлечением инвестиционных транзитных ресурсных потоков, полагаем, во взаимосвязи с позиционированием внутри административного потока («вертикаль») единой системы организации публичного управления. В актуальных условиях несложно заметить публичную инструментальность, присущую таким мероприятиям, оценить возможности

социальной, культурной мобилизации, гражданской и инвестиционной активизации.

Неслучайно в этой связи, на примере «мегамероприятий» (развлекательных спортивных, культурных, коммерческих и пр. – как череды импульсов развития / формирования городских пространств), сфера культуры также рассматривается в качестве резерва мобилизационных ресурсов – актива, используемого в процессе конструирования города в экономических и политических интересах [22]. Пример публичных мероприятий – иллюстрация открытого массового вовлечения граждан в политическое пространство, пусть и по каналам одной из профессиональных сфер, предположим – спортивной, ресурсы которой трансформируются и конвертируются в экономические, политические и административные.

Публичное политическое, культурное и иное пространство становится пространством легитимизированного для публики (граждан, жителей) горизонтального (в том числе, с учётом асимметрии объёмов и типов ресурсов; местных и транзитных) объединения ресурсов и позиций в векторе развития города / муниципалитета, иными словами – в логике реализации интересов ресурс-обеспеченных акторов. Один из современных примеров такого вовлечения демонстрируют умные города посредством социотехнических решений [18].

Внутренние процессы, таким образом, объективно самоорганизуются в единое динамичное муниципальное городское пространство в условиях транзитных ресурсов и интересов. В той же мере, сколь непродуктивно рассматривать отдельную функциональную сферу без учёта контекста и сети коммуникаций муниципалитета как такового, и последний следует оценивать как особое (наиболее приближённое к населению, по популярному выражению – «находящееся не на Луне») административно-хозяйственное, политические, культурное поле в перекрестье разнонаправленных транзитов.

Феномен города (муниципалитета) создают процессы и практики людей (важно: отражающие не только материальные потребности), пусть и протекающие в определённое время и в конкретном месте, однако без которых данное место – «город» – сам по себе не представляет значения; а точнее: данное место – всего лишь «место», но не «город» (или муниципалитет иного типа) и не сущностная локация (пространственный фронт) сообщества. Субъекты сообщества посредством активности трансформируют окружающую среду, в категориях А. Лефевра, превращают деревню в пространство сельскохозяйственных угодий, город – в арену производства и обменов, создают систему отношений [8]. Права на город предоставляются через право участия и присвоения, следуют из способности создавать неопосредованные публичные пространства, катализатор «котла городской жизни» – что в последние годы подробно рассмотрено на отечественных городских кейсах [20].

Активные субъекты сообщества в классической модели взаимодействия интересов дают старт самоорганизации при решении проблем повестки развития городского локалитета – от обустройства общественных уборных и организации предоставления услуг ЖКХ до оформления права собственности на землю¹. Актуальные проблемы муниципалитета, собственно наполнение его материей (проектирование физического пространства), осуществляются в динамике согласования интересов и, по убеждению Д. Харви, – как результат столкновения последних в пространстве социально-экономических отношений [24]. Говоря о примерах современности, исследователи подчёркивают важность механизмов самоорганизации при формировании городских агломераций, наиболее успешные из которых не могут создаваться исключительно волей государственных органов [9].

При этом *процессы, протекающие в различных сферах жизни сообщества, необходимо рассматривать в комплексе и взаимовлиянии* так же, как их участники не могут, даже выполняя базовые функциональные профессиональные обязанности, существовать в социальном вакууме, быть исключительно потребителями, избирателями, прихожанами, пациентами или, скажем, бизнесменами, депутатами и меценатами. Среди прочего отмечается ограниченность оценки города исключительно посредством оптики экономического подхода [15], но фактически следует вести речь о расширении веера иных, в том числе, – нематериальных ресурсов.

Важно, что Д. Харви, ссылаясь на подходы Г. В. Лейбница, предлагает оценить пространство как содержащееся в объектах: объект может считаться существующим только тогда, когда он несёт в себе соотношение с другими объектами. Сам ответ на вопрос научной концептуализации пространства содержится в человеческих практиках в отношении последнего [23]. *Пространство локалитета, таким образом, является продуктом активности заинтересованных административных и политических акторов, деятельность которых, в свою очередь, привязана к конкретным ресурсным развязкам («карте ресурсов»), административным контурам, социальным практикам и символам.*

С одной стороны, пространство является *полем реализации и согласования интересов* (освоения ресурсов), с другой – *индивидуальной перспективой развития* конкретного актора или группы (индивидуальный оперативный простор развития). Наиболее комфортный, стабильный и системный режим (оперативный простор индивидуального и коллективного освоения) с установленными горизонтом и коммуникациями достигается в формате городского политико-административного режима.

¹ Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 126–127.

ПРОЧТЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ: МЕЖДУ «РАЕМ» И «АДОМ» СООБЩЕСТВА

Исследования последних лет свидетельствуют, что актуальные процессы производства включают интеллект, эмоции и чувства вовлекаемых акторов (от заинтересованного вовлечения до позиции «Просто жить!») [10], иными словами – в процессах сообщества активно циркулируют и конвертируются культурный, символический ресурсы. Комплексное пространство городских символов, будучи пространством трактовок, концептов на основе формирования субъективного знания о реальности, составляют дороги, районы, кварталы, ориентиры (визуальные проявления городского строительства), равно как и цвета, звуки, запахи, а также мечты, воспоминания, ассоциации и устремления.

В свою очередь, П. Хили отмечает, что представления о городе включают не только физическую форму и организационный порядок, но и культуру, социальные отношения и экономическую динамику. Будучи воображаемыми, при переносе в публичную сферу концепции города приобретают потенциал действия и трансформации пространства. А мобилизованное действие за «воображаемый город» имеет серьёзный политический потенциал [27] («прочтение города» как предмет конкуренции). Это сказывается как на организации пространства внутри муниципалитета (города, населённого пункта), так и на образе и специализации самого муниципалитета, его месте в региональной (а порой и национальной) хозяйственной и культурной композиции. Брендинг административно-хозяйственных пространств для местных элит обеспечивает закрепление в локации ресурсных потоков, преимущественно – экономического (инвестиционные проекты) и административного (управленческая вертикаль). В целом, как справедливо отмечают Е. В. Малая и К. Е. Вавулин, символика города представляет собой сложный и многогранный аспект городской жизни и является основой его привлекательности [17].

В современных отечественных исследованиях политологов, филологов, социологов город (сложная культурно-коммуникативная среда, «супертекст») является предметом анализа как исторически изменчивая система знаков, организованных по культурно-функциональным принципам и организующих социальные практики горожан сложной культурно-коммуникативной среды [21]. Согласно представлениям ряда молодых учёных, город и его отдельные пространства считаются и захватываются акторами самого различного порядка и ресурсных потенциалов, возрастных групп и субкультур. С этим связан концепт культурных сцен в отношении измерения пространства, структурируемого сетями субъектов, своей деятельностью стимулирующих генерирование общего знания, смыслов и практик [13].

«Прочтение», проектирование, структурирование (и право классификации, согласно П. Бурдьё [5, с. 14–49]) де-факто – есть *создание муниципальной*

ного пространства, которое предполагает, таким образом, читателей различного уровня (статуса) и авторов редакций городских проектов; с другой стороны, для последних «прочтение» представляет собой механику «освоения». При этом необходимы легитимные (доминирующие) «правила чтения», как отмечает О. А. Кармадонов, – общепринятые в сообществе «ментальные линзы» (посредством которых происходит социализация, вступление в социальный мир), работа с «категориями очевидности», символами как единицами смыслового континуума, проводимая ограниченной когортой представителей сообщества, а также наличие действенной фантазии [11], покоряющей (очаровывающей) своим прочтением.

Прочтение предоставляет готовому к активности субъекту сообщества возможность определить своё положение, далее – наметить направление движения (развития), вектор приложения усилий и талантов, опцию постижения реальности, иными словами – её *освоения*. Именно это обеспечивает динамику сообщества (формирует сообщество носителей динамики), социальное действие и взаимодействие (взаимоприспособление).

Среди вестников освоения, сущностных архитекторов пространства, осуществляющих своей деятельностью динамику сообщества, принципиальную роль в символическом пространстве и его прочтении играют «оперативные распорядители» смыслов и образов, элита которых входит в клуб политических элит, – представители экспертного сообщества научного кластера (включая вузы), СМИ, общественных организаций, религиозных организаций, а порой – государственных / муниципальных структур (носители инсайдерской информации).

Дж. Кингдон упоминает аналитиков и экспертов как значимых участников ассоциаций вместе с экономическими субъектами, отводя им роль презентантов групповых интересов в публичном пространстве [28]. Вместе с тем – и это отмечают отечественные исследователи наследия П. Бурдьё, Р. Барта и М. Фуко [2] – символическая власть представляет собой новый тип власти, генерирующий реальность (пространство) и не ограниченный каналами, площадками традиционных институтов (публичной) политики; это власть, которой обладают носители любого легитимного вида капитала. Информация в современном мире, по меткому выражению Дж. Стиглера, «противостоит пронизывающим ветрам невежества», требуя системных инвестиций с учётом того, что данный продукт является скоропортящимся [31] и распространение информации среди политических акторов имеет ассиметричный характер.

«Поиск» как рыночное понятие, реализуемое самими различными акторами сообщества в отношении информационных потоков, делает позиции экспертов, журналистов и аналитиков в определённой степени эксклюзивными. Вместе с тем П. Бурдьё, характеризуя объективную вовлечённость носителей культурного капитала в межфункциональные взаимодействия

(встречные услуги, воспроизводство устоявшегося символического порядка), убедительно обосновывает сложность для них равной конкурентной борьбы с распорядителями иных влиятельных капиталов (в первую очередь – экономического) [4, с. 371–406]. С другой стороны, проведённый французским исследователем анализ свидетельствует об инструментальной актуальности внутренней борьбы глашатаев символического пространства по оси «инкубент / челленджер». Эта внутривидовая (например, СМИ, вузы, конфессиональная среда) динамика способствует активному включению держателей символического капитала в единое политическое пространство и динамику сообщества, стимулирует активную работу на рынке образов и символов.

Активность такого плана начинается на самом низовом уровне: гражданское сознание, практики поведения от участия в практиках местного самоуправления до посещения супермаркета формируется в учебных заведениях, что позволяет исследователям наделять педагогов существенными резервами политического капитала [30], буквально – тех, кто учит «читать» практики, ритуалы, пространство (конструируемую и представленную реальность).

Те же практики повседневного влияния справедливо отнести к деятельности журналистов ежедневных новостей, представителей сферы искусства и пр. Наиболее влиятельны здесь референтные для широких слоёв населения лица, элита соответствующих профессиональных сфер и областей медийной и культурной, спортивной жизни. Их опыт крайне востребован в маркетинговых кампаниях, экономической и политической динамике и имеет оперативное (конкретный товар и «победитель в игре») и стратегическое (модель поведения, «правила игры») измерения. Неслучайно наивысшим признаком власти – эту мысль Ю. Эльстера мы находим у С. Льюкса, – является возможность управлять желаниями и потребностями, осуществлять контроль над полётом мысли [16, с. 193], а также заручиться согласием относительно базовых принципов существования.

Последнее на практике также имеет устойчивые коннотации с рыночным понятием кредита (ссуды, задатка), требующего вложений, не являющихся невозвратными потерями и имеющих характер длинной (системной, политической) инвестиции. Важны реализуемые *потенции акторов символического капитала по формированию конкретных предпочтений и «предпочтений системы выбора предпочтений»* – реальности, пространства, Вселенной.

«Worldmaking», «квазимагическая» власть – так П. Бурдьё характеризовал сущность символической власти [5, с. 83–95], нацеленной, безусловно, на вовлечение в конструируемую реальность, или «реальное пространство» («пространство, которое есть», в том числе, в силу данного фактического вовлечения). Дж. Ницан и Ш. Бишлер, обращаясь к исторической перспективе,

именуют носителей символической власти распорядителями «ключей от Рая и Ада». Полагаем, в дальнейшем усиление механистических взаимодействий и согласований как «незримой силы горизонтального действия», нивелирующей, по мнению исследователей, потребность в «гипотезе Бога» [26, р. 34–39], в не меньшей степени отражает роль «ключников» в конструировании сообщества: диаметральные координаты «Рая» и «Ада» (не без влияния протестантской оптики) сохраняются как стандарты социального и асоциального поведения, человеческого и нечеловеческого бытия, гражданственности и маргинальности, сущностной легитимности и нелегитимности (outlaw).

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРЕНЦИИ И СОГЛАШЕНИЙ

В вертикальном измерении вовлечение обеспечивает деятельное принятие реальности, диспозиции «элиты – массы» и «асимметричного партнёрства», в горизонтальном – отражает способность актора к ассоциации, консолидации ресурсов и интересов, относительно «симметричному партнёрству». Иными словами, позволяет актуализировать ценности и практики мягкой, заинтересованной мобилизации-вовлечения, собственно, – в большей степени не административно мобилизовать, а заинтересовать. Позиционирование в символическом пространстве является важнейшим условием активности в общественно-политической жизни, участия в коммуникации.

Образ городской муниципальной локации – условие политического дискурса как динамики сообщества и предмет конкуренции интересов от улицы до региона, т. е. вне условных территориальных «городских стен». Очевидно, что сторонами этого дискурса выступают носители значимых интересов во всём разнообразии их интенсивности, уровня и направленности, а не органы местного самоуправления в единственном институциональном лице.

Символический ресурс требует выражения и приобретает материальное (и территориальное) измерение посредством активной деятельности его носителей – проектировщиков социального пространства («агентов перемен», «креативного класса» и пр.) и создателей образов с использованием материалов прошлого и будущего, иных городов и стран.

Интерес административных структур реализуется и усиливается в практической плоскости в тесном переплетении с интересами иных акторов, обладающих для этого существенными ресурсными резервуарами (элитами и контрэлитами различных функциональных полей). Локомотив местного туризма, запускаемый административными элитами и девелоперами, следует по проложенным в локальном территориальном пространстве рельсам в соответствии с координатами интересов различных сфер. Его следование способствует освоению и преобразению прилегающей территории, собственно, её созданию в динамике социального диалога.

По результатам самоорганизации с использованием символического инструментария также формируются иные территориальные сегменты муниципалитета, в том числе, – освоение периферии: речь идёт о массовой застройке с соответствующими коммерческими сетями, развлекательными заведениями, социальными учреждениями. Неактуальная с позиций рентабельности «периферия» (в данном случае – не географическое понятие) окраин и центра города (спальные анклавы и частный сектор, необустроенные зелёные зоны, не используемые производственные площади предприятий прошлого, памятники архитектуры без «охранных» мандатов) также подлежит активной рекультивации. Стимулирующими социальную динамику символами этой зоны становятся конкурирующие коммерческие и политические бренды, уходящими символами – исторические места городов и застройка предыдущих эпох, имеющая самые различные культурные коннотации (живопись, литература, театр, экологическая культура и пр.).

Импульсы освоения и переосвоения, включая символический инструментарий, должны встречать позитивный встречный поток восприятия, отражающий вовлечённость. Успешная реализация потенциала ресурсов требует не только восприятия вектора развития со стороны его носителей, но и условий реализации (среды восприятия развития). К примеру, описывая механизмы освоения и обустройства пространства мегаполисов, Д. Харви упоминает формирование соответствующего образа жизни людей, ориентированного на потребление (в том числе, как обстоятельство субурбанизации, т. е. «urban sprawl», «расползания» городского пространства – особый запрос на загородное жильё и два автомобиля в семье, нефтепродукты, шоссе, а также ипотечное и иное кредитование) [24], – как рационального, так порой и иррационального, в обоих случаях – имеющего явные коннотации с символами успешности и социального / экономического / политического процветания.

Как и в остальных случаях, реализация проектов девелоперов (результат экономических и политических соглашений) в предложенной системе координат символического пространства принципиально преобразует физическое пространство муниципалитетов и его отдельных частей. Проекты генеральных планов физического пространства являются продуктом динамики общественных процессов и взаимодействия символов / образов / перспектив. В том числе речь идёт и о перспективе приобретения нового элитного жилья в центре, пользования услугами культовых предприятий общепита и бутиков, переселения на окраины, ипотечного кредитования. Под воздействием этих доминант *территориальное пространство современных городов расширяется по унифицированным алгоритмам открытия новых перспектив развития – личностного и городского* (идентификация индивидуального / коллективного образа действия и образа города). Отношения индивида (группы) с городом также строятся на принципах освоения и обмена.

Городское планирование как одно из наиболее явных олицетворений создания и трансформации муниципального пространства предполагает широкий круг заинтересованных акторов, профессионалов и непрофессионалов. Образуя собственную идентичность, городское планирование принимает вклады градостроителей и остаётся открытым для разнообразных сфер и дисциплин [29]. В то же время, по мнению исследователей, упрощение композиции процесса практического градостроительства в условиях усложняющейся городской жизни может иметь пагубные последствия, что стимулирует проекты взаимодействия между профессионалами и лицами, принимающими решения, а также подготовку архитекторов, градостроителей и социологов в духе «агентов перемен», равно как и теоретиков и практиков, нацеленных на изучение и преобразование естественной (природной) и созданной человеком сред [25].

Существование муниципального пространства города, в том числе как матрицы правового и институционального контуров, в современных условиях предусматривает закрепление и установление в формате миссии города (обоснование существования, корреспонденция смыслов и образов, укрепление ценностной основы единства). Эксперты обращают внимание на подгонку «под стандарт» территории освоения со стороны крупных компаний; брендами транслируется сигнал и возводятся «маяки»: в незнакомых местах (локации освоения) есть привычные инфраструктура и отношения, «стандарты обслуживания» [19].

В целом проведённые теоретические и прикладные исследования в контексте анализа стратегических перспектив развития городов как специфических муниципальных пространств с собственной миссией (обоснованностью существования) подтверждают необходимость комплексной оценки субрегиональных процессов в их единстве. Причастность к экономическим процессам освоения, производства и потребления укрепляется посредством причастности к политическим практикам и социальным условиям, культурной жизни, голосованию по проекту благоустройства и на выборах в органы публичного управления локалитета с учётом важнейшего фактора – позиционирования в символическом пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная городская муниципальная локация (территориальное, коммуникативное, символическое пространство) как политико-административное поле образуется вследствие самоорганизационных процессов сообщества, партнёрских соглашений и конкурентных столкновений, взаимодействия в формате со(вместного)действия и противодействия. Обособленность данного поля (и самостоятельность системы местного самоуправле-

ния) ограничена транзитными ресурсными потоками регионального и более высоких управленческих уровней.

В этой связи крайне важно не единство цели, а единство целей, не общность интереса, а признание приоритета интересов – легитимные политические правила, неотделимые от экономических законов и правовых норм. Речь идёт о формировании имеющего непосредственное отношение к вопросам власти и управления магнитного поля динамики сообщества в пределах муниципальной локации. Пространство приобретает зримые политические, административные, хозяйственные контуры в своих субъектах, активных единицах, состоящих во взаимных отношениях (связях, сетях, зависимостях).

Действие влечёт взаимодействие (включая содействие и противодействие), активность субъекта предопределяет самоорганизацию групп и их взаимодействие в формате локального сообщества. Механизм индивидуального освоения запускает коллективную политическую машину горизонтально-вертикальных коммуникаций, неминуемо – политических инициатив и административных установлений, раскол на правящую элиту и контрэлиту.

Предлагаемые субъектами отношений (девелоперами) проекты прочтения городских пространств как единицы конкуренции и элементы единой конкурентной рыночной системы обеспечивают символическую платформу вовлечения и исключения, общий подход к оценке материального пространства и его освоению, реализации стратегий развития городскими акторами, их группами и правящими элитами от имени города. Тем самым в пределах пространства жизнедеятельности сообщества и территории муниципалитета образуется перманентный фронт освоения и переосвоения, конкурентного конструирования, созидания и разрушения (в контексте освоения и переосвоения – созидательного разрушения и разрушительного созидания).

Действие от имени локалитета (системность которого обеспечивается формируемым элитами политико-административным режимом города) по итогам конкурентных контактов и компромиссов, в том числе актов территориального планирования, обеспечивает расчистку стратегической перспективы и оперативного простора, горизонтов освоения и пространства развития.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Архангельская К. В. Символическая власть брендов в современной социокультурной ситуации // Наука и современность. 2016. № 48. С. 25–28.
3. Байжанова Г. А. Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2020. № 3. URL: www.7universum.com (дата обращения: 07.09.2023).
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
6. Вендина О. И. Городское планирование и городская самоорганизация: трансформация пространственных ориентиров развития Москвы // Городские исследования и практики. 2023. Т. 7. № 4. С. 29–53.
7. Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2018 г. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой, М. В. Невзорова. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 116 с.
8. Горячева О. Е., Говорина О. В., Глоба С. Б. Формирование городской среды как основное условие формирования качества жизни населения // Проблемы современной экономики. 2020. № 3. С. 150–154.
9. Данилова О. В. Этапы развития агломераций и преимущества агломерационного устройства территории населенных пунктов // Молодой ученый. 2022. № 11. С. 102–105.
10. Журбина И. В. Границы определения «политического» в структурах экономической реальности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28. № 3. С. 271–277.
11. Кармадонов О. А. Социология символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 3. С. 106–113.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Крутских П. Ю. Скейтбординг как инструмент прочтения города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 292–310.
14. Лефевр А. Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: www.magazines.gorky.media (дата обращения: 15.01.2023).
15. Лисовец И. М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: в 2 т. Т. 2 / под

- ред. Е. Бурлиной, Л. Иливицкой, Ю. Кузовенковой. Самара: Книга, 2012. С. 74–77.
16. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
 17. Малая Е. В. Символическое пространство малого города // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 2. С. 154–165.
 18. Мухаметов Д. Р. Создание устойчивых умных городов: технологии вовлечения граждан и совместного экспериментирования // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12. № 2. С. 843–858.
 19. Невоструева К. Н. Символическое пространство города: обзор идей и подходов // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2016. № 2. С. 113–121.
 20. Пястолов С. С., Тепомес Ю. А. Анализ эффективного развития физического, социального и символического пространств города в XXI веке (на примере г. Магнитогорска) // *Гипотеза*. 2022. № 3. С. 73–79.
 21. Ревякина Н. П., Курьянов Н. А. Город как текст (на материале города Ростов-на-Дону) // *Russian Linguistic Bulletin: [сайт]*. 2023. № 7. URL: www.rulb.org (дата обращения: 07.09.2023).
 22. Трубина Е. Полис и мегасобытия // *Отечественные записки*. 2012. № 3. С. 108–119.
 23. Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
 24. Харви Д. Право на город / пер. с англ. М. А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.
 25. Després C., Vachon G., Fortin A. Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning At Work // *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism, in Urban and Landscape Perspectives* / ed. N. Janssens, I. Doucet. New York: Springer, 2011. P. 33–49.
 26. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder* / ed. J. Nitzan, Sh. Bichler. Philadelphia: Routledge, 2009. 438 p.
 27. Healey P. On Creating the 'City' as a Collective Resource // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39. № 10. P. 1777–1792.
 28. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston: Longman, 2011. 273 p.
 29. Pinson D. Urban Planning: An 'Undisciplined' Discipline // *Futures*, Elsevier. 2004. № 36. P. 503–513.
 30. Schugurensky D. Citizenship learning and democratic engagement // *Political capital revisited*. Vancouver, 2000. P. 417–422.
 31. Stigler G. J. The Economics of Information // *Journal of Political Economy*. 1961. № 69. P. 213–225.

REFERENCES

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Rus. ed.: Nikolaeva V. G., transl. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2001. 286 p.).
2. Arkhangelskaya K. V. [The symbolic power of brands in the modern socio-cultural situation]. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2016, no. 48, pp. 25–28.
3. Bayzhanova G. A. [Spatial self-organization of the population of large cities: a socio-cultural aspect]. In: *Universum: obshchestvennye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Universum: social sciences: electronic scientific journal], 2020, no. 3. Available at: www.7universum.com (accessed: 07.09.2023).
4. Bourdieu P. Espace social: champs et pratiques (Rus. ed.: Shmatko N. A., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aletya Publ., 2005. 576 p.).
5. Bourdieu P. Sociologie de l'espace social (Rus. ed.: Shmatko N. A., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aletya Publ., 2007. 288 p.).
6. Vendina O. I. [Urban planning and spontaneous spacial order: the post-Soviet transformation of spatial guidelines for the development of Moscow]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2023, vol. 7, no. 4, pp. 29–53.
7. Gainutdinova L. A., Nevzorov M. V., eds. *Gorod. Sreda. Politika. 2018: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 14–15 dekabrya 2018 g.* [City. Wednesday. Policy. 2018: collection of materials from the scientific and practical conference, St. Petersburg, December 14–15, 2018]. St. Petersburg, Izdatelstvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2019. 116 p.
8. Goriacheva O. E., Govorina O. V., Globa S. B. [Formation of the urban milieu as a key condition for the formation of people's quality of life (Russia, Krasnoyarsk)]. In: *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2020, no. 3, pp. 150–154.
9. Danilova O. V. [Stages of development of agglomerations and advantages of agglomeration structure of the territory of settlements]. In: *Molodai uchenyi* [Young scientist], 2022, no. 11, pp. 102–105.
10. Zhurbina I. V. [Boundaries of the definition of “political” in the economic reality structures]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2018, vol. 28, no. 3, pp. 271–277.
11. Karmadonov O. A. [Sociology of the symbol]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekologicheskiye i sotsialniye peremeny* [Monitoring of Public opinion: economic and social changes], 2004, no. 3, pp. 106–113.
12. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture (Rus. ed.: Shkaratan O. I., ed. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, GU VSHE Publ., 2000. 608 p.).

13. Krutskikh P. Yu. [Skateboarding as a tool for reading the city]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekologicheskiye i sotsialniye peremeny* [Monitoring of Public opinion: economic and social changes], 2019, no. 1, pp. 292–310.
14. Lefebvre H. [Espace social]. In: *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2010, no. 2. Available at: www.magazines.gorky.media (accessed: 15.01.2023).
15. Lisovets I. M. [Current artistic practices in the transformation of a post-socialist city]. In: Burlina E., Ilivitskaya L., Kuzovenkova Yu., eds. *Gorod i vremya. T. 2* [City and time. Vol. 2]. Samara, Kniga Publ., 2012, pp. 74–77.
16. Lukes S. Power: A Radical View (Rus. ed.: Kyrlezhev A. I., transl. *Vlast': radikal'nyi vzglyad*). Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2010. 240 p.
17. Malaya E. V. [Symbolic space of a small town]. In: *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no. 2, pp. 154–165.
18. Mukhametov D. R. [Creating sustainable smart cities: technologies for citizens' engagement and collaborative experimentation]. In: *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Russian journal of innovation economics], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 843–858.
19. Nevostueva K. N. [Symbolic space of a city: the review of ideas and approaches]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU sociology and economics bulletin], 2016, no. 2, pp. 113–121.
20. Pyastolov S. S., Tepomes Yu. A. [Analysis of the effective development of the physical, social and symbolic spaces of the city in the 21st century (on the example of the city of Magnitogorsk)]. In: *Gipoteza* [Hypothesis], 2022, no. 3, pp. 73–79.
21. Revyakina N. P., Kuryanov N. A. ["City as a text" (based on the material from Rostov-on-Don)]. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 7. Available at: www.rulb.org (accessed: 07.09.2023).
22. Trubina E. [Major-events: cities between the challenges of globalization and the interests of the population]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 3, pp. 108–119.
23. Harvey D. Social Justice and the City (Rus. ed.: Gerasimova E. Yu., transl. *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod*). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 440 p.).
24. Harvey D. The Right to the City (Rus. ed.: Kotlyarova M. A., transl. *Pravo na gorod*). Ekaterinburg, 2019. 36 p.).
25. Després C., Vachon G., Fortin A. Implementing Transdisciplinarity: Architecture and Urban Planning At Work. In: Janssens N., Doucet I., eds. *Transdisciplinary knowledge production in architecture and urbanism, in Urban and Landscape Perspectives*. New York, Springer, 2011, pp. 33–49.
26. Nitzan J., Bichler Sh., eds. Capital as Power. A Study of Order and Creorder. Philadelphia, Routledge, 2009. 438 p.
27. Healey P. On Creating the 'City' as a Collective Resource. In: *Urban Studies*, 2002, vol. 39, no. 10, pp. 1777–1792.

28. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston, Longman, 2011. 273 p.
29. Pinson D. Urban Planning: An 'Undisciplined' Discipline. In: *Futures, Elsevier*, 2004, no. 36, pp. 503–513.
30. Schugurensky D. Citizenship learning and democratic engagement. In: *Political capital revisited*. Vancouver, 2000, pp. 417–422.
31. Stigler G. J. The Economics of Information. In: *Journal of Political Economy*, 1961, no. 69, pp. 213–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хабаров Илья Александрович – кандидат политических наук, директор Центра по связям с общественными институтами Департамента по стратегическим коммуникациям Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина; e-mail: hia68@mail.ru

Ilya A. Khabarov – Cand. Sci. (Political Sciences), Director of the Center for Relations with Public Institutions, Department for Strategic Communications, Derzhavin Tambov State University; e-mail: hia68@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хабаров И. А. Формирование города: от заинтересованной коммуникации к политическому прочтению и освоению // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Khabarov I. A. Formation of the city: from interested communication to political reading and development. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.15; 341.218.4

Черняховская Ю. С.

*Российский научно-исследовательский институт культуры и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
19072, г. Москва, Берсеневская набережная, д. 18-20-22, стр. 3, Российская Федерация*

ИМПЕРИИ И ФАНТАСТИКА

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение некоторых из множества примеров конструирования мотивирующих образов идеальной империи, обращённых в одних случаях в прошлое, в других – в будущее, и связи их с мотивирующими мифами и их переосмыслением в жанре фэнтези.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов и обобщён историко-политологический опыт по теме исследования; использовались методы политико-философского анализа, герменевтика и диалектическая логика.

Результаты. Выявлена взаимосвязь между этапами умирания и расцвета империи и обращением к образам прошлого и будущего в фантастике и фэнтези как формах осмысления мифов и легенд на основе современного политического опыта.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в углублении представлений о закономерностях развития крупных полиэтнических и поликонфессиональных образований, также обозначаемых термином «империя». Результаты исследования могут быть использованы при анализе развития современных государственных образований и в учебных курсах по политологии, философии и истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

империя, фантастика, фэнтези, художественная футурология, идеальное конструирование

СТРУКТУРА

Введение

Фэнтези как форма политического познания

Образы империй прошлого и будущего как идеальные конструкторы

Образы идеального прошлого и идеального будущего в художественной литературе и кинематографе XX–XXI в.

Заключение

Yu. Chernyahovskaya

*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Bersenevskaya naberezhnaya 18-20-22, str. 3, 19072, Moscow, Russian Federation*

EMPIRES AND FANTASY

ABSTRACT

Aim. To consider some of the many examples of the construction of motivating images of an ideal empire, turned in some cases to the past, in others – to the future, and their connection with motivating myths and their reinterpretation in the fantasy genre.

Methodology. The corpus of texts is analyzed and the historical and political science experience on the research topic is summarized, the methods of political and philosophical analysis, hermeneutics and dialectical logic were used.

Results. The relationship between the stages of the dying and flourishing of the empire and the appeal to the images of the past and future in science fiction and fantasy as forms of understanding myths and legends based on modern political experience is revealed.

Research implications. The study deepens the understanding of the development patterns of large multi-ethnic and multi-confessional formations also referred to by the term “empire”. The results of the study can be used in the analysis of the development of modern state entities and in training courses in political science, philosophy and history.

KEYWORDS

empire, science fiction, fantasy, artistic futurology, ideal construction

ВВЕДЕНИЕ

Империя и наши представления о ней – это всегда в некотором смысле продукт жанра фэнтези. Да, есть образ и термин, которые имеют вполне определённое политологическое содержание, обозначая конкретный тип историко-политического государственного устройства. Однако, говоря об империях, мы судим о них в первую очередь как о дошедших до нас мифах, основанных в лучшем случае на интерпретации тех или иных сохранившихся сведений. Они интересны и современному обыденному, и современному политическому сознанию как некие сохранившиеся идеальные образцы, переосмысляемые нами на основе сегодняшних надежд и сегодняшнего политического опыта – что, собственно говоря, и составляет фэнтези как таковое: творческое переосмысление или переработка мифологических сюжетов на базе представлений о современности.

Целью данного исследования видится рассмотрение некоторых из множества примеров конструирования мотивирующих образов идеальной империи, обращённых в одних случаях в прошлое, в других – в будущее, и связи их с мотивирующими мифами и их переосмыслением в жанре фэнтези.

Причём имеется в виду, что в этом жанре переосмысление мифов прошлого может нести в себе как ориентацию на возврат к установкам прошлого, так и мотивирующие идеалы движения в будущее.

Автор обращается к ряду конструктов, которые не слишком часто подвергались исследованию и практически не включены в научный оборот в области политической науки. Именно поэтому на разных этапах развития общества и в разных историко-политических ситуациях они вызывают разные оценочные суждения, окрашенные как негативными, так и позитивными эмоциями, субъективными предпочтениями [8].

На фоне этого в рамках представленной работы автор постарался соединить два исследовательских начала: с одной стороны, был проведён анализ корпуса текстов, созданных в жанре фэнтези и содержащих отсыл к теме империи, с другой – компаративный историко-философский анализ выявленных в этих текстах политических моделей в контексте их сравнения с реальными этапами восхождения и угасания исторически существовавших империй; обобщён опыт их сравнения. Представленные художественно-философские конструкты рассматривались в качестве носителей политико-философских моделей, создаваемых посредством метафор их авторами, для осмысления которых в рамках и наряду с методами политико-философского анализа использовались подходы герменевтики и особенно диалектическая логика, позволявшая выявлять содержательные связи анализируемых моделей и результаты взаимодействия содержащихся в них противоречий.

ФЭНТЕЗИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Произведения жанра фэнтези основываются на мифологических и сказочных мотивах, переосмысленных или переработанных авторами. Можно сказать, что мифология так или иначе строится на рациональном либо интуитивном осмыслении политических проблем, припоминаниях о цивилизациях и империях древности, а их авторское переосмысление и переработка – осознанно или неосознанно включает в себя уже собственные авторские знания и опыт современной политической жизни. Т. е. в этом смысле фэнтези во многом становится рефлексией на вечные темы власти, подчинения, политического действия и психологического анализа политического поведения персонажей.

Безусловно, названный тезис требует множества оговорок. Нельзя утверждать, что всё фэнтези является вместилищем образов идеального прошлого и предметом анализа политико-философских проблем. На сегодняшний день жанр настолько разросся, что его границы крайне трудно определить, зачастую он не включает даже традиционных для классического фэнтези элементов магии и героики, а этимология слова «fantasy» – фантазия, – в своё время осознанно конструировавшаяся западными авторами, чтобы получить возможность отказаться от канонов реализма, теперь сменила роль на негативную и заочно позволяет включить в рамки жанра предельно многое. И в этом смысле фэнтези, подобно классической научной фантасти-

ке, есть некая форма не всегда осознанного размышления о будущем и конструирования будущего.

Уместно обратить внимание на подходы, представленные Б. де Жувенелем в его книге «Искусство предположения» [2]. Анализируя разные способы предсказания, такие как: «перенесение» на будущее умозаключений, основанных на сегодняшнем опыте; пролонгация существующей тенденции; аналогия, основанная на перенесении в будущее закономерностей, выявленных в прошлом; «колея», предполагающая, что отстающие в своём развитии страны с неизбежностью и высокой степенью повторяемости проходят путь стран, их обогнавших; причинность, предполагающая, что одни и те же причины, приведшие к известным последствиям в прошлом, с неизбежностью приведут к тем же и в будущем; «априоризм» и «системность», – автор последовательно показывает расхождения сделанных в их рамках предсказаний с действительным ходом истории. И его выводом в значительной степени становится положение, вынесенное в название работы: что исключительно рациональных оснований оказывается недостаточно для успешного осмысления больших политических проблем, которое становится возможным только именно при дополнении его «искусством предположения».

Разумеется, как при анализе в качестве источника реалистической литературы не обращаются (как правило) к бульварным романам, так и в данном случае нет смысла ссылаться на худшие образцы жанра, доказывая, что лучшие его образцы не несут в себе философского содержания.

В известном смысле можно сказать, что если отличительной особенностью научной фантастики является создание фантастических картин, не противоречащих современным её авторам научным данным, то философское фэнтези создаёт фантастические картины, выходящие за рамки научно-технических представлений, но отражающие основанные на осмыслении существующего политико-философского опыта.

Как писала Е. Сафрон, отличительной чертой фэнтези выступает «идея двоемира, позволяющая создавать новый иной сверхъестественный мир, обусловленный множеством фантастических обстоятельств» [9, с. 12].

Строго говоря, «философское фэнтези» (которому можно дать такое название по аналогии с «философской фантастикой») в определённом смысле зародилось задолго до того, как появился сам термин «фэнтези» – речь здесь идёт о рыцарских романах эпохи романтизма и «Королевских идиллиях» А. Теннисона. И сегодня некоторые общественные деятели называют идеалом общества для себя общество, обрисованное в русских былинах, но былины, хоть и являются своего рода мифологией, также были собраны и обработаны в XIX в. на волне общего увлечения писателей романтизмом и в этом смысле могут быть названы аналогом английских рыцарских романов. Так, В. Скотт в переписке с русскими литературными деятелями называл их богатейшим материалом (требующим, правда, громадной обработки).

В целом образы идеального прошлого на протяжении веков формировались и переосмысливались практически так же часто, как и образы идеального будущего. В очень грубой хронологии этот процесс можно считать параллельным, но при ближайшем рассмотрении мы можем видеть, что это не так.

Как писал в своё время А. С. Панарин: «Тысячелетние культурные эпохи, делавшие акцент не на сиюминутно полезном, а на вечном и непреходящем, могут быть оценены нами как время великого культурного накопления – в том смысле, в котором экономисты говорят об экономическом накоплении» [7, с. 260].

Фэнтези сохраняет мифы и опыт прежнего мира и прежних империй, но, осуществляя свои миромоделирующие функции [6, с. 26], – оно создаёт новые миры и новые империи. Можно ли вообще называть существующее сегодня положение дел становлением новых империй? Как и любой вопрос в гуманитарных науках, этот вопрос, безусловно, может иметь разные ответы. Автор данного материала исходит из следующих определений и тезисов.

ОБРАЗЫ ИМПЕРИЙ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО КАК ИДЕАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Империя – государственно-политическое устройство, обладающее следующими характерными чертами:

- 1) обширной территориальной основой;
- 2) сильно централизованной властью;
- 3) стремлением элит к экспансии;
- 4) асимметричными отношениями господства и подчинения между центром и периферией;
- 5) наличием общего политического проекта;
- 6) разнородным этническим, культурным и национальным составом [13, с. 320].

Достаточно без особой предвзятости вчитаться в эпопею Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», считающуюся наряду с «Хрониками Нарнии» Кл. Ст. Льюиса центральным произведением жанра фэнтези в XX в., – и в её образах так и всплывёт определение феномена империи С. Эйзенштадтом: «...основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение»¹.

«Кольцо Всевластия» суть тайна и проблема власти, а также рождаемых ею отношений между людьми – по существу центральной категории в трилогии Толкина (да и почти любого фэнтези), и любой существовавшей в истории империи. Определяющим её характер является третья из названных выше

¹ Санистебан Л. С. Основы политической науки. Раздел X: Историческая типология политических систем / пер. с исп. В. Л. Заболотного. М.: МП «Владан», 1992. 122 с.

характеристик: момент экспансии. В зависимости от её характера можно выделить два основных типа империи: *Империя-1*, где экспансия носит характер стремления к завоеванию, имеющему целью обеспечение существования метрополии за счёт провинций, и *Империя-2*, где экспансия носит характер утверждения своего миропроекта. В современном мире вообще нельзя быть ведущей державой, не имея собственного миропроекта, не предлагая свой вариант видения истории и политического существования [13].

Как представляется, мы имеем основания выделить два типа «империй» – основанные на экспансии и последующей интеграции захваченных народов, более свойственные «империям прошлого», и основанные на едином целеполагании и продвижении вперёд (а также расширении) на основе единого проекта, более характерные для «империй настоящего и будущего». В ходе такого продвижения одновременно происходит и рост территорий. Что, впрочем, не исключает определённого смешивания данных характеристик и в прошлом, и в настоящем.

Последнее, в частности, относится к современной России, которую нельзя в чистом виде отнести ни к одному из этих видов империи. Проследившая историческую канву, мы можем сказать, что сегодняшняя Россия как империя имеет смешанные истоки. Это имперское образование, выросшее из начального объединения государственных образований, с населением, проживающим на единой геополитической территории, объединяемым хозяйственными связями и говорящим на одном – русском – языке, которое распространяло своё влияние на прилегающие народы, во многом интегрируемые в данное общее пространство по разным основаниям, выразившееся в собственно имперском государственном образовании со времён Петра I в ходе его модернизаторской деятельности, в известной степени приобретавшей проектный характер.

С известными оговорками можно сказать, что если перерастание Русского национального государства Ивана III в Московское царство осуществлялось при доминировании идеи Третьего Рима, на продолжении и возрождении образов Византии, т. е. «мифа о Византии», то модернизационное преобразование его в Империю Петра основывалось, скорее, на доминировании «мифа о Риме», переосмысленного и переработанного на основании современного Петру европейского опыта.

Образ «Третьего Рима», основанный на переосмыслении мифа о «Великом Константинополе», был продуктом фэнтези XVI в., образ петровской империи, основанный на переосмыслении мифов о «Римской империи», был продуктом фэнтези XVII–XVIII ст.ст.

После падения монархического правления распадающееся пространство империи на следующем этапе было объединено под единым проектом строительства коммунизма и расширилось уже на основе этого проекта. Это, конечно, была реализация теории Маркса, но одновременно – переосмыс-

ление мифов Кампанеллы и Ж. Верна: неслучайно в 1930 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о массовом издании произведений последнего [4; 8]. Важно, что этот проект не носил инструментального характера, не создавался искусственно для интеграции включённых в империю народов, а напротив, был самоцелью, впоследствии увлёкшей новых участников. И наконец, что также представляется важным для данного исследования, на сегодняшний день это империя, потерявшая часть своих территорий (причём в том числе приобретённых на первом этапе развития, на этапе Империи-1).

Возможно ли восстановление империи после распада? Такую возможность подтверждает именно опыт России, так или иначе сумевшей преобразоваться в Империю-2.

Мы приходим к вопросу о становлении, распаде и перерождении империй, причём сразу с нескольких ракурсов. Как писал автор статьи в ряде других работ, подобные идеологические проекты, как правило, имеют в своей основе образ идеального прошлого (консерватизм), образ идеального будущего (коммунизм) или образ идеального настоящего (либерализм, индивидуализм, прагматизм, – не ставящий далёких целей).

Ранее опубликованные работы автора статьи во многом посвящены обоснованию того факта, что вместилищем проектов идеального будущего на разных этапах развития культуры зачастую становилась фантастика [10; 11; 12].

Продолжая развивать этот подход, можно отметить и то, что образы идеального прошлого с неизбежностью облекаются в художественные формы, выступающие носителем совокупности исторических мифов. Как фантастика может быть научно-технической и, таким образом, отталкиваться от известных научных данных, а может быть философской и основываться на осмыслении общих вечных оснований политической и социальной жизни, так и литература о прошлом может как стремиться к документальности (и тогда мы имеем дело с историческим романом, или историческим фильмом – применительно к более новым формам художественно-повествовательной культуры), так и отталкиваться от общефилософских конструктов. Последнее в практике XX в. нашло выражение в жанре фэнтези².

Если обратиться, для примера, к истории кинематографа, во многом составившего мифологию XX в., можно видеть целые слои интерпретаций Римской империи и римлян как завоевателей и тиранов. Но в то же время не только в XX в., но и на протяжении полутора тысяч лет после своего падения Римская империя притягивала внимание как художников, так и мыслителей. Раз за разом историки и обществоведы обращались к вопросу о причинах её падения и распада. По существу, все наши, не только художественно-по-

² Аналогично тому, как В. В. Кузин выделял наряду с наукой о прошлом группу наук, занимающихся будущим, – прогнозирование, при том что к «наукам о будущем» он так или иначе относит вообще все науки, кроме исторических [5, с. 5].

этические, но и кажущиеся более академическими представления о Риме – строятся на системе мифологем: и как системы легенд и преданий, и как собственно-научного понимания мифа, в качестве «надежды, наполняющей смыслом коллективное действие». Как писал Я. Буркхардт о Римской империи, она «в любом случае неизмеримо превосходит все древние мировые монархии и вообще является единственной Империей, заслуживающей, при всех своих недостатках, это имя» [1, с. 83].

Римская империя фактически легла в основу Европейской, и более того, Западной в целом цивилизации. Но это был именно «Миф о Риме» как о мотивирующем образце и для Карла Великого с его Империей Запада, и для Оттона I, возрождавших Рим спустя триста-четыреста лет после его падения. Поэтому претенденты на её преемственность и наследие на её фоне, как представляется, даже реже становятся объектами внимания: недолгая империя Атиллы, Империя Запада Карла Великого, Священная Римская Империя и Священная Римская Империя германской нации и т. д. Её предшественники – Египет, Древний Китай и Империя кельтов – хотя и существуют в сознании отдельных романтиков, также не стали таким полем скрещивания мнений, но при этом уже в римском античном сознании существуют как своего рода мифы, переосмысленные современниками.

Римская империя до сих пор вдохновляет композиторов, писателей и сценаристов, творчество которых само по себе является фантазиями, осуществляющими переосмысление соответствующих мифов. И неслучайно тот же Руткевич пишет: «Как эмпирик я предпочёл бы – вслед за указанным мнением Я. Буркхардта – оставить имя Империи исключительно за Римом и его прямыми наследниками» [8, с. 41].

Представляется, что взлёт популярности жанра фэнтези в конце XX в. и на рубеже нового тысячелетия – отражает потребность осмысления мифов великого прошлого в контексте рождающего новые мифы опыта империй нового типа, чья история, становление и войны вовлекли в себя на самом деле значительно большие массы людей: такие великие империи XX в., как США, СССР, и недолгий, но предельно негативно себя отметивший Третий Рейх.

Конец века ознаменовался упадком империй и имперского сознания, развитием и популяризацией того, что воспринималось как идеи демократии, индивидуализма и самодостаточности малых субъектов, однако не прошло и тридцати лет, как мы снова вернулись к старым вопросам.

Вопрос заключается в выборе идеально предпочитаемого, т. е. того образа миропроекта, в котором, говоря словами Б. Стругацкого: «Нам хотелось бы жить».

Достаточно очевидным является то, что современный человек предпочёл бы жить в империи второго типа, основанной на идеологическом проекте, а не в «Империи-1», основанной на военной экспансии и подчинении.

«Империя-1» в конечном итоге либо не выдерживает собственной тяжести, либо приходит к тому же, от чего отталкивается «Империя-2» – консолидация большой и разнородной массы участников полиса невозможна без единого проекта, т. е. единого мифа, наполняющего смыслом коллективное действие.

Претензия на имперский статус как минимум двух существующих ныне государств представляется очевидной. И потому проблемы анализа различных аспектов функционирования империи снова обретают актуальность. И важнейшими из них представляются аспекты становления империи и её распада. Становления, потому что мы, возможно, являемся свидетелями становления и заявления о себе новой Российской империи. Эта империя вряд ли может быть идентична советской либо предшествовавшей ей дореволюционной. Впитывая позитивные практики прошлого, осмысливая их образы и мифы, она неизбежно должна найти свои ответы на вопросы, которые стали причиной разрушения её предшественников.

Автор статьи полагает, что обращение к образам идеального прошлого в ходе развития цивилизации, культуры и общественной мысли чередовалось с конструированием образов будущего. Причём первое характерно для периодов стагнации и распада империй, а второе – для периодов, следующих за их объединением и характеризующихся нарастающим развитием науки и культуры.

Фактически противостояние двух держав, длившееся почти половину XX в., охватило весь земной шар и вовлекло в свои перипетии практически всё человечество.

И по этой же причине важными представляются вопросы, связанные с распадом империй прошлого – потому что, только изучив существовавшие прежде практики, можно избежать тех же последствий. Кстати, недолгое существование Третьего Рейха можно объяснить и тем, что основой его стали мифы, культивирующие образы прошлого, тогда как Победа СССР – предопределялась и тем, что в основе его лежали мифы и образы будущего.

Применительно к XX в. подобные всплески-волны можно видеть на следующих этапах: 1920-е гг., послереволюционный период в СССР, бурный всплеск художественной футурологии, футуризма и утопизма, 1960-е гг. в СССР – вершина научно-технического романтизма.

В то же время 1930-е гг. в США: всплеск мистицизма, популярность жанра ужасов. 1970-е гг. – всплеск антиутопий. 1980-е гг. – обращение к образам прошлого, популярность жанра фэнтези нарастает (США фактически проигрывает «большую гонку», империя на спаде). 1990-е гг. в США – новый всплеск научно-технического романтизма («холодная война» выиграна, Империя Запада – вновь на марше). Россия начала 1990-х гг.: популярность мистики не только в кино и литературе, но и в обыденной жизни, реклама экстрасенсов и белых магов на всех каналах. Одновременно – с Запада идёт волна устаревших образцов западной, в основном американской, культуры.

Популярность обретают, опять же, фильмы ужасов и в более узких группах – книги жанра фэнтези. Почему в более узких? Потому что на этот момент в принципе большая часть аудитории не заинтересована в глобальном осмыслении мира, будь то обращение к будущему или прошлому. Но те, кто в нём всё-таки заинтересован, делают поворот от будущего к прошлому.

Таким образом, мы видим две противоположные тенденции, свойственные самосознанию и самоидентификации империй посредством художественного идеального конструирования: в периоды упадка империи обращаются к образам прошлого, к образам утраченной мечты, в периоды взлёта – к образам будущего, к мечте зарождающейся. А отсюда – и обратное предположение: на перекрёстках истории обращение к образам прошлого губит делающую выбор империю, – обращение к образам будущего позволяет создать новую.

ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО ПРОШЛОГО И ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ XX–XXI В.

Однако за этим фактом стоит многомерная проблематика. Выделяя лишь отдельные её черты, стоит сказать, что обращение империи к образам прошлого – не случайно. Таким образом, люди, воспитанные на идеях величия своей Родины, ощущают и проявляют несоответствие впитанного с детства идеала с действительностью: «...Континентальная культурная революция, в которой нуждается всё человечество, должна состоять в том, чтобы сконструировать принципиально иную “машину времени”, в которой великое культурное наследие не бракуется, а используется» [7, с 261].

Отсюда общий образ исторического регресса, свойственный многим произведениям классического фэнтези – у Толкина история Средиземья выделяет три эпохи, и каждая последующая выглядит менее героической, её активные деятели всё дальше от Создателя-Илуватара, затем от его старших детей-полубогов майар; те, кто делает Третью эпоху, уже далеко даже от эльфов – следующего поколения детей Создателя, а четвёртая эпоха характеризуется полным уходом эльфов, а с ними, возможно, и волшебства. Такую же тенденцию можно наблюдать в известном фэнтезийном цикле М. Уэйс и Т. Хикмен: Век Света сменяется Веком Силы, а за ним идёт Век Отчаянья, событиям которого посвящены основные книги цикла «Сага о копьё». Многие менее известные произведения жанра, авторы которых уделяют достаточное внимание проектированию своего мира, повторяют или переосмысливают эту схему.

В то же время на этом примере мы уже видим, что каждый конструкт обладает своими характерными чертами. Если исторический регресс Толкина – это история отдаления смертных от божественного начала, то регресс М. Уэйс и Т. Хикмена – это, скорее, история распрей, раскола божественных,

затем околобоженных и, наконец, человеческих монолитных структур на разные фракции, в основе которых лежат разные ценности. В ходе цикла авторы неоднократно повторяют: «Маятник не может застыть неподвижно», – и одна из базовых идей, связанных с историческим прогрессом в этом мире – маятник истории всегда колеблется между светом и тьмой. Добавим к этому чуть более позднюю трактовку С. Лукьяненко света как порядка и тьмы как свободы, и увидим, что речь идёт о бесконечных волнообразных колебаниях между распадом на множество и объединением в общее целое. При этом эпоха максимального объединения, относящаяся к Веку Силы, завершается появлением идеальной теократической империи под началом короля-жреца, решившего соперничать с богами. Истар в сознании потомков, живущих в мире цикла, остаётся памятью об эпохе победы света и торжества добра, т. е. мы видим тот самый идеальный конструкт прошлого, конструкт империи, о котором речь шла раньше. Однако финальные события Века Силы и граница его с Веком Отчаянья – катаклизм, обрушившийся на Империю Истар и на три столетия повергший человечество в хаос, разрушивший связи между народами и приведший к отречению людей от богов.

Таким образом, мы видим, что даже эти два конструкта идеального прошлого – Толкина и двух других западных авторов – крайне различны. Их объединяет только общая идея, относящая идеал в прошлое. Причём нужно обратить внимание на цивилизационное время появления этих проектов: они появляются на Западе во времена его упадка и цивилизационного возвышения империи Образов Будущего – СССР, –пытаясь талантливо романтизировать своё отступление.

Более глубокий и детальный анализ двух этих примеров требует обратиться к освещению исторической обстановки, в которой создавались тот и другой проекты, а также к описанию многих других фактов, которые, к сожалению, не представляется возможным привлечь в рамках данной статьи.

Однако в противовес этому мы можем привести два (из многих) примера образа будущего, представленные в данном случае двумя художественными произведениями: «Туманность Андромеды» И. Ефремова и «Вавилон 5» М. Стражински.

«Туманность Андромеды», хотя и не формирует образа империи в чистом виде, представляет нам проект достаточно монолитного общества будущего, решившего большинство проблем, характерных для империи. Причём И. Ефремов в одной из глав книги подробно описывает и фазы движения, через которые прошло человечество по пути к этому обществу. Примерное время создания конструкта – 1950-е гг. XX в, т. е. мы имеем дело со свидетельством самосознания общества, не так давно выигравшего войну и стоящего на пути к «Эпохе света».

История оказалась сложнее. Как писал тот же Ефремов в предисловии к своему «Часу Быка»: «Немалое число научно-фантастических произведений,

от мелких рассказов до крупных романов, где Счастливое коммунистическое будущее достигнуто как бы само собой... Своим романом мне хотелось возразить таким произведениям... Невообразимая сложность мира и материи потребует исполинской работы для существенных шагов в познании... Переход к бесклассовому коммунистическому обществу и полное осуществление мечты основоположников марксизма о “прыжке из царства необходимости в царство свободы” не просты и потребуют от людей высочайшей дисциплинированности и сознательной ответственности за каждое действие»³.

В 1990–91 гг. возникнет иллюзия окончания «холодной войны», и у тех или иных мечтателей появится светлая надежда, что возможен мир согласия и сотрудничества, мир, где каждому народу и каждой культуре найдётся место и общие вопросы смогут решаться в равноправном взаимодействии множества разнообразных.

Эту надежду, хотя и в достаточно осторожно-критичной форме⁴, отразит проект «Вавилон-5», предложенный М. Стражински: его уже нельзя назвать утопией, однако в целом он представляет собой благополучное земное общество будущего, относящееся к XXIII в., и представленное в культовом американском космическом сериале.

Как и авторы двух других ранее названных произведений – «Туманность Андромеды» и «Сага о копье», – М. Стражински большое внимание уделяет отношениям культур и культурному суверенитету. Одна из первых, постановочных, серий цикла посвящена проблеме многообразия и эталона: в ней рассказывается история общества, которое, стремясь уничтожить своих врагов, создало сверхмашину, уничтожающую всех, кто отличается от эталона. В итоге – прибор уничтожил всё население собственной планеты, поскольку даже на ней полностью соответствующих запрограммированному эталону не нашлось.

В другой, также одной из первых, серии сюжет вращается вокруг фестиваля религий, который проходит на станции, где каждая планета представляет свои религиозные традиции. Герой сериала до последнего не может решить, какую из земных конфессий следует представить другим цивилизациям и, в конце концов, представляет более десятка различных духовных наставников: задаётся тональность и основная мысль – Земля будущего будет многообразна, и разные ценностные системы уживутся между собой. По большому счёту, эта проблема встаёт в сериале многократно, пока глобаль-

³ Ефремов И. А. Час Быка. М.: Дружба народов, 1995. С. 6–7.

⁴ «Вавилон-5», на первый взгляд, также выглядит экстраполяцией американской мечты в будущее, однако при ближайшем рассмотрении всё выглядит не так однозначно. Так, сконструированному М. Стражински миру свойственны как типичные проблемы капиталистического общества (забастовки рабочих, рост платы за аренду жилья), так и черты социального государства: газеты, к примеру, конструируются и распечатываются на основе набора характеристик, задаваемого покупателем, однако плата за них не взимается.

ная война не заставляет народы поделиться, встать на ту или иную сторону: сторону пастырей Вселенной – древней расы Варлонцев, – или на сторону Теней, представляющих идеал бесконечной свободы и методы естественного отбора, – т. е. в итоге выносится вердикт: выбор неизбежен. И следом автор выводит ситуацию на новый уровень, когда в финале этого конфликта представители Земли просят Древних уйти со сцены и дать молодым народам развиваться самостоятельно.

Т. е. Стражински не пытается предопределить, какими непосредственно должны быть отношения в новом Альянсе, но постулирует его принципиальную возможность и обозначает базовые ценности, среди которых – уважение к культурному суверенитету каждой из цивилизаций.

Только мир, основанный на сотрудничестве и бесконфликтности, оказался не нужен тем, от кого зависело его создание: элиты США тогда выбрали иной путь.

История опять распорядилась по-своему: вместо мира сотрудничества и разнообразия наступила эпоха стремления к одностороннему доминированию, вместо возможности создания новой Империи-2 – возврат к попытке утвердить старый вариант Империи-1: вторжение США в Сомали, двойная агрессия Запада в Югославии во второй половине 1990-х гг., вторжение в Ирак и Афганистан в 2000-х гг.... Затем Ливия, Сирия, агрессия против России на Украине: этот курс был предопределён стремлением к гегемонии Запада ещё в 1990-е гг., когда, в частности, надежда на Мир Соглашения, отразившая надежды многих и представленная Стражински, – оказалась не нужна и предосудительна для властных элит США. Проект отразил надежду и возможности новой «растущей империи» как сообщества мирового содружества, объединённого «проектом согласия», но оказался не нужен и свёрнут в интересах других установок. Элиты выбрали путь конфликтной гегемонии, на деле означавший не восхождение к содружеству, а перенапряжение и дальнейшее угасание и так стареющей американской империи.

В свет к этому моменту успевают выйти четыре сезона сериала из запланированных пяти, когда истеблишмент США входит в некую новую эру: 1997 г. становится годом заметного перелома в американской массовой культуре, представленной в данном случае кинематографом и телеэпопеями – проект «Вавилона» сворачивается, и своеобразным эпитафием последних сезонов становятся слова: «Мы мечтали о мире... но нашей мечте было не дано осуществиться».

Помимо «Вавилона», профинансированного на половину следующего сезона, закрывается проект «Параллельные миры» (Sliders), меняется направленность проекта «Подводная Одиссея» (SeaQuest) (оба последних можно считать вариациями на тему научно-технического романтизма).

Зато стартует ряд проектов, например «Солдаты удачи» (1998), в фокусе которых – американский герой-патриот, с миссионерскими целями вторга-

ющийся в «отсталые страны». Те проекты, которые остаются на плаву, также поворачивают в направлении развития этой идеи. В частности, «Подводная Одиссея» (SeaQuest) – история о подводной лодке XXI в., исследующей просторы земных океанов, создаётся как история капитана-учёного, дауншифтера, предпочитающего общение с дельфинами экспансионистской военной службе. В 1998 г. на посту его сменяет военный, который более не испытывает таких сомнений.

В последних вышедших сериях «Вавилона-5» – одной из функций союза, казалось бы, олицетворившего победу согласия и сотрудничества, становится регулирующая деятельность по отношению к субъектам, отказавшимся вступить в союз, посредством до того создававшегося исключительно в целях освобождения и исключительно для защиты собственного суверенитета членов союза – флота Белой звезды.

Всё выглядит слишком системно, чтобы видеть в таких поворотах случайность или даже простой отклик на смену общественных настроений зрительской аудитории: ни один из новых, теперь уже пропагандирующих силовую гегемонию Империи-1 проектов, созданных в ключе этой новой американской идеологии, не продержался на плаву более двух лет, все они коммерчески не оправдались, т. е. позитивного отклика аудитории не получили.

Хронологически этот поворот в массовой культуре от конструктов согласия к конструктам принуждения совпадает с новым поворотом внешней политики США второй половины 1990-х гг.: концепт «миротворцев» – носителей самой воинственной идеологии во Вселенной и милитаристической цивилизации, лишённой собственной культуры, – раскрывает в своём сериале «На краю Вселенной» Р. О'Бэннон, автор упомянутого и закрывшегося в 1999 г. проекта «Подводная Одиссея». Новый проект начинает выходить после закрытия первого в 1999 г., но уже не в США, а в Австралии.

С этим же переломным 1997 г. можно соотнести кризис концепта американской мечты как классической системы ценностей демократии и свободы и одновременно конец третьего всплеска научно-технического романтизма на Западе.

Проходная мысль цикла – «Эта станция (с характерным названием «Вавилон») стала нашей последней надеждой на мир» – заставляет вспомнить положения «технооптимитического бестселлера № 1» Г. Кана и А. Винера [3, с. 38–39], позволяющие говорить, что «технооптимизм» был рождён лишь надеждой, что человек, создавший проблемы, сможет использовать «...некоторые возможности, которые часто связывают с концепцией «постиндустриального» общества» [12, с. 67–68], для того, чтобы их решить.

Как и М. Уэйс и Т. Хикмен, М. Стражински обращается к проблемам противостояния ценностных систем и культур, вокруг которых строятся основные конфликты сериала. И можно сказать, что это – весьма важная часть про-

блем, которые встают перед империей. Это те проблемы, которые зачастую в исторической практике и приводят к её распаду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что фантастика и фэнтези, художественные конструкции, обладающие способностью миромоделирования и создания самосознания и самоидентификации нового мира, отражают этапы и особенности формирования самосознания и самоидентификации на разных этапах становления и распада империй, но, выражая ожидания и надежды будущего, могут приходить в противоречие с интересами и стремлениями элиты, стремящейся нивелировать подобный миромоделирующий потенциал, что представляет интерес для дальнейшего анализа.

Причём особый интерес вызывает представленный в названных (и некоторых других) вселенных политико-культурный аспект, связанный с проблемами культурного суверенитета и взаимодействия культур и мифов внутри империи.

Мифы Империй получают осмысление в фэнтези – фэнтези, переосмысляя старые мифы, создаёт новые империи. Можно предположить: ведь мифы – осмысление образов прошлого, не получается ли тогда, что империю губит обращение к мифам как таковым? – Но в данном утверждении не учитывается, что фэнтези есть осмысление мифов прошлого на основе приобретённого опыта при исполнении функции миромоделирования – т. е. при создании образов будущего, наполняющего смыслом и надеждой коллективное действие.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении подходов политико-философского анализа политических конструкций через введение в оборот исследования создаваемых с помощью метафор в рамках жанров фэнтези и фантастики моделей альтернативного политического конструирования. Сам названный жанр рассматривается как пространство политического сознания и поле политико-философского и историко-политического осмысления как вечных, так и современных проблем политической жизни.

На прикладном уровне подобные подходы, с одной стороны, могут быть использованы при чтении учебных курсов по политологии, философии и политическому анализу, а с другой – и при собственно текущем анализе политического процесса, и при выявлении через представленные в образах фантастики и фэнтези назревающие и ожидаемые политическим сознанием модификации наличествующей политической жизни.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / пер. с нем. А. В. Дранова, А. Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 558 с.
2. Де Жувенель Б. Искусство предположения // Бестужев-Лада И. В. Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Академия, 2000. С. 102–128.
3. Кан Г., Винер А. Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах / пер. с англ. М.: Всесоюзный научно-исследовательский центр информации, 1969. 847 с.
4. Козьмина Е. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 292 с.
5. Кузин В. В. Футурология: триумф и трагедия // Бестужев-Лада И. В. Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Академия, 2000. С. 5–7.
6. Наумчик О. С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези: дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2020. 395 с.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 348 с.
8. Руткевич А. М. Гештальт империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 15–45.
9. Сафрон Е. А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков: дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2021. 437 с.
10. Черняховская Ю. С. «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. М.: Институт Наследия, 2022. 380 с.
11. Черняховская Ю. С. Кризис идеального политического конструирования в современном мире и проблема восстановления проектности в стратегии развития государств // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: ИПМ имени М. В. Келдыша, 2023. С. 146–162.
12. Черняховская Ю. С. Метакультура И. А. Ефремова как средство консолидации Империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 235–242.
13. Черняховский С. Ф. Империя как запрос // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 319–335.

REFERENCES

1. Burckhardt J. Überlegungen zur Weltgeschichte (Rus. ed.: Dranov A. V., Gadzhikurbanov A. G., transls. *Razmyshleniya o vsemirnoi istorii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 558 p.).
2. De Jouvenel B. [The art of guessing]. In: Bestuzhev-Lada I. V. *Vpered i – XXI vek. Antologiya sovremennoi klassicheskoi prognostiki: perspektivy, prognozy, futurology* [Ahead is the XI century. Anthology of modern classical forecasting: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow, Akademia Publ., 2000, pp. 102–128.
3. Kahn G., Wiener A. The year 2000: A framework for speculation on the next thirty-three years (Rus. ed.: *Dvukhtysyachnyi god – baza dlya razmyshlenii o sleduyushchikh tridsati trekh godakh*. Moscow, Vsesoyuznyi nauchno-issledovatel'skii tsentr informatsii Publ., 1969. 847 p.).
4. Kozmina E. *Fantasticheskii avanturno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Fantastic adventure-historical novel: poetics of the genre]. Moscow, Ekateringurg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2017. 292 p.
5. Kuzin V. V. [Futurology: triumph and tragedy]. In: Bestuzhev-Lada I. V. *Vpered i – XXI vek. Antologiya sovremennoi klassicheskoi prognostiki: perspektivy, prognozy, futurology* [Ahead is the XI century. Anthology of modern classical forecasting: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow, Akademia Publ., 2000, pp. 5–7.
6. Naumchik O. S. *Miromodeliruyushchie funktsii igry v khudozhestvennoi sisteme angliiskogo fentezi: dis. ... dokt. filol. nauk* [World-modeling functions of the game in the artistic system of English fantasy: Dr. Sci. thesis in Philology]. Nizhny Novgorod, 2020. 395 p.
7. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 348 p.
8. Rutkevich A. M. [Gestalt of the Empire]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 1, pp. 15–45.
9. Safron E. A. *Poetika gorodskogo fentezi v russkoi literature KhKh – nachala KhKh vekov: dis. ... dokt. filol. nauk* [Poetics of urban fantasy in Russian literature of the 20th – early 21st centuries: Dr. Sci. thesis in Philology]. Saransk, 2021. 437 p.
10. Chernyakhovskaya Yu. S. «Bol'shaya troika» sovetskoi khudozhestvennoi futurologii. *Politiko-filosofskoe osmyslenie problem kul'turnogo suvereniteta, kul'turno-tsivilizatsionnoi integratsii i formirovaniya idealov budushchego v proizvedeniyakh I. Efremova, A. Kazantseva, A. i B. Strugatskikh: komparativnyi analiz* ["Big Three" of Soviet artistic futurology. Political and philosophical understanding of the problems of cultural sovereignty, cultural and civilizational integration and the formation of ideals of the future in the works of I. Efremov, A. Kazantsev, A. and B. Strugatsky: comparative analysis]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2022. 380 p.
11. Chernyakhovskaya Yu. S. [The crisis of ideal political construction in the modern world and the problem of restoring the project in the development strategy of states]. In: Malinetskii G. G., ed. *Proektirovanie budushchego*.

Problemy tsyfrovoi real'nosti [Futurity designing. Digital reality problems]. Moscow, IPM imeni M. V. Keldysha Publ., 2023, pp. 146–162.

12. Chernyakhovskaya Yu. S. [Metaculture of I. A. Efremov as an instrument for the Empire consolidation]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 2, pp. 235–242.
13. Chernyakhovskiy S. F. [Empire as a request]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 2, pp. 319–335.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черняховская Юлия Сергеевна – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований политической культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева; e-mail: julcher1@yandex.ru

Yulia S. Chernyakhovskaya – Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Center for the Study of Political Culture, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage; e-mail: julcher1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Черняховская Ю. С. Империи и фантастика // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Chernyakhovskaya Yu. S. Empires and fantasy. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9

Нестерова А. А., Соколова И. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЭЙДЖИЗМ И СТИГМАТИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести сравнительный анализ стереотипов и установок на эйджизм в отношении пожилых людей у представителей различных поколений (молодёжи, лиц зрелого возраста и самих пожилых людей).

Процедура и методы. Исследование проводилось с применением непараметрического критерия сравнения нескольких независимых выборок – критерием Крускала-Уоллиса. Применялись методы изучения аттитудов, установок на эйджизм и семантический дифференциал.

Результаты. В структуре стигматизирующих установок всех трёх поколений чаще всего встречаются предрассудки о пожилых людях, причём в наибольшей степени они присутствуют у самих пожилых людей, что позволяет говорить о самостигматизации. Меньше всего в структуре эйджизма во всех возрастных группах выражены дискриминационные установки, а вот установки на избегание контакта в отношении пожилых статистически значимо больше проявлены в группе молодых людей 18–35 лет.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в построении продуктивных коммуникаций в трансгенерационных отношениях и стать основой для разработки специализированных тренинговых программ, направленных на противодействие формированию социальной стигматизации пожилых людей.

Ключевые слова: геронтологический эйджизм, социальная стигматизация, возрастные стереотипы, предрассудки, пожилой возраст, самостигматизация

СТРУКТУРА

Введение

Выборка и методика исследования

Результаты исследования и их обсуждение

Заключение

A. Nesterova, I. Sokolova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

AGEISM AND STIGMATIZATION OF ELDERLY PEOPLE BY REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To conduct a comparative analysis of stereotypes and ageism attitudes towards elderly people among representatives of different generations (youth, middle-aged people and elderly people themselves).

Methodology. The study was conducted using a nonparametric criterion for comparing several independent samples – the Kruskal-Wallis test. Methods were used to study attitudes, attitudes towards ageism and semantic differential.

Results. In the structure of stigmatizing attitudes of all three generations, prejudices about elderly people are most frequent, and to the greatest extent they are present among elderly people themselves, which makes it possible to talk about self-stigmatization. Discriminatory attitudes are least expressed in the structure of ageism in all age groups, but attitudes to avoid contact with the elderly are statistically significantly more present in the group of young people aged 18–35.

Research implications. The results obtained can be used in building productive communications in transgenerational relationships and become the basis for the development of specialized training programs aimed at counteracting the formation of social stigmatization of elderly people.

KEYWORDS

gerontological ageism, social stigma, age stereotypes, prejudices, old age, self-stigmatization

ВВЕДЕНИЕ

Термин «эйджизм» был введён психиатром-геронтологом Р. Батлером ещё в 60-х гг. XX в. [12]. Этот термин определяет разновидность дискриминации по отношению к людям пожилого возраста. Этот вид дискриминации уникален, потому что, в отличие от расизма, сексизма, стигматизации людей, имеющих психические заболевания, старение – это закономерный физиологический процесс, и каждый человек гипотетически когда-то войдёт в эту возрастную группу. Т. е. рано или поздно все, кто сегодня стигматизируют эту группу, сами станут её представителями в определённом возрасте.

За последние десятилетия наблюдается экспоненциальный рост старения населения. В соответствии с Мировыми демографическими перспективами ООН (Организация Объединённых Наций, Департамент экономики и Социальные вопросы, Отдел народонаселения, 2019 г.) пожилые люди (стар-

ше 65 лет) уже составляют 9% мирового населения. Этот процент растёт, и к 2100 г., по подсчётам учёных, может достичь почти 23% [1; 21].

Многие исследования выявили прочную связь между эйджизмом в форме негативных стереотипов, предубеждений и дискриминации в отношении пожилых людей и рисками для их физического и психического здоровья [11]. Исследования показали, что эйджизм, направленный на пожилых людей, оказывает негативное влияние на их здоровье, благополучие и качество получаемой медицинской помощи [3; 7; 8; 15]. Ожидается, что масштабы эйджизма будут расширяться в контексте растущего старения населения во всём мире [2; 9; 13; 14]. Несмотря на масштабы и связанные со здоровьем последствия эйджизма в отношении пожилых людей, относительная эффективность общих стратегий вмешательства, направленных на снижение эйджизма, не установлена [14].

Эйджизм может изменить то, как мы относимся к себе, может подорвать эмоциональные связи между поколениями, может обесценить или ограничить нашу способность извлекать выгоду из того, что могут внести люди разного возраста в общий фонд здоровья и благополучия, может повлиять на здоровье человека, продолжительность его жизни, а также иметь и далеко идущие экономические последствия. Например, эйджизм связан с более ранней смертью (на 7,5 лет), более слабым физическим и психическим здоровьем, более медленной адаптацией к инвалидности в пожилом возрасте. Эйджизм также увеличивает рискованное для здоровья поведение: нездоровое питание, чрезмерное употребление алкоголя или курение, снижающие качество жизни [4; 5; 10; 20].

Эйджизм связан с негативными стереотипами, предрассудками, стигматизацией в отношении других людей, дискриминируемых по возрастным признакам. Эйджизм затрагивает всех – уже дети в возрасте четырёх лет осознают возрастные стереотипы своей культуры, в том числе связанные с возрастом. С этого возраста они усваивают и используют эти стереотипы, чтобы направлять свои чувства и поведение по отношению к людям разного возраста. Они также опираются на возрастные стереотипы культуры, чтобы воспринимать и понимать себя, что может привести к эйджизму, направленному на себя [17; 22].

Актуальность исследования пожилого возраста и межпоколенных коммуникаций обусловлена добавлением к жизненному циклу дополнительного долгосрочного этапа, который характеризуется психологическими и социальными трудностями [7; 8; 20]. В современном российском обществе прослеживается тенденция восприятия пожилого человека как личности, не имеющей возможности адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Старость, к сожалению, часто воспринимается как синоним «угасания». Люди пожилого возраста, в свою очередь, склонны интернализировать негативные геронтологические стереотипы, которые становятся частью их собственного

самоощущения и определяют набор самостигматизирующих поведенческих реакций. Такое явление приводит к нескольким последствиям: с одной стороны, пожилые люди невольно провоцируют эйджизм и страх старости у молодых, с другой – представления об «исчерпанности» этого возраста становятся препятствием для продуктивной и благополучной включённости в социально значимую детальность пожилых людей [5; 16; 17].

Сегодня всё больше исследований и публикаций, изучающих возрастные стереотипы и предубеждения. Возрастной стереотип – это упрощённое, недифференцированное изображение какой-либо возрастной группы, которое часто ошибочно, не отражает реальности и устойчиво к изменениям [12]. Слово «стереотип» первоначально относилось к металлической пластине, используемой в печати (штамп). У. Липпман объясняет этот термин как предубеждение относительно группы или характеристики человека [6].

Известный американский исследователь эйджизма Э. Палмар приводит доказательства существования в современном обществе девяти основных стереотипов, отражающих негативное предубеждение по отношению к пожилым людям: болезнь, импотенция, уродство, умственный упадок, психические заболевания, бесполезность, изоляция, бедность и депрессия [19]. Правда, далее последователи и сам Э. Палмар выявили также и восемь положительных стереотипов о пожилых людях: доброту, мудрость, надёжность, достаток, политическую силу, свободу, вечную молодость и счастье. Хаммерт и его коллеги выделяют шестьдесят девять описательных черт характера пожилых людей, которые они сводят к четырём отрицательным стереотипам (инвалид, строптивый / скряга, отшельник, унылый) и трём позитивным стереотипам (идеальные дедушка и бабушка, консерватор Джон Уэйн, золотой возраст) [17].

К сожалению, стереотипы часто вызывают или разжигают дискриминацию пожилых людей.

На сегодняшний день недостаточно изучены особенности проявления эйджизма в разных возрастных группах нашего населения, в том числе в группе самих людей пожилого возраста. Между тем понимание этих стереотипов и предубеждений позволит разработать программы по их нивелированию. Актуальность исследования социально-психологических факторов преодоления эйджизма обусловлена высокой зависимостью качества жизни пожилых людей и их психологического благополучия от эффективности социальных программ и коммуникаций, в том числе внутрисемейных, которые предлагаются организациями социального обслуживания и социальным (семейным) окружением соответственно.

ВЫБОРКА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Участники исследования. Выборку составили 300 респондентов (224 женщины, 74 мужчины), жители Москвы и Московской области РФ. В исследовании принимали участие 12% учащихся, 57% работающих, 17% пенсионеров, а также 14% работающих пенсионеров. Участники были распределены на три группы по 100 человек в зависимости от возраста:

- группа «молодые люди» в возрасте от 18 до 35 лет;
- группа «среднего возраста» от 36 до 54 лет;
- группа «пожилые» в возрасте от 55 лет и 80.

Методики исследования. В исследовании применялись следующие методы и валидизированные опросники:

1. шкала социальной дистанции Э. Богардуса, которая направлена на измерение степени близости людей к другим членам различных социальных, этнических или расовых групп (в нашем случае модифицирована под задачи исследования: изучалась социальная дистанция между возрастными группами населения РФ);

2. методика оценки субъективного уровня возрастной дискриминированности человека «Опросник эйджизма» Э. Палмора, направленная на оценку частоты субъективного восприятия пожилыми людьми дискриминирующих ситуаций в их повседневной жизни [19];

3. «шкала эйджизма» М. Фрабони, предназначенная для измерения антагонистических и дискриминационных установок и тенденций избегать пожилых людей [15]. Данная методика позволяет оценить три измерения: «стереотипы в отношении пожилых», «предрассудки в отношении пожилых» и «дискриминацию в отношении пожилых»;

4. модифицированная под задачи исследования методика семантического дифференциала Ч. Осгуда, раскрывающая информацию о трёх основных измерениях аттитудов: оценке, потенциале и активности (в нашем исследовании – аттитудов в отношении пожилых людей).

Для сравнения трёх выборок («молодые люди», «люди среднего возраста», «пожилые люди») использовался статистический непараметрический критерий Краскела-Уоллиса.

РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования социальной дистанции между представителями различных социальных групп. Данные, приведённые в таблице 1, показывают наличие наибольшего уровня социальной дистанции в случаях, когда пожилой человек выступает в роли «подчинённого», т. е. представители всех групп не хотят видеть пожилого человека в роли своего подчинённого.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительный анализ социальной дистанции в отношениях с пожилыми людьми (по шкале Э. Богардуса) / Comparative analysis of social distance in relationships with elderly people (according to the Bogardus scale)

Социальные роли пожилых	Молодые люди	Средний возраст	Пожилые люди	Н-Краскел-Уоллис	Уровень значимости (p)
Ваш близкий родственник	0,13	0,09	0,02	8,4	0,02*
Ваш друг	0,23	0,13	0,02	19,9	0,00*
Ваш сосед	0,22	0,14	0,12	4,2	0,13
Ваш врач	0,21	0,09	0,17	5,6	0,06
Уборщица в офисе, дворник, сторож	0,26	0,22	0,32	2,6	0,28
Учитель Вашего ребёнка	0,27	0,15	0,12	8,5	0,01*
Билетёр	0,18	0,22	0,26	1,9	0,39
Продавец в магазине	0,15	0,21	0,35	11,6	0,03*
Коллега по работе (учёбе)	0,24	0,14	0,12	5,9	0,05*
Ваш руководитель	0,29	0,19	0,22	2,9	0,23
Ваш подчинённый	0,36	0,33	0,27	1,9	0,38
Ваш депутат	0,31	0,26	0,38	3,3	0,19

В целом из таблицы 1 видим, что самая большая социальная дистанция с пожилыми людьми наблюдается в группе молодёжи: они не выражают желания работать с пожилыми людьми, а также дружить. Единственное, что они допускают для себя – снижать дистанцию в отношении пожилых близких родственников (при том эта дистанция всё-таки статистически больше, чем в группе пожилых и людей среднего возраста). Стереотипно молодые люди признают допустимость таких социальных ролей для пожилых, как «продавец в магазине», «билетёр».

Люди зрелого возраста более толерантно относятся к пожилым людям, чем молодёжь, допуская, что пожилой человек может быть хорошим врачом для них, учителем, руководителем, но социальная дистанция значительно увеличивается в желании быть руководителем пожилого человека, избирать пожилого человека на пост депутата.

Сами пожилые люди в меньшей степени создают дистанцию с представителями своего возраста (хотят и дружить, и быть в родственных отношениях), но при этом они тоже сами стигматизируют представителей своего возраста по профессиональным и деловым характеристикам, считая, что пожилые не могут быть руководителями, подчинёнными, политиками, хорошими работниками.

Результаты анализа измерения антагонистических и дискриминационных установок и тенденций избегать пожилых людей представлены в таблице 2.

Статистически значимые различия получены только по шкале «предрассудки о пожилых людях» – больше всего предрассудков в самой группе пожилых людей ($p=0,03$), что свидетельствует о самостигматизации. В дискриминационных установках молодёжи больше всего выражены элементы избегания пожилых людей (нежелания ходить с пожилыми людьми на общие мероприятия, избегание прямого непосредственного контакта). Эти результаты согласуются с данными зарубежных исследований, которые тоже приходят к выводу, что молодёжь, как правило, больше избегает пожилых людей по сравнению с другими группами [11]. Таким образом, молодые люди в отношении пожилых людей чаще проявляют поведение избегания и даже элементы дискриминации, а сами пожилые люди и люди зрелого возраста в большей мере охвачены предрассудками о пожилых людях.

Таблица 2 / Table 2

Сравнительный анализ дискриминационных установок в отношении пожилых людей (шкала эйджизма М. Фрабони) / Comparative analysis of discriminatory attitudes towards elderly people (the Fraboni scale of ageism)

Шкалы методики	Молодые люди	Средний возраст	Пожилые люди	Н-Краскел-Уоллис	Уровень значимости (p)
Предрассудки о пожилых	26,61	27,41	29,03	7,2	0,03*
Элементы дискриминации	21,31	19,96	20,65	2,9	0,23
Избегание	27,05	25,41	25,27	3,5	0,18

Что касается *субъективного восприятия дискриминации в сторону пожилых людей*, оно исследовалось с помощью опросника эйджизма Э. Палмора (2001) [18]. Этот опросник был разработан для того, чтобы понять, как сами пожилые люди относятся к своему старению.

По субъективному восприятию негативного эйджизма в свою сторону пожилые люди расходятся во мнении (рис. 1): 16% чувствуют высокий уро-

вень эйджизма, 16% воспринимают дискриминацию в свою сторону на среднем уровне, и 68% редко сталкиваются со стигматизацией.

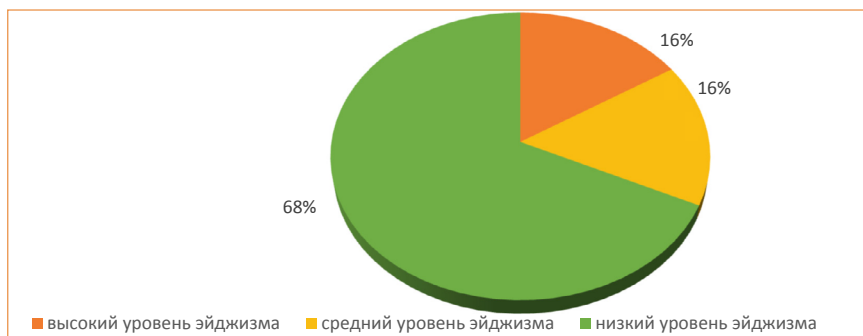

Рис. 1 / Fig. 1. Субъективно воспринимаемый уровень эйджизма в группе пожилых людей / Subjectively perceived level of ageism in a group of elderly people

Большинство пожилых людей (68%) не попадает в ситуации, связанные с дискриминацией людей по возрасту. При этом 16% пожилых людей сталкиваются с дискриминацией в своей обыденной жизни, и ещё 16% сталкиваются очень часто.

Чаще всего респонденты выбирали негативный полюс тех утверждений, которые относились к когнитивной и возрастной составляющей дискриминации образа пожилого человека: «меня игнорировали или не воспринимали всерьёз из-за моего пожилого возраста»; «врач или медсестра предположили, что мои недомогания вызваны моим возрастом и меня не стоит внимательно осмотреть»; «кто-то предположил, что я плохо слышу из-за своего возраста»; «кто-то предположил, что я не могу что-то понять из-за своего возраста»; «кто-то сказал мне: «Ты слишком стар для этого»». Это ранит пожилых людей и часто приводит к самостигматизации, когда они сами перестают себя считать дееспособными и потенциально способными выполнить разные задачи.

Далее с помощью модифицированного варианта семантического дифференциала мы измеряли *аттитюды в отношении пожилых людей*. Этот метод хорошо зарекомендовал себя в глубинном исследовании одних социальных групп к другим. Семантический дифференциал состоял из ряда полярных прилагательных (14 пар), таких как «хороший – плохой», «счастливый – печальный» и т. д. Респонденты всех трёх возрастных групп ставили отметку вдоль этого континуума, чтобы обозначить своё отношение к пожилым людям. Это метод помогает измерить показатель субъективного эмоционального отношения к пожилому человеку, а не показатель знания о старении и пожилых людях.

На основе полученных оценок была построена гистограмма, отражающая отношение и представление о пожилых людях в трёх сравниваемых группах (рис. 2).

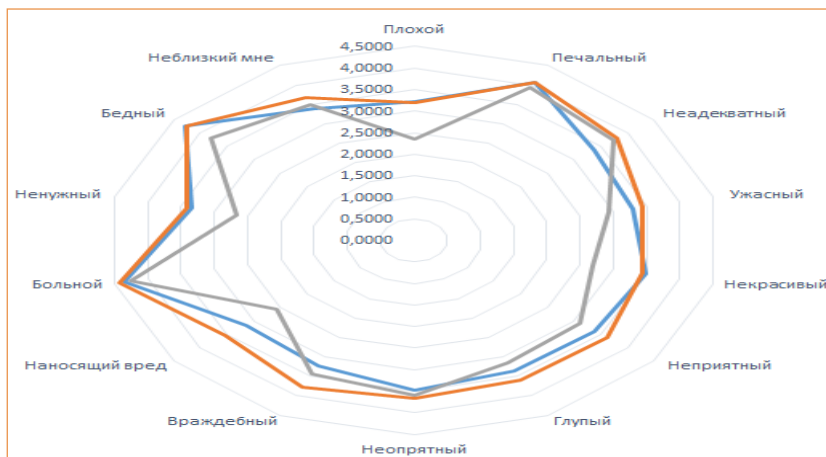

Рис. 2 / Fig. 2. Представления о «пожилом человеке» в трёх возрастных группах / Representations of an "elderly person" in three age groups

Статистически значимые различия по показателям семантического дифференциала выявлены по шкалам: «хороший – плохой» ($p < 0,01$), «прекрасный – ужасный» ($p < 0,05$), «симпатичный – некрасивый» ($p < 0,001$), «приятный – неприятный» ($p < 0,05$), «полезный – наносящий вред» ($p < 0,001$), «нужный – ненужный» ($p < 0,01$). У молодёжи и людей среднего возраста менее приятный «портрет пожилого человека». Пожилые люди статистически достоверно выше оценивают себя по шкалам «хороший», «прекрасный», «симпатичный», «приятный», «нужный», «богатый» – они позитивнее и толерантнее относятся к людям своей возрастной группы. Сами пожилые люди статистически достоверно выше в сравнении с молодёжью оценивают свою нужность, полезность и привлекательность.

В группе молодёжи и людей среднего возраста схожие выраженные дискриминирующие установки о пожилых людях следующие: «печальные», «больные», «бедные». Враждебность пожилых людей как характеристика этой социальной группы чаще отмечается людьми зрелого возраста, а неадекватность и проблемы со здоровьем – в группе самих пожилых людей (т. е. наблюдается самостигматизация по определённым характеристикам).

Полученные результаты подтверждают теорию интернализации возрастных стереотипов, разработанную в социальной геронтопсихологии. Молодёжь чаще прибегает к негативным стереотипам о пожилых людях, что

свидетельствует о механизме диссоциации с этим возрастом, диссоциации со старостью («они – другие, мне до старости далеко»). Молодые люди таким образом хотят «отодвинуть» от себя этот период своей жизни, следовательно, и пожилых людей поместить от себя на большую социальную дистанцию. Однако в долгосрочной перспективе негативные возрастные стереотипы интернализируются в самооценке людей, и когда они достигают этого возраста – эти стереотипные убеждения становятся уже частью их личности и образа собственного Я [18].

Результаты нашего исследования говорят о преобладании негативных стереотипов и установок на эйджизм в отношении пожилых людей среди молодого поколения и поколения зрелых людей. Это может иметь плачевные последствия не только для группы пожилых людей, но и для молодёжи, потому что, согласно теории интернализации, негативные взгляды на старение рассматриваются как основной фактор риска снижения удовлетворённости жизнью в пожилом возрасте. Эйджизм и негативные представления о себе в будущем у более молодых поколений подрывают мотивацию инвестировать в собственное будущее и заниматься соответствующей подготовкой к этому возрастному периоду своей жизни – в пожилом возрасте эти негативные стереотипы становятся уже частью Я-концепции и самооценки, приводят к самостигматизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В представлениях о пожилых людях всех возрастных групп присутствуют стигматизирующие установки и предубеждения. В структуре эйджизма чаще всего встречаются предрассудки о пожилых людях, причём в наибольшей степени они присутствуют непосредственно у самих пожилых людей, что позволяет говорить о наличии элементов самостигматизации.

2. В поведении молодёжи в большей мере проявляются установки на избегание непосредственного общения, а также дискриминирующие аттитюды. Молодые люди часто обесценивают возможность пожилых людей быть нужными и полезными в обществе. Молодёжь не особо настроена коммуницировать с пожилыми людьми в области профессионального и социального взаимодействия – ей сложно ассоциировать пожилого человека с высоко-статусными социальными ролями (депутат, врач, учитель, руководитель).

3. Наибольшая социальная дистанция в оценках респондентов по отношению к представителям пожилого населения проявляется в восприятии пожилого человека в роли руководителя, подчинённого и политического деятеля. Пожилые участники исследования демонстрируют наибольшую социальную дистанцию в случае, когда пожилой человек занимает роль продавца или уборщика. В группе молодых респондентов статистически достоверно выше дистанция с пожилыми людьми в таких социальных ролях, как «учи-

тель» и «врач», в то время как люди среднего возраста смотрят на это более толерантно. При этом и молодые люди, и люди среднего возраста вполне видят пожилых людей в качестве своих близких родственников (социальная дистанция снижается).

4. В оценках образа пожилого человека со стороны респондентов самой старшей возрастной группы преимущественно преобладают позитивные характеристики, в связи с чем можно заключить о наличии более положительного образа пожилого человека. В оценках образа пожилого человека со стороны молодого поколения и представителей средней возрастной группы имеют место стигматизирующие, оценочные и негативные суждения, а также негативная оценка по внешним показателям привлекательности и возможности приносить пользу (ненужность, непривлекательность, бедность – болезнь).

5. Исследование показало наличие самостигматизации в группе пожилых людей, так как предрассудков о пожилых в их группе больше всего. Сами пожилые люди считают себя неспособными выполнять отдельные активные профессиональные роли, но при этом гораздо выше оценивают свои возможности принести пользу обществу. 16% выборки пожилых людей очень часто сталкивались с эйджизмом и дискриминацией по возрасту, особенно в отношении своих когнитивных и физических возможностей (стигматизация «потенциала»).

6. Необходимо дальнейшее исследование факторов, детерминирующих распространение предубеждений и предрассудков в отношении пожилых людей для того, чтобы нивелировать стигматизирующие установки в обществе, в том числе в самой группе пожилых людей нашего общества. Изучение стереотипов о пожилых людях важно ещё и потому, что в процессе интернализации в течение жизни они могут стать частями негативного образа Я и приведут к самостигматизации.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 10.09.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Глобальное старение как интегральная проблема будущего // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 2. С. 110–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6
2. Ерохин Н. А. Старение населения России как политическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета

- (электронный журнал). 2018. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.07.2023).
3. Захарова И. А., Коробко А. И., Сотников В. А. Социальная стигматизация и установки в отношении возрастных изменений // Российский журнал гериатрической медицины. 2022. № 3. С. 156–160. DOI: 10.37586/2686-8636-3-2022-156-160
 4. Крамаренко Н. С., Ефремова Д. Н. Модель переживания субъективного счастья пожилого человека // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал) 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.07.2023).
 5. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб.: Речь, 2009. 159 с.
 6. Нестерова А. А., Айсина Р. М., Суслова Т. Ф. Социальная стигматизация детей с расстройствами аутистического спектра и их семей: детерминанты и стратегии преодоления. М.: Филин, 2020. 310 с.
 7. Нестерова А. А., Жучкова С. М. Факторная структура удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: социально-психологический подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 60–72. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72
 8. Подольский А. И., Ермолаева М. В., Шоркина Н. А. Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2022. 176 с.
 9. Полянская А. В., Мельников Р. А. Эйджизм как проблема современного общества // Медицинский журнал. 2021. № 2. С. 133–137. DOI: 10.51922/1818-426X.2021.2.133
 10. Allen J. O., Solway E., Kirch M., et al. The everyday ageism scale: development and evaluation // Journal of aging and health. 2022. Vol. 34. № 2. P. 147–157. DOI: 10.1177/08982643211036131
 11. Bodner E., Bergman Y. S., Cohen-Fridel S. Different dimensions of ageist attitudes among men and women: A multigenerational perspective // International Psychogeriatrics. 2012. Vol. 24. № 6. P. 895–901. DOI: 10.1017/S1041610211002936
 12. Maddox G. The encyclopedia of aging. New York: Springer, 2001. 1408 p.
 13. Iversen T. N., Larsen L., Solem P. E. A conceptual analysis of ageism // Nordic Psychology. 2009. Vol. 61. P. 4–22. DOI: 10.1027/1901-2276.61.3.4.
 14. Farrell T. W., Hung W. W., Unroe K. T., et al. Exploring the intersection of structural racism and ageism in healthcare // Journal of the American Geriatrics Society. 2022. № 70. P. 3366–3377. DOI: 10.1111/jgs.18105
 15. Fasel N., Vauclair M., Lima M. The relative importance of personal beliefs, meta-stereotypes and societal stereotypes of age for the wellbeing of older people // Ageing and Society. 2020. № 41. P. 1–24. DOI: 10.1017/S0144686X20000537
 16. Fraboni M., Saltstone R., Hughes S. The Fraboni Scale of Ageism (FSA): An attempt at a more precise measure of ageism // Canadian Journal on Aging. 1990. № 9. P. 56–66.

17. Hummert M., Garstka T., Shaner J. Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 1994. № 49. P. 240–249.
18. Kornadt A. E., Weiss D., et al. Internalization or Dissociation? Negative age stereotypes make you feel younger now but make you feel older later // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2023. № 78. P. 1341–1348. DOI: 10.1093/geronb/gbad057.
19. Palmore E. The Ageism Survey. First Findings // *The Gerontologist*. 2001. Vol. 41. № 5. P. 572–575.
20. Pedroso-Chaparro M. S., et al. 'I feel old and have aging stereotypes. Internalized aging stereotypes and older adults' mental health: the mediational role of loneliness // *Aging & Mental Health*. 2023. Vol. 27. № 8. P. 1619–1626. DOI: 10.1080/13607863.2022.2163376
21. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries // *Population and Economics*. 2019. № 3. P. 1–29.
22. Taşdemir N. Young People's Attitudes toward Older People: Prejudices, Stereotypes, Inter-group Evaluations, and Frequency of Contact // Çakal H., Husnu Sh. *Examining Complex Intergroup Relations*. New York: Routledge, 2022. P. 84–105.

REFERENCES

1. Grinin L. E., Grinin A. L., Korotayev A. V. [Aging of the global population as an integral problem of the future]. In: *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 2023, vol. 29, no. 2, pp. 110–131. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.6
2. Erokhin N. A. [Aging of the population in Russia as a political problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 02.07.2023).
3. Zakharova I. A., Korobko A. I., Sotnikov V. A. [Social stigmatization and attitudes towards age-related changes]. In: *Rossiiskij zhurnal geriatricheskoj mediciny* [Russian Journal of Geriatric Medicine], 2022, no. 3, pp. 156–160. DOI: 10.37586/2686-8636-3-2022-156-160
4. Kramarenko N. S., Efremova D. N. [The model of experiencing subjective happiness in the elderly]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 02.07.2023).
5. Miklyaeva A. V. *Vozrastnaya diskriminaciya kak social'no-psihologicheskij fenomen* [Age discrimination as a socio-psychological phenomenon]. St. Petersburg, Rech Publ., 2009. 159 p.
6. Nesterova A. A., Aisina R. M., Suslova T. F. *Social'naya stigmatizaciya detej s rasstrojstvami avtisticheskogo spektra i ih semej: determinanty i strategii preodoleniya* [Social stigmatization of children with autism spectrum disorders and their families: determinants and coping strategies]. Moscow, Filin Publ., 2020. 310 p.

7. Nesterova A. A., Zhuchkova S. M. [Factor structure of life satisfaction in elderly and old age: socio-psychological approach]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 60–72. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72
8. Podolskiy A. I., Ermolaeva M. V., Shorkina N. A. *Pozhiloy chelovek kak sub'ekt izucheniya, podderzhki i obshcheniya* [An elderly person as a subject of study, support and communication]. Moscow, Publishing house of the National Research University Higher School of Economics Publ., 2022. 176 p.
9. Polyanskaya A. V., Melnikov R. A. [Ageism as a problem of modern society]. In: *Meditsinskij zhurnal* [Medical journal], 2021, no. 2, pp. 133–137. DOI: 10.51922/1818-426X.2021.2.133
10. Allen J. O., Solway E., Kirch M., et al. The everyday ageism scale: development and evaluation. In: *Journal of aging and health*, 2022, vol. 34, no. 2, pp. 147–157. DOI: 10.1177/08982643211036131
11. Bodner E., Bergman Y. S., Cohen-Fridel S. Different dimensions of ageist attitudes among men and women: A multigenerational perspective. In: *International Psychogeriatrics*, 2012, vol. 24, no. 6, pp. 895–901. DOI: 10.1017/S1041610211002936.
12. Maddox G. The encyclopedia of aging. New York, Springer, 2001. 1408 p.
13. Iversen T. N., Larsen L., Solem P. E. A conceptual analysis of ageism. In: *Nordic Psychology*, 2009, vol. 61, pp. 4–22. DOI: 10.1027/1901-2276.61.3.4
14. Farrell T. W., Hung W. W., Unroe K. T., et al. Exploring the intersection of structural racism and ageism in healthcare. In: *Journal of the American Geriatrics Society*, 2022, no. 70, pp. 3366–3377. DOI: 10.1111/jgs.18105
15. Fasel N., Vauclair M., Lima M. The relative importance of personal beliefs, meta-stereotypes and societal stereotypes of age for the wellbeing of older people. In: *Ageing and Society*, 2020, no. 41, pp. 1–24. DOI: 10.1017/S0144686X20000537
16. Fraboni M., Saltstone R., Hughes S. The Fraboni Scale of Ageism (FSA): An attempt at a more precise measure of ageism. In: *Canadian Journal on Aging*, 1990, no. 9, pp. 56–66.
17. Hummert M., Garstka T., Shaner J. Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults. In: *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*, 1994, no. 49, pp. 240–249.
18. Kornadt A. E., Weiss D., et al. Internalization or Dissociation? Negative age stereotypes make you feel younger now but make you feel older later. In: *The Journals of Gerontology: Series B*, 2023, no. 78, pp. 1341–1348. DOI: 10.1093/geronb/gbad057.
19. Palmore E. The Ageism Survey. First Findings. In: *The Gerontologist*, 2001, vol. 41, no. 5, pp. 572–575.
20. Pedroso-Chaparro M. S., et al. 'I feel old and have aging stereotypes. Internalized aging stereotypes and older adults' mental health: the mediational role of loneliness. In: *Aging & Mental Health*, 2023, vol. 27, no. 8, pp. 1619–1626. DOI: 10.1080/13607863.2022.2163376

21. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries. In: *Population and Economics*, 2019, no. 3, pp. 1–29.
22. Taşdemir N. Young People's Attitudes toward Older People: Prejudices, Stereotypes, Inter-group Evaluations, and Frequency of Contact. In: Çakal H., Husnu Sh. *Examining Complex Intergroup Relations*. New York, Routledge, 2022, pp. 84–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения; e-mail: anesterova77@rambler.ru

Соколова Ирина Владимировна – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения; e-mail: aisha_a@inbox.ru

Albina A. Nesterova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social and Educational Psychology, State University of Education; e-mail: anesterova77@rambler.ru

Irina V. Sokolova – Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology, State University of Education; e-mail: aisha_a@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Нестерова А. А., Соколова И. В. Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Nesterova A. A., Sokolova I. V. Ageism and stigmatization of elderly people by representatives of different generations: a comparative analysis. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9

Симатова О. Б.

Забайкальский государственный университет

672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30, Российская Федерация

ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА У СТУДЕНТОВ ВУЗА, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО НЕГЛЕКТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение феномена самозванца и его интрапсихологических составляющих у студентов вуза, воспитывавшихся в условиях эмоционального семейного неглекта.

Процедура и методы. Исследование проводилось с применением методов анкетирования и психодиагностического тестирования.

Результаты. Выявлены достоверные различия выраженности феномена самозванца, а также уровня мотивации достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонности к прокрастинации у студентов, подвергшихся эмоциональному неглекту в родительской семье, а также у студентов из семей без признаков эмоционального неглекта.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание деструктивной сущности феномена самозванца, препятствующей полноценному психическому развитию личности и эффективности её деятельности. Результаты исследования могут быть использованы для определения оптимальных мишеней превентивного воздействия с целью повышения социальной эффективности личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудачи, мотивация социального одобрения, неглект, прокрастинация, феномен самозванца, эмоциональный семейный неглект

СТРУКТУРА

Введение

Теоретико-методологические аспекты проблемы феномена самозванца

Организация и методы исследования

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Закключение

O. Simatova

*Transbaikalian State University
ul. Alexandro-Zavodskaya 30, Chita 672039, Transbaikalian Region, Russian Federation*

THE IMPOSTOR PHENOMENON IN HIGHER EDUCATION STUDENTS WITH AN EXPERIENCE OF EMOTIONAL FAMILY NEGLECT

ABSTRACT

Aim. To study the impostor phenomenon and its intrapsychological components in university students who were brought up in conditions of emotional family neglect.

Methodology. The study was conducted using questionnaire methods and psychodiagnostic testing.

Results. Significant differences in the severity of the impostor phenomenon were revealed, as well as the motivation for achieving success, avoiding failure, social approval and procrastination among the students who were exposed to emotional neglect in the family and the students from families without signs of emotional neglect.

Research implications. The research contributes to the understanding of the destructive function of the impostor phenomenon, which hinders the full mental development of the student's personality and the effectiveness of its activities. The results of the study can be used to determine the optimal targets of preventive action in order to increase the social effectiveness of the individual.

KEYWORDS

motivation to achieve success, motivation to avoid failure, motivation for social approval, neglect, procrastination, impostor phenomenon, emotional neglect in the family

ВВЕДЕНИЕ

Феномен самозванца уже достаточно длительное время изучается в рамках различных отраслей научного знания. При этом исследователи пока не смогли выработать единый междисциплинарный подход, который бы позволил убедительно раскрыть его этиологические, патогенетические, симптоматические и другие аспекты [1; 16; 17; 21]. Некоторые исследователи подвергают сомнению само существование данного феномена, но при этом существование таких психологических характеристик, как мотивация социального одобрения, достижения успеха и избегания неудачи, склонность к прокрастинации, выступающих проявлениями феномена самозванца, не вызывает сомнения в научном сообществе. Достаточно широкая распространённость данного феномена среди людей, не имеющих каких-либо патологических отклонений, и негативное влияние на психическое развитие и социально-психологическую адаптацию личности обуславливают высокую научную актуальность и социальную значимость настоящей проблемы.

Кроме того, современные тенденции в отношении творческой самореализации личности в самых различных сферах жизни, эффективности и рентабельности её деятельности, стремления к достижению успехов диктуют

необходимость понимания прежде всего интрапсихологических составляющих данных процессов. При этом подавляющее большинство исследователей указывает на деструктивный характер феномена самозванца в отношении развития, деятельности и поведения личности. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения феномена самозванца, его детерминации, психологических механизмов, проявлений, сложных взаимосвязей с различными психологическими особенностями личности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНА САМОЗВАНЦА

Старт изучению феномена самозванца в 70-х гг. прошлого века дали исследования П. Клэнс и С. Имс, которые впервые описали его как «синдром самозванца», сущность которого определялась через субъективное ощущение сомнения человека в собственных интеллектуальных способностях [18]. В целом ряде последующих исследований авторами использовался и используется в настоящее время именно термин «синдром самозванца». Мы же разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что данный термин является не вполне корректным и не соответствует современным представлениям о сущности рассматриваемого феномена. Во-первых, в современной клинической психологии под синдромом подразумевают совокупность симптомов, которые закономерно проявляются вместе и объединены общим этиологическим началом. Результаты же исследований феномена самозванца последних лет не подтверждают наличия одной причины его возникновения и развития. Во-вторых, результаты исследований доказывают факт наличия феномена самозванца у достаточно большого количества людей с отсутствием каких-либо патологических отклонений. Именно поэтому в настоящей работе нами будет использоваться более корректный и наиболее полно отражающий сущность предмета исследования термин «феномен самозванца».

В современной науке феномен самозванца рассматривается в целом ряде концепций при отсутствии единого подхода к его природе, проявлениям и последствиям для развития и социально-психологической адаптации личности. В обобщённом виде сущность развернувшейся научной дискуссии, на наш взгляд, можно определить как ось, полюсами которой выступает рассмотрение феномена самозванца, с одной стороны, как специфической личностной характеристики, а с другой – как варианта эмоционального состояния личности [1; 18].

Исследователи указывают на целесообразность рассмотрения феномена самозванца как определённого дискурса, сложившегося в специфических условиях развития современного общества [1, с. 35–36]. В качестве таких условий авторы называют: смещение ценностных ориентаций в сторону успешности, продуктивности, профессиональной и личностной самореали-

зации; стремление к соответствию определённым стандартам внешности, сохранению здоровья и молодости; виртуальную социализацию личности, характеризующуюся высокой степенью контраста при сравнении собственной жизни с жизнью других людей; изменение характера общения; культ социальной и профессиональной конкуренции и т. д. [1, с. 36; 14; 17]. Эти и другие условия развития современного общества способствовали значительному расширению масштабов и скорости распространения феномена самозванца с его проекцией не только на профессиональную сферу жизни человека, как это было в самом начале изучения феномена, но и на сферы супружества и родительства.

Несмотря на отсутствие единого научного подхода к феномену самозванца, практически все исследователи указывают на негативное влияние рассматриваемого феномена на развитие и социально-психологическую адаптацию личности. Исследователи говорят о феномене самозванца как о болезни, направленной на саморазрушение, об особом неврозе, приводящем к дезадаптации, о состоянии, препятствующем психологическому благополучию человека [1; 14; 16; 17]. В числе проявлений, составляющих картину феномена самозванца, исследователями отмечены следующие моменты: постоянные сомнения человека в собственной компетентности в различных сферах жизни; обесценивание положительной обратной связи в отношении собственных достижений; высокий уровень тревожности; склонность к депрессии; педантичность и скрупулёзность; склонность к прокрастинации; потребность быть самым лучшим; низкий уровень мотивации достижения успеха и страх неудачи; когнитивные искажения в отношении возможности незатруднительного выполнения любого задания; чувство вины на фоне успеха; страх разоблачения; наличие определённой динамики эмоционального состояния и поведения при выполнении задания (так называемый цикл самозванца); неспособность связать успехи с собственными усилиями, характеристиками и качествами и др. [1; 14; 17; 18]. Исследователи указывают на то, что люди с феноменом самозванца испытывают высокий уровень стресса, более склонны к профессиональным деструкциям, психическому выгоранию, не испытывают удовлетворения от профессиональной и другой деятельности [1; 14].

В качестве детерминационных механизмов возникновения и развития феномена самозванца исследователями рассматриваются условия семейного воспитания, интрапсихологические условия (ценностно-мотивационные и эмоциональные особенности, свойства характера, личностные качества и т. д.), специфика гендерных, расовых, национальных и социальных свойств личности [1; 17; 18].

Среди условий семейного воспитания, способствующих развитию феномена самозванца, исследователи отмечают: практику сравнения родителями ребёнка с более успешными сиблингами; неадекватное преувеличение ро-

дителями способностей ребёнка и создание вокруг него атмосферы похвалы и восхищения; культ интеллекта в семье; завышенные родительские ожидания; ориентацию только на успех и продуктивность ребёнка; отказ ребёнку в праве совершать ошибки и т. д. [1, с. 33–34].

При рассмотрении интрапсихологических условий учёными описаны типы личности, склонные к развитию данного феномена, среди которых называются: перфекционисты с завышенными притязаниями; эксперты, которые опасаются выглядеть глупо или ошибиться; нарциссические личности с чувством собственной грандиозности; люди, расценивающие обращение за помощью как собственную несостоятельность; одарённые люди, которым в детстве всё давалось легко и которые расценивают ситуации, требующие значительных усилий, как свою некомпетентность.

Ряд исследователей отмечают определённую пользу феномена самозванца, указывая на его функцию своеобразного драйвера личностного и профессионального развития, а также – стабилизатора картины мира для человека [18]. Мы полагаем, что с таким положением можно согласиться лишь до определённой степени. При ярко выраженных проявлениях феномена самозванца и отсутствии механизмов их контроля вся польза рассматриваемого феномена будет, вероятно, сведена к нулю и риск социально-психологической дезадаптации будет преобладать над преимуществами.

Таким образом, мы полагаем, что феномен самозванца целесообразно рассматривать как сложный многофакторный социально-психологический феномен, основой которого выступает внутренний конфликт, обладающий специфической сущностью и существенно повышающий риск дезадаптации личности.

В последнее десятилетие всё чаще феномен самозванца изучается в рамках профессиональной психологии, психологии управления и предпринимательства в контексте развития профессионального потенциала сотрудников и повышения их производительности труда [14]. Но мы полагаем, что в этих случаях речь идёт уже о последствиях проявлений феномена самозванца. Наиболее актуальными, на наш взгляд, являются вопросы, касающиеся его превенции, что указывает на необходимость выяснения влияния условий семейного воспитания на формирование рассматриваемого нами феномена.

Среди различных нарушений семейного взаимодействия исследователи всё чаще упоминают понятие неглекта, сущность которого состоит в систематических действиях или бездействиях родителей, приводящих к неудовлетворению основных возрастных потребностей ребёнка, что в конечном итоге создаёт условия риска нарушения нормального психического развития [7; 19]. В отечественной специальной литературе понятие неглекта отождествляется с понятием пренебрежения и рассматривается в качестве специфического вида насилия [2; 3; 4]. При этом в качестве причин семейного неглекта указываются проблемы в социально-экономическом положении

семьи, маргинальный статус родителей и их личностная незрелость, постоянная занятость взрослых, неадекватность их родительской позиции, практика деструктивных стилей семейного воспитания и т. д. [4; 5; 6; 13; 15].

В современной научной литературе описаны различные формы семейного неглекта в зависимости от того, какими именно потребностями ребёнка родители пренебрегают: безнадзорность и беспризорность, нарушение санитарно-гигиенических условий жизни ребёнка, пренебрежение необходимой медицинской помощью или помощью в образовательном процессе и т. д. Учитывая тот факт, что нормальное психическое развитие ребёнка обусловлено прежде всего его эмоциональным контактом с близкими взрослыми и эмоциональной привязанностью к ним, можно утверждать, что наиболее тяжёлые последствия в отношении психического и психологического здоровья имеет эмоциональный семейный неглект, сущность которого состоит в неспособности родителей полноценно удовлетворять эмоциональные потребности ребёнка.

Очевидно, что последствиями пренебрежения эмоциональными потребностями ребёнка будут выступать различные нарушения его психического развития: трудности в освоении учебной деятельности; неадекватная самооценка; недостаточное развитие эмоционального интеллекта; трудности социального взаимодействия и различного рода поведенческие девиации [10; 11]; отсутствие навыков целеполагания, планирования, эмоциональной и поведенческой саморегуляции, принятия решений [2; 3; 13]; трудности с самоидентификацией [12]; проблемы вербализации собственного эмоционального состояния и развития рефлексии и т. д. [6; 8; 9; 15; 20]. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о множественном негативном влиянии эмоционального семейного неглекта на развитие личности и её дальнейшую жизнь в целом.

Всё вышесказанное позволяет предположить, что воспитание в условиях эмоционального семейного неглекта существенно повышает риск возникновения и развития широкого спектра психологических характеристик, составляющих феномен самозванца. В связи с этим целью настоящего исследования выступило изучение степени выраженности феномена самозванца, а также таких интрапсихологических его составляющих, как мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации, у студентов вуза, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта. Учитывая то, что в ситуации эмоционального семейного неглекта создаются условия для деструктивного психического развития, мы предположили, что степень выраженности феномена самозванца, мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации у студентов, подвергшихся эмоциональному неглекту в родительской семье, и студентов, не имеющих такого опыта, будут различаться и иметь определённые особенности.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая часть исследования проводилась на базе Забайкальского государственного университета (ЗабГУ). В целом в исследовании участвовали 184 студента третьего и четвертого курсов различных факультетов. Такой выбор участников исключал влияние адаптационных трудностей (присутствующих, в частности, у студентов первого курса), а также определённой специфики учебно-профессиональной деятельности по определённым направлениям подготовки на изучаемые нами показатели.

Определённая сложность исследования была связана с практическим отсутствием методологических основ и валидного психодиагностического инструментария для выявления ситуации эмоционального семейного неглекта. Данная проблема решалась применением метода анкетирования с разработкой авторской анкеты, позволяющей идентифицировать ситуацию эмоционального семейного неглекта. Для выявления в семье признаков пренебрежения эмоциональными потребностями использовались вопросы следующего характера: «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто не оказывали необходимой Вам эмоциональной поддержки и помощи?», «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто не слушали или не слышали Вас, не принимали Вас или Ваш выбор?», «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто избегали похвалы в Ваш адрес и обесценивали Ваши успехи и достижения?» и т. д.

После анализа результатов анкетирования со студентами было проведено индивидуальное экспресс-собеседование с целью уточнения правильного понимания сущности заданных в анкете вопросов. При этом выяснилось, что 42,6% участников, в жизни которых были выявлены признаки эмоционального семейного неглекта, не вполне адекватно оценивают данную ситуацию, считая отношения с родителями «вполне нормальными». Другие 57,4% участников исследования, в жизни которых присутствовали признаки эмоционального семейного неглекта, назвали отношения с родителями негативными, плохими и конфликтными. По результатам анкетирования и с учётом необходимости обеспечения сопоставимости сравниваемых групп по возрасту, полу, социальным параметрам семьи и образовательным условиям была сформирована выборка исследования. Выборку составили две группы участников: в первую группу вошли 59 студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, во вторую – 57 студентов, не имеющих такого опыта. Студенты, анкеты которых были испорчены, а параметры сопоставимости не соответствовали необходимым требованиям, были исключены из исследования.

На этапе основного эмпирического исследования использовался метод психодиагностического тестирования. В качестве измеряемых показателей нами были определены степень выраженности феномена самозванца, а также уровни мотивации социального одобрения, достижения успеха и избегания неудач, склонность к прокрастинации. Данные интрапсихологические показатели были выбраны нами для изучения в силу того, что они выступают характерными признаками, входящими в состав феномена самозванца, и описаны в этом качестве большинством исследователей [1; 14; 16; 17; 18]. Кроме того, мы считаем, что изучение именно этих психологических составляющих феномена самозванца является особенно актуальным, т. к. именно их определённое состояние может существенно повышать риск социально-психологической дезадаптации.

В ходе психодиагностического тестирования использовались: методика оценки выраженности синдрома самозванца П. Клэнс; методика диагностики мотивационной направленности личности на достижение успеха и методика диагностики мотивационной направленности личности на избегание неудач Т. Элерса; шкала оценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна; шкала общей прокрастинации С. Лэй. При выборе психодиагностического инструментария мы руководствовались прежде всего требованиями его надёжности и валидности. Кроме того, мы учитывали доступность для понимания участниками исследования контекста вопросов используемых методик, что подтверждается широким практическим применением их в психодиагностической практике. Математико-статистическая обработка результатов исследования осуществлялась посредством применения непараметрического критерия достоверности различий U Манна-Уитни, что обуславливалось объёмом выборки исследования и предназначением данного критерия для оценки различий по степени выраженности анализируемого признака между двумя несвязанными выборками.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Качественно-содержательный анализ результатов исследования позволил выяснить, что в группе студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта, у 92,6% участников было выявлено наличие феномена самозванца. При этом очень высокая степень выраженности данного феномена была констатирована в 58,5% случаях, высокая – в 21,8%, средняя – в 11,2%, а низкая – только в 1,1% случаев. В отношении мотивационных тенденций студентов с опытом эмоционального семейного неглекта обнаружилось следующее. Мотивация достижения успеха характеризовалась у них преимущественно низким (68,4%) и средним (26,2%) уровнями, а умеренно высокий её уровень был выявлен лишь в 5,4% случаев. Необходимо отметить, что высокий уровень мотивации достижения успеха в данной группе участников не

был выявлен вовсе. Мотивация избегания неудачи в данной группе характеризовалась, наоборот, преимущественно очень высоким (57,3%), высоким (32,6%) и средним (10,1%) уровнями, а низкий уровень данной мотивации не был выявлен. Мотивация социального одобрения в данной группе участников была выявлена преимущественно на высоком уровне (84,7%), а средний и низкий уровни её выраженности составили лишь 12,4% и 2,9% случаев соответственно. Склонность к прокрастинации у студентов с опытом эмоционального семейного неглекта была констатирована преимущественно на очень высоком (52,8%), высоком (21,9%) и среднем (18,6%) уровнях, при этом низкий и очень низкий уровни данной склонности были отмечены только в 4,3% и 2,4% случаев соответственно.

В группе студентов, не имеющих опыта эмоционального семейного неглекта, феномен самозванца был выявлен только у 28,7% участников. При этом очень высокая и высокая степени его выраженности были отмечены только в 2,6% и 6,8% случаях соответственно. При этом преимущественной степенью выраженности данного феномена стала низкая и средняя (75,4% и 15,2% случаев соответственно). Мотивация достижения успеха характеризовалась у студентов данной группы преимущественно умеренно высоким (43,6%) и высоким (32,4%) уровнями, а средний и низкий уровни данной мотивации были выявлены лишь в 15,4% и 8,6% случаев соответственно. Мотивация избегания неудачи у участников данной группы характеризовалась преимущественно средним (57,3%) и низким (36,5%) уровнями, а высокий и очень высокий её уровни составили лишь 4,1% и 2,1% случаев соответственно. Мотивация социального одобрения в данной группе участников была выявлена преимущественно на низком уровне (64,8%), а средний и высокий её уровни были констатированы лишь в 22,5% и 12,7% случаев соответственно. У студентов, не имеющих опыта эмоционального семейного неглекта, склонность к прокрастинации была выявлена преимущественно на очень низком, низком и среднем уровнях (38,6%, 32,8% и 28,6% соответственно), а высокий и очень высокий уровень данной склонности не были зафиксированы вообще.

В ходе математико-статистической обработки результатов исследования были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) всех сравниваемых показателей: степени выраженности феномена самозванца, уровней мотивации достижения успеха, избегания неудачи и социального одобрения, а также уровня склонности к прокрастинации. Результаты сравнения характеристик в двух группах участников представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнения изучаемых показателей /
Results of comparison of the studied indicators

Сравниваемые показатели	Значения Уэмп.
	(U крит. = 1259, $p = 0,01$ U крит. = 1383, $p = 0,05$)
Степень выраженности феномена самозванца	818,5
Уровень мотивации достижения успеха	1134
Уровень мотивации избегания неудач	1016
Уровень мотивации социального одобрения	934,5
Уровень склонности к прокрастинации	922

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о существенных различиях в степени выраженности феномена самозванца, уровнях мотивации достижения успеха, избегания неудач, социального одобрения и склонности к прокрастинации в сравниваемых группах участников исследования. При этом частота встречаемости феномена самозванца у студентов, переживших эмоциональный семейный неглект, существенно превосходит таковую у студентов, не имеющих соответствующего опыта. Таким образом, полученные результаты подтверждают наличие множественного негативного влияния эмоционального семейного неглекта на развитие личности, и в частности на создание условий высокого риска возникновения и дальнейшего развития феномена самозванца. К условиям, создающим такой риск, по результатам применяемой нами анкеты можно отнести низкий уровень эмоциональной поддержки родителей, проблемы с эмоциональной привязанностью в семье, обесценивание, деструктивные способы и методы взаимодействия с ребёнком, исключаящие адекватную похвалу, принятие и доброжелательное участие в его жизни, отказ ребёнку в праве на ошибки. Очевидно, что логичным следствием и постоянными спутниками развития личности в таких условиях становятся страх ошибок и неудач при неудовлетворённой потребности в безусловном принятии и одобрении, а в дальнейшем – неадекватная самооценка, негативное самоотношение, невозможность адекватного восприятия объективной похвалы или другой положительной обратной связи, а также чувство вины за успех.

Результаты исследования демонстрируют практически диаметрально противоположные мотивационные тенденции студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, и студентов из семей без его признаков. Так, у студентов, переживших эмоциональный неглект в родительской семье, были констатированы преимущественно низкий и средний

уровни мотивации достижения успеха, но при этом очень высокий и высокий уровни мотивации избегания неудач, а также высокая мотивация социального одобрения. У студентов же с отсутствием опыта эмоционального семейного неглекта были выявлены преимущественно умеренно высокий и высокий уровни мотивации достижения успеха, средний и низкий уровни мотивации избегания неудач и низкий уровень мотивации социального одобрения. Такое положение дел подтверждает данные целого ряда исследований других авторов, результаты которых демонстрируют то, что условия неудовлетворения эмоциональных потребностей неизбежно ведут к нарушениям психологического здоровья личности, последствиями которых являются проблемы эмоционального и ценностно-мотивационного её развития. В контексте настоящего исследования среди таких проблем можно отметить состояние мотивационных тенденций студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта. Преобладание мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, а также высокая потребность в социальном одобрении могут выступать основой для целого ряда негативных моментов в жизни этих студентов: развития неадекватной самооценки и негативного самоотношения, проблем в процессе учебно-профессиональной деятельности, снижения социальной активности из-за страха ошибок и неудач, трудностей эмоциональной и поведенческой саморегуляции, затруднений в постановке жизненных целей и принятии жизненно важных решений и т. д.

Полученные нами результаты обнаружили у студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, существенно более высокую склонность к прокрастинации по сравнению со студентами, которые воспитывались в семьях без признаков эмоционального неглекта. Данный факт, очевидно, выглядит достаточно логичным с учётом того, что описанный целым рядом исследователей так называемый цикл самозванца включает в себя прокрастинацию как стратегию снижения тревоги в отношении выполнения поставленных задач. Возможно, неоднократное прохождение цикла самозванца способствует закреплению стратегии прокрастинации, которая постепенно становится привычной и трансформируется в устойчивую личностную черту. Деструктивный характер стратегии прокрастинации, в свою очередь, может способствовать возникновению неуверенности в себе и своих силах, усилению мотивации избегания неудач, появлению чувства вины и т. д. Мы полагаем, что при постоянно возрастающих требованиях общества к мобильности и адаптивности личности при расширении спектра её коммуникативных взаимодействий у современного человека прокрастинация выступает препятствием для его социально-психологической адаптации и существенно снижает его адаптационный потенциал.

Таким образом, можно заключить, что среди студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, частота встречаемости феномена самозванца значительно выше, а состояние таких их психологиче-

ских характеристик, как мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации, свидетельствует о существенных проблемах в психическом развитии, во многом препятствующих социально-психологической адаптации в условиях развития современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие обобщения и выводы:

1. частота встречаемости феномена самозванца у студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта, выше, чем у студентов с отсутствием такового;

2. степень выраженности феномена самозванца у студентов, переживших эмоциональный семейный неглект, выше, чем у студентов, воспитывающихся в семьях без признаков такового;

3. для студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, характерны преимущественно низкий уровень мотивации достижения успеха, высокий уровень мотивации избегания неудач и социального одобрения, а для студентов из семей с отсутствием признаков неглекта – высокий и средний уровни мотивации достижения успеха, низкий уровень мотивации избегания неудач и социального одобрения;

4. студенты с опытом эмоционального семейного неглекта характеризуются высоким уровнем склонности к прокрастинации, в то время как для студентов, не имеющих опыта эмоционального неглекта, характерен низкий уровень данной склонности;

5. в специальную психолого-педагогическую работу со студентами, пережившими эмоциональный семейный неглект, целесообразно включение вектора её направления на снижение степени выраженности феномена самозванца и оптимизацию его интрапсихологических составляющих.

Усложнение условий развития в современном информационном обществе диктует необходимость повышения адаптационных возможностей человека. Именно поэтому проблема эмоционального семейного неглекта и его последствий, крайне неблагоприятных для развития адаптационного потенциала личности, остаётся актуальной, социально значимой и требует дальнейшего изучения.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023

Статья размещена на сайте: 27.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова Л. И. «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 3. С. 30–37.
2. Катан Е. А. Использование международного опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11. № 2. С. 2–8.
3. Катан Е. А. Жестокое обращение и пренебрежение в детстве определяют отдаленные последствия для психического и физического здоровья взрослых // Оренбургский медицинский вестник. 2020. Т. 8. № 3. С. 15–22.
4. Ковалев А. В., Скоблина Н. А., Кеменева Ю. В. Особенности состояния здоровья школьников, нуждами которых пренебрегают // Тихоокеанский медицинский журнал. 2019. № 4. С. 83–87.
5. Лотова И. П. Диагностика жестокого обращения с детьми как начальный этап формирования ответственного родительства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2016. Т. 11. № 2. С. 178–185.
6. Медико-социальные критерии диагностики жестокого обращения с хронически больными детьми в семье / Т. В. Свиридова, С. Б. Лазуренко, М. С. Ртищева, А. М. Герасимова, Н. Н. Павлова // Российский педиатрический журнал. 2018. № 21. С. 216–220.
7. Митрухина С. В., Слюсарь Е. С. Феномен неглекта в социальной работе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 3. С. 46–51.
8. Ожиганова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2018. № 4. С. 56–60.
9. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии / Н. А. Потапова, Р. А. Грехов, Г. П. Сулейманова, Е. И. Адамович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2016. № 2. С. 65–73.
10. Реан А. А., Коновалов И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 292–300.

11. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 23–32.
12. Рождественская Н. А., Можаровский И. Л., Макарян В. В. Связь личностной и профессиональной идентичности у старшеклассников // Национальный психологический журнал. 2018. № 1. С. 38–49.
13. Симатова О. Б. Способность к вербализации эмоционального состояния и рефлексии старшеклассников, воспитывающихся в условиях неглекта // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. № 208. С. 210–220.
14. Шевелева М. С. Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 2. С. 116–124.
15. Шмарион П. В. Самовоспроизводство насилия в семье в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 164–327.
16. Chakraverty D. PhD Student Experiences with the Impostor Phenomenon in STEM // International Journal of Doctoral Studies. 2020. Vol. 15. № 1. P. 159–180.
17. Clance P. R., Imes S. A. The imposter phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention // Psychotherapy: Theory, Research & Practice. 1978. Vol. 15. № 3. P. 241–247.
18. Commentary: Prevalence, predictors, and treatment of imposter syndrome: A systematic review / D. M. Bravata, D. K. Madhusudhan, M. Boroff, K. O. Cokley // Journal of Mental Health & Clinical Psychology. 2020. Vol. 4. № 3. P. 12–16.
19. Hildyard K. L., Wolfe D. A. Child neglect: developmental issues and outcomes // Child Abuse and Neglect. 2002. Vol. 26. № 6. P. 679–695.
20. Krystal H. Alexithymia and the effectiveness of psychoanalytic treatment // International journal of psychoanalytic psychotherapy. 1983. № 9. P. 353–378.
21. Simmons D. Impostor syndrome, a reparative history // Engaging Science, Technology, and Society. 2016. № 2. P. 106–127.

REFERENCES

1. Bulgakova L. I. ["Impostor phenomenon": the origin of the term, the basic concepts and their transformation]. In: *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family Psychology and Psychotherapy], 2018, no. 3, pp. 30–37.
2. Katan E. A. [Using the International Questionnaire of Adverse Childhood Experiences to identify psychotraumatic factors in childhood and adolescence]. In: *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2019, vol. 11, no. 2, pp. 2–8.
3. Katan E. A. [Abuse and neglect in childhood have far emerging consequences for mental and somatic health for adults]. In: *Orenburgskii meditsinskii vestnik* [Orenburg medical herald], 2020, vol. 8, no. 3, pp. 15–22.

4. Kovalev A. V., Skoblina N. A., Kemeneva Yu. V. [Characteristics of health of neglected schoolchildren]. In: *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific medical journal], 2019, no. 4, pp. 83–87.
5. Lotova I. P. [Diagnosis of child abuse as the initial stage of formation of responsible parenthood]. In: *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki* [Uchenye zapiski of Transbaikalian state university. Pedagogical sciences], 2016, vol. 11, no. 2, pp. 178–185.
6. Sviridova T. V., Laxurenko S. B., Rtishcheva M. S., Gerasimova A. M., Pavlova N. N. [Medico-social criteria for diagnosing cruelty to chronically ill children in the family]. In: *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal* [Russian Pediatric Journal], 2018, no. 21, pp. 216–220.
7. Mitrukhina S. V., Slyusar E. S. [On neglect phenomenon in social work]. In: *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanova], 2021, no. 3, pp. 46–51.
8. Ozhiganova G. V. [Reflection, reflexivity and higher reflective abilities: research approaches]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2018, no. 4, pp. 56–60.
9. Potapova N. A., Grekhov R. A., Suleymanova G. P., Adamovich E. I. [Problems of studying alexithymia phenomenon in psychology]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki* [Science journal of Volgograd state university. Natural sciences], 2016, no. 2, pp. 65–73.
10. Rean A. A., Konovalov I. A. [Dysfunctional family as a factor of adolescents' aggressive behavior]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 8, pp. 292–300.
11. Rean A. A., Konovalov I. A. [Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 1, pp. 23–32.
12. Rozhdestvenskaya N. A., Mozharovsky I. L., Makaryan V. V. [Relationship of personal and professional identity in high school students]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 1, pp. 38–49.
13. Simatova O. B. [Reflection and verbalization of emotions in neglected adolescents]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences], 2023, no. 208, pp. 210–220.
14. Sheveleva M. S. [Impostor phenomenon: an overview of foreign studies]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2023, vol. 12, no. 2, pp. 116–124.

15. Shmarion P. V. [Self-reproduction of domestic violence]. In: *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2017, vol. 25, no. 2, pp. 164–327.
16. Chakraverty D. PhD Student Experiences with the Impostor Phenomenon in STEM. In: *International Journal of Doctoral Studies*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 159–180.
17. Clance P. R., Imes S. A. The imposter phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention. In: *Psychotherapy: Theory, Research & Practice*, 1978, vol. 15, no. 3, pp. 241–247.
18. Bravata D. M., Madhusudhan D. K., Boroff M., Cokley K. O. Commentary: Prevalence, predictors, and treatment of imposter syndrome: A systematic review. In: *Journal of Mental Health & Clinical Psychology*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 12–16.
19. Hildyard K. L., Wolfe D. A. Child neglect: developmental issues and outcomes. In: *Child Abuse and Neglect*, 2002, vol. 26, no. 6, pp. 679–695.
20. Krystal H. Alexithymia and the effectiveness of psychoanalytic treatment. In: *International journal of psychoanalytic psychotherapy*, 1983, no. 9, pp. 353–378.
21. Simmons D. Impostor syndrome, a reparative history. In: *Engaging Science, Technology, and Society*, 2016, no. 2, pp. 106–127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Симатова Оксана Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Забайкальского государственного университета; e-mail: asimatov@mail.ru

Oksana B. Simatova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology of Education, Transbaical State University; e-mail: asimatov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Симатова О. Б. Феномен самозванца у студентов вуза, имеющих опыт эмоционального семейного neglecta // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Simatova O. B. The impostor phenomenon in higher education students with an experience of emotional family neglect. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'27

Дугалич Н. М.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕДИЦИНСКОГО ПЛАКАТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление тех признаков поликодового текста медицинского плаката, которые позволяют отнести его к жанру медицинского дискурса. Исследование проведено на материале более 100 поликодовых текстов на русском языке, полученных методом сплошной выборки из открытых интернет-источников. Критерием отбора стали наличие значимой вербальной составляющей, медицинская направленность содержания и присутствие визуального ряда.

Процедура и методы. Методами исследования являются семантический и контекстуальный анализ, а также декодирование кодов цвета, символов, анализ графических элементов, анализ связи вербальной и невербальной составляющей поликодового текста.

Результаты. В результате исследования было установлено, что поликодовый текст медицинского плаката характеризуется реализацией репрезентативной, апеллятивной, информативной функций, а также функции передачи константной информации. Для медицинского плаката отмечено тематическое ограничение. По своим лексико-грамматическим свойствам медицинский плакат сближается с текстами научно-популярной направленности. Медицинский плакат характеризуется разнообразием графической стилистики. Для успешного декодирования поликодового текста медицинского плаката необходимо прочтение кода цвета и символьного ряда.

Теоретическая значимость исследования. Исследование имеет теоретическую значимость как фрагмент анализа поликодового текста медицинского дискурса, который к настоящему времени не описан в научной лингвистической литературе в сложившемся жанровом своеобразии с использованием единой методологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медицинский дискурс, медицинский плакат, поликодовый текст, русский язык, лексико-грамматические характеристики, визуальный ряд, код цвета, медицинская символика

СТРУКТУРА

Введение

Тематика медицинского плаката

Вербальный уровень

Невербальный уровень

Символика

Цветовое решение в медицинском плакате

Взаимодействие вербального и невербального рядов

Заключение

N. Dugalich

*Peoples' Friendship University of Russia
ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation*

CONSTITUTIVE CHARACTERISTICS OF A MEDICAL POSTER

ABSTRACT

Aim. To identify those features of the polycode text of a medical poster that allow it to be attributed to the genre of medical discourse. The research was conducted on the material of more than 100 polycode texts in Russian, obtained by continuous sampling from open Internet sources. The selection criterion was the occurrence of an extensive verbal component, the medical orientation of the content and the presence of a visual range.

Methodology. The research methods are semantic and contextual analysis, decoding of colour codes, symbols, analysis of graphic elements, analysis of the connection between the verbal and non-verbal components of a polycode text.

Results. As a result of the study, it was established that the polycode text of a medical poster is characterized by the implementation of representative, appellative, informative functions, and the function of communication of constant information. The medical poster is noted to have a thematic restriction. In terms of its lexical and grammatical aspects, the medical poster is close to popular science texts. The medical poster is characterized by a variety of graphic styles. To successfully decode the polycode text of a medical poster, it is necessary to interpret the colour code and character set.

Research implications. The study has theoretical significance as a fragment of the analysis of polycode text of medical discourse, which to date has not been described in scientific linguistic literature in the established genre originality with the use of a unified methodology.

KEYWORDS

medical discourse, medical poster, polycode text, Russian language, lexical and grammatical characteristics, visual range, colour code, medical symbols

ВВЕДЕНИЕ

Медицинский плакат относится к поликодовым жанрам медицинского дискурса. В современной лингвистической литературе медицинский плакат исследуется в таких аспектах, как жанр изобразительного искусства [1], поликодовый текст, в том числе, медицинского дискурса, характеризующийся определёнными социальными тенденциями агитации и жанровыми ограничениями [1; 2–6; 8–13], а также как историческое явление [14].

Материалом проведённого исследования стал массив поликодовых текстов на русском языке на тему медицины, полученный методом сплошной выборки из открытых источников сети Интернет. Критерием отбора явились такие характеристики плакатов, как наличие цели создания, связанной с медицинской помощью, профилактикой заболеваемости, ЗОЖ; связь адресата или адресанта с медицинской помощью; наличие институциональных символов (специальной медицинской одежды, инструментов), детерминирующих

медицинский дискурс; указание на то, что человеческая жизнь и нормальное здоровье являются высшими ценностями; реализации в типовых ситуациях интенционально закреплённых речевых стратегий и тактик; наличие вербального и невербального ряда в одном рассматриваемом тексте. Общее количество текстов – 107. Методика исследования базируется на опыте анализа поликодовых текстов кино- и политического дискурса [5; 15].

Тексты медицинского дискурса «создаются маркетологами ... и бывают как первичными, так и вторичными. К первичным текстам ... относятся рекламно-информационные статьи ... и интервью с врачом. Вторичными текстами являются рекламно-информационные статьи, которые основаны на ... рекомендациях врачей» [8]. Тексты медицинского плаката относятся, как правило, ко второму типу и представлены адаптированными (упрощёнными) и неадаптированными вариантами. В ряде случаев отнесение текста медицинского плаката к первичному или вторичному типу затруднено, т. к. прослеживается определённая связь между популярной (и имеющей автора) медицинской литературой и текстом медицинского плаката (наиболее характерно для обучающего медицинского плаката: как иллюстрации учебников, напечатанные в масштабе плаката). Адаптированными мы считаем вторичные тексты, которые ориентированы на реципиента, неспособного в силу отсутствия специальных знаний и навыков к чтению текста, в котором присутствуют медицинские термины. Использование инструментов поликодового текста в сочетании с адаптацией позволяет донести информацию и степень важности соблюдения определённых рекомендаций до реципиента и сохранить относительно небольшое количество специальной лексики в вербальном компоненте медицинского плаката, а также создать специальный вариант медицинского плаката для детей.

Особенностью медицинского плаката является реализация в нём таких функций, как репрезентативная, апеллятивная, информативная, контактная, экспрессивная, функция передачи константной информации, выработки новых смыслов и функция памяти.

Репрезентативная функция медицинского плаката реализована в передаче новой информации о неизвестных ранее реалиях, поиск информации о которых не содержится в интенции адресата. Так, например, не имеет широкого освещения информация о такой болезни, получившей распространение в последние годы, как детский диабет. Нами проанализирован текст медицинского плаката, в котором содержится указатель на репрезентативный характер текста: «Дети **тоже** болеют диабетом» и «Не игнорируйте тревожные симптомы».

Апеллятивная функция заключается в воздействии на мнение реципиента. В контексте медицинского плаката частотно реализуется интенция изменения образа жизни реципиента (стремление к ЗОЖ), соблюдения санитарных и гигиенических норм, обращения к медицинской помощи в си-

туации болезни и др., например: «*Занимайтесь физической активностью регулярно, при хорошей переносимости постепенно увеличивая нагрузку*».

Информативная функция – одна из ведущих функций в поликодовом тексте медицинского плаката, который несёт в себе информацию по спектру аспектов, а наиболее значимыми являются передача сведений о диагностике, симптомах, течении болезней и мерах по их предупреждению; о самопомощи; о новых технологиях и услугах в области здравоохранения; о принципах и преимуществах здорового образа жизни, в том числе питания; опровержение мифологизированной информации о здоровье человека (например, о воздушном и тактильном способах передачи ВИЧ, об отсутствии туберкулёза в современном обществе и мн. др.). Примером может быть медицинский плакат о графике и объёмах диспансеризации по полису ОМС.

Контактная функция реализуется в стремлении к доверительному способу передачи информации о сфере здоровья, что достаточно редко в медицинском плакате. Её отличительным свойством является использование таких перформативных глаголов, как, например, *постарайтесь* («**Постарайтесь** меньше смотреть телевизор»).

Передача константной информации – при реализации данной функции реципиент получает некоторый однозначно декодируемый текст, содержащий неизменный смысл. Интенция отправителя сообщения характеризуется намерением передать текст без потерь и искажения; например, перечисление действий для проверки инсульта поражения.

Функция выработки новых смыслов не частотна в медицинском плакате, поскольку автор поликодового текста плаката имеет намерение донести информацию без искажения, побудить адресата к определённым мыслям и действиям, которые укладываются в рамки заданного смысла. Однако нами отмечены тексты, в которых данная функция представлена в таких примерах: 1) плакат о здоровом питании (предлагаются базовые сведения, о которых реципиент может думать что угодно); 2) плакат о мерах безопасности детей (последующие действия родителей по предупреждению детского травматизма также могут быть вариативными).

Функция памяти реализует способность текста к конденсации культурной памяти, способности активации информации, содержащейся в прецедентных феноменах. В полученной выборке нами были отмечены такие прецедентные феномены, характерные для русской лингвокультуры, как смешарики, которые в медицинском плакате сохранили роли, присущие им в одноимённом мультипликационном сериале, однако необходимо отметить, что данные герои знакомы лишь детям, родителям и бабушкам-дедушкам, вовлечённым в их воспитание позднее 2003 г., даты выхода первого сезона.

Экспрессивная функция поликодового текста медицинского плаката отмечена в способах его оформления, когда используются знаки препинания (восклицательный), стрелки, коды цвета (например, красный), оценочные

картинки и т. д. с целью эмоциональной подачи основной информации текста, например: «Зона особого внимания!» – заголовок шрифтом красного цвета в медицинском плакате о ранних симптомах и провоцирующих факторах онкологических заболеваний.

ТЕМАТИКА МЕДИЦИНСКОГО ПЛАКАТА

Полученная выборка продемонстрировала значительное тематическое разнообразие:

– *профилактика инфекционных и распространённых заболеваний*. Данный тип современных медицинских плакатов продолжает возникшую в советский период тенденцию информирования общества о симптомах, протекании и осложнении наиболее опасных и распространённых инфекционных заболеваний, а также о мерах их предупреждения. Особенность медицинского плаката данного типа состоит в том, что исключена информация о способах лечения и профилактики с использованием медицинских средств, отмечается большое число изображений;

– *экстренная помощь*. Этот тип характеризуется наличием схематического изображения людей (пострадавшего и того, кто оказывает первую помощь), которое обычно дублируется текстом, где указываются необходимые действия. Частотно использование стрелок, закрепляющих определённый порядок действий;

– *акушерство*. Данный тип современных медицинских плакатов также продолжает возникшую в советский период линию информирования населения о естественном течении беременности и особенностях первого года жизни ребёнка. Однако в сравнении с плакатами 1930–1970 гг. информирование сопровождается такими акцентами, как *доношенная беременность*, воспринимаемая как естественное физиологичное состояние, *партнёрские роды*, *грудное вскармливание*. В советских плакатах 1930–1970 гг. ставились задачи описания опасных способов ухода за детьми (свивальники, соски из хлеба, вред болезней, переносимых мухами и т. д.) и пропаганды новых для женщин возможностей (акушерская помощь во время беременности, ясли, контрацепция, прерывание беременности в условиях стационара). Необходимо отметить возросшую физиологичность современного медицинского плаката о беременности и родах, что связано с общим снижением сакральности процесса рождения ребёнка в обществе;

– *ЗОЖ*. Относительно новый тип медицинского плаката, который был выделен из разновидности плакатов о соблюдении *санитарных норм*. Поликодовый текст включает в себя не только санитарные рекомендации («*Мойте фрукты и овощи*»), но и информацию о необходимости движения, его видах и его нормах («*Ежедневно не менее 30 минут ходьбы в умеренном темпе*»; «*Наиболее доступные и безопасные виды оздоровительной физической активно-*

сти для тренировки сердечно-сосудистой системы и общей выносливости организма – ускоренная ходьба, плавание, скандинавская ходьба, лыжи, езда на велосипеде, танцы»), потребности в психологическом комфорте («Оптимизм, положительные эмоции». «Эмоциональная поддержка родных, близких, друзей»), о биологических ритмах («Идеальное время для начала сна – с 22.00 до 23.00»), включает перечисление вредных привычек, к которым добавлены наркотики («Жизнь без курения, без алкоголя, без наркотиков»). В списке угроз здоровью указываются импотенция и рак, о которых не было принято говорить ранее;

– *просвещение и обучение детей*. Это также относительно новое явление в медицинском плакате, информация представляется в адаптированном виде, используются схемы, героями плакатов становятся персонажи популярных мультфильмов, например, смешарики (см. рис. 1).

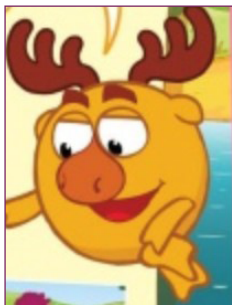

Рис. 1. / Fig. 1. Герой мультипликационного сериала в медицинском плакате / Cartoon series character on a medical poster

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/f443b778ee23143ef92a90925475e09c.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

ВЕРБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

На вербальном уровне поликодового текста наиболее частотными, как показало наше исследование, являются следующие лексико-грамматические черты:

- о употребление номинативного предложения: «Покраснение, небольшой отёк, боль»;
- о введение императива: «Немедленно спрячьтесь в тень»;
- о включение терминов: «ожоговый струн», «подкожная клетчатка»;
- о использование терминов (1) в сочетании с бытовой лексикой (2): «Травмированные участки кожи (1) покрывают чистой тряпочкой (2), затем оставляют пострадавшего доставляют к врачу»;

- о обращение к разговорной лексике: «на участке» в значении 'в огороде';
 - о применение кодов, принятых в медицине: «при более лёгкой степени **(3А)**, когда ожог не самый глубокий...»;
 - о использование односоставных предложений с главным членом-сказуемым: «Вырастим тебя сильным и здоровым!»; «не можете улыбнуться», «не можете разборчиво произнести своё имя» (определённо-личное) – или неполных двусоставных предложений: «На работе грубил. Дома раздражался по пустякам. Много курил. Уходил на работу не позавтракав» – для передачи идеи распространённости проблемы с помощью конкретного примера;
 - о включение актуализированной (обозначающей остро модные понятия и новой, с ещё не лексикографированными значениями (см. например, [7])) лексики, например: «Займитесь тем, на что раньше не хватало времени: посещайте **мастер-классы** по обучению танцам ... Разгадывайте кроссворды и **судоку**. **Йога, пилатес**, танцы – не только для молодых! Эффективно и доступно: ускоренная ходьба, **скандинавская ходьба**, лыжи, плавание. **Активное долголетие**»;
 - о наличие объёмных фрагментов научно-популярного текста, например: «Рак – перерождения клеток организма с последующим безудержным ростом. Форм рака много, но большинство из них при обнаружении на 1–2 стадии можно вылечить»;
 - о частотность однородных членов предложения, например: «стресс, тревога, депрессия»;
 - о широкое применение числовых обозначений в тексте: «Низкий уровень физической активности (меньше 30 мин в день)». «Работайте до 10:00 или после 15:00»;
 - о употребление отрицательных конструкций: «Не работайте в положении вниз головой»;
 - о включение лексики научно-популярного стиля («немотивированная слабость»).
- Для медицинского плаката на уровне текста характерны такие черты, как:
- о создание рифмованных заголовков и подзаголовков: «Закалка, спорт, движение – всех целей достижение!», «Чистота всего полезней – сохранит от всех болезней!», «Здоровое питание – основа процветания!».
 - о приведение статистических сведений, в том числе, без указания источника и года («В России зарегистрировано более 4 млн больных сахарным диабетом. Однако истинное число составляет более 10 млн, так как сахарный диабет длительное время может протекать скрыто и обнаруживается случайно»);
 - о нарушение синтаксических связей в пользу тезисного формата: «Не ставьте в доступных для ребёнка местах, а также на скатерть, посуду с го-

рячей жидкостью (чай, суп)» вместо **с чаем, супом**; «Не оставляйте детей без присмотра возле открытой воды – ванная, бассейн, водоём» вместо **ванной, бассейна, водоёма**.

Основной речевой тактикой медицинского плаката является тактика информирования, которая предусматривает публикацию дозированной структурированной информации по заявленной проблематике, однако отмечают и другие виды.

Использование тактики обращения: «*попросите человека назвать своё имя; попросите человека улыбнуться; попросите человека вытянуть к вам руки; вы можете спасти чью-то жизнь!*» (медицинский плакат об основных симптомах инсульта).

Тактика привлечения внимания может быть проиллюстрирована следующими примерами: «*Внимание!*», «*Зона повышенного внимания!*».

Тактика устрашения: «*из 100 человек перенесших инсульт: 35 – умирают в первые 30 дней с момента возникновения инсульта; 13 – умирают от осложнений в течение года после инсульта; 10 – становятся полными инвалидами; 20 – становятся частичными инвалидами; 22 – частично восстанавливаются после инсульта, т. е. могут работать*». Данный текстовый фрагмент не содержит информации о людях, которые полностью восстановились после инсульта, однако статистика полностью излечившихся есть: «*13–16 процентов пациентов полностью выздоравливают*»; «*8 процентов могут вернуться к прежней полноценной жизни*»¹.

На лексическом уровне нами отмечена избыточность, что мы связываем с профессиональным языком, который лежит в основе вербального уровня медицинского плаката. Приведём примеры:

– «*самообследования своего тела*»: повтор семы 'сам/свой' в лексемах *само-* + *своего* для актуализации собственных усилий по первичному персональному осмотру;

– «*профилактический медицинский осмотр, в том числе, диспансеризация*». На наш взгляд, диспансеризация – это профилактический осмотр человека определённым набором специалистов, который происходит с заданной периодичностью. Данное обращение к специалистам противопоставлено плановому приёму пациентов с жалобами; это осмысление коррелирует с толкованием словаря под редакцией А. П. Евгеньевой: «ДИСПАНСЕРИЗА́ЦИЯ, – и, ж. Система мероприятий по наблюдению и оказанию лечебно-профилактической помощи, осуществляемая диспансерами»². Таким образом, в приведённом примере дублируется информация о профилактическом приёме.

¹ Статистика инсульта // СЗГМУ им. И. И. Мечникова: [сайт]. URL: <https://szgmu.ru/rus/m/457> (дата обращения: 20.08.2023).

² Словарь русского языка: в 4-х т / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А–Й. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

На невербальном уровне отличительными чертами медицинского плаката являются рисунки обобщённого характера, натуралистические рисунки, схемы, использование контрастных цветов, фотографии предметов. Важно отметить разнообразие графической стилистики – от скетча до живописи в медицинском плакате.

Под *рисунками человека обобщённого характера* мы понимаем схематичное представление человека для уточнения вербального ряда (рис. 2), визуализации угрозы (рис. 3) или замены значимого по объёму текстового материала (рис. 4). Например:

– на изображении плаката «Берегите близких от инсульта» (рис. 2) дачница-пенсионерка занимается посадкой огородных культур, сидя на скамейке. Картинка поддерживает текстовый фрагмент: *«Работайте сидя на подушке или скамеечке; наденьте шляпу, используйте зонтик или навес; общайтесь с соседями; не работайте в положении вниз головой; не работайте под палящим солнцем».*

Рис. 2 / Fig. 2. Пример рисунка человека обобщённого характера /
Example of a generalized picture of a person

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/bbf6c328717473b43cc899d8d5d17b2f.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

– на рисунке 3 – крупная женщина, испытывающая отрицательные эмоции при взвешивании, что имплицитно обозначает вред ожирения.

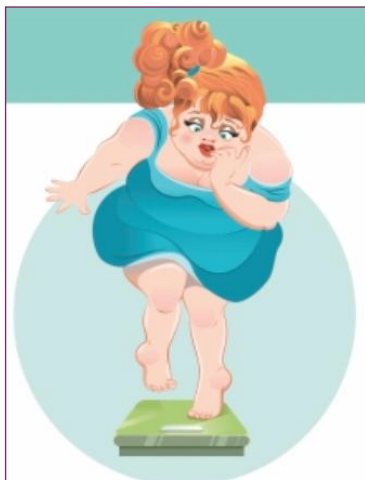

Рис. 3 / Fig. 3. Пример рисунка человека обобщённого характера /
Example of a generalized picture of a person

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/4f5/4f54f3f0d3cc1e26f4fc9cd8e24a9d8.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

Рис. 4 / Fig. 4. Пример рисунка человека обобщённого характера /
Example of a generalized picture of a person

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/8d0/8d05acdf77168041b599a09beef8a7a0.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

– на рисунке 4 – молодые мужчина и женщина в спортивной одежде бегут по парку, что поддерживает текстовый фрагмент «ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ = КАЧЕСТВО ЖИЗНИ!» и заменяет советы по регулярным кардионагрузкам (бегу или ходьбе), осуществляемым в спортивной одежде на свежем воздухе.

Натуралистические рисунки используются в обучающих медицинских плакатах, в которых соответствие изображения и реального фрагмента действительности принципиально: например, рисунок 5.

Рис. 5 / Fig. 5. Холестериновая бляшка и сужение просвета кровеносного сосуда как причина инсульта / Cholesterol plaque and narrowing of the lumen of a blood vessel as a cause of stroke

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/1d08c34d0e45465360fac15a989ed281.png> (дата обращения: 10.09.2023).

Схемы применяются в медицинском плакате прежде всего для систематизации предлагаемого информационного материала, а также для его аттрактивности (рис. 6).

Рис. 6 / Fig. 6. Медицинский плакат с использованием схемы / Medical poster with a diagram

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/1d08c34d0e45465360fac15a989ed281.png> (дата обращения: 10.09.2023).

В медицинском плакате отмечено использование фотографий предметов и, реже, людей. Приведённые примеры демонстрируют реализацию иллюстративной функции: тонометр для совета о поддержании давления и регулярного его измерения; скандинавская ходьба как модный вид физической активности, особенно у людей старшего возраста, термин, который ещё не закрепился в языке (рис. 7).

Рис. 7 / Fig. 7. Медицинский плакат с использованием фотографии / Medical poster with a photograph

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/c4ffb3c2f8f67ebcca148517f3632328.png>; <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/8d0/8d05acdf77168041b599a09beef8a7a0.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

СИМВОЛИКА

Для медицинского плаката характерно использование символов, например, *розовая лента* – символ борьбы с раком молочной железы и его профилактики (рис. 8). Данное онкологическое заболевание является наиболее распространённым у женщин, излечение напрямую связано с ранней диагностикой, в том числе в рамках самообследования, имплицитно гендерная соотнесённость акцентирована изображением женских рук на плакате. Среди лент, обозначающих заболевания (*красная лента* – ВИЧ / СПИД; *чёрная лента* – меланома; *нефритовая* – рак печени и гепатиты; *сине-жёлтая* – синдром Дауна; *голубая лента* – диабет; *лента-пазл* – аутизм и др.), *розовая лента* является наиболее частотным символом, чем объясняется её использование в поликодовом тексте медицинского плаката. Сам термин *рак молочной железы* / *рак груди* не употребляется.

Рис. 8 / Fig. 8. Символический элемент медицинского плаката / Symbolic element in a medical poster

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/c4ffb3c2f8f67ebcca148517f3632328.png> (дата обращения: 10.09.2023).

ЦВЕТОВОЕ РЕШЕНИЕ В МЕДИЦИНСКОМ ПЛАКАТЕ

Отмечено символическое использование цвета – градации по цветам радуги проявлений болезни или симптомов (*красный* – максимальное проявление признака, *оранжевый* – средне-высокие показатели, *жёлтый* – высокая граница нормы, что может представлять опасность, *зелёный* – норма).

Но наиболее ярким и последовательным является использование цвета в аттрактивной и экспрессивной функциях: «красный, который символизирует запрет, опасность, тревогу, страх» [2, с. 114]; белый цвет визуализирует спокойствие и выздоровление, его много в поликодовом тексте медицинского плаката и на фоне, и в шрифте. Голубой цвет противопоставлен красному и является символом надежды и выздоровления. Зелёный цвет символизирует жизнь, экологию, природу.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО РЯДОВ

Сочетание вербального и невербального компонентов представлено такими вариантами взаимодействия:

1) дублирование содержания сообщения в разных стилистических модальностях (научно-популярный и разговорный стили + рисунок) (рис. 9);

**РЕЗКОЕ
СНИЖЕНИЕ ВЕСА
ПРИ
ПОВЫШЕННОМ
АППЕТИТЕ**

*Ваш ребёнок очень
много ест, но
быстро худеет?*

Рис. 9 / Fig. 9. Пример сочетания вербального и невербального компонентов на медицинском плакате / An example of a combination of verbal and nonverbal components on a medical poster

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/aeb/aeb5d5024d89d420fe7d4b56be3d01af.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).

2) кросс-модальная иконичность семиотических знаков: дублирование вербальной информации рисунками (табл. 1);

3) отмечена отсылка к словам авторитетного специалиста³: «Лечение при артериальной гипертонии – ежедневное, пожизненное. Пью таблетку утром – чтобы прожить день; пью таблетку на ночь – чтобы проснуться непарализованным».

Таблица 1 / Table 1

Примеры кросс-модальной иконичности семиотических знаков в медицинских плакатах / Examples of cross-modal iconicity of semiotic signs in medical posters

Иконическая составляющая поликодового текста	Описание	Вербальная составляющая поликодового текста
	На изображении красного цвета пузырь (красный цвет символизирует запрет, предупреждение) на коже (телесного цвета) и иголка, которой его намереваются проколоть	<i>Нельзя прокалывать пузыри</i>

³ Докт. мед. наук, профессор Ижевской государственной академии, заслуженный врач России и Удмуртской Республики Л. Т. Пименов.

Иконическая составляющая поликодового текста	Описание	Вербальная составляющая поликодового текста
	На изображении ладонь и капля красного цвета, которая выпущена из пипетки черного цвета	<i>Нельзя мазать пораженные места маслом, салом, сметаной, мочой, спиртом, одеколоном и мазями, не предназначенными для лечения ожогов, прикладывать лёд</i>
	На изображении в круге зелёного и синего цветов предложены три символа здорового питания: рыба (омега-3), лист (клетчатка) и две горошины (растительный белок). Применение синего и зелёного цвета можно считать условно символичным в качестве обозначения здоровья и спокойствия	ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ <i>Не менее 600 г овощей фруктов ежедневно. Не менее 1,5 л чистой воды в день (если нет противопоказаний). Соль не более 3 г в сутки. Приём пищи 5–6 раз в сутки небольшими порциями</i>
	На изображении в круге синего цвета двух оттенков перечёркнутая зажжённая сигарета – международный символ запрета курения	ОТКАЗ ОТ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК <i>Жизнь без курения, без алкоголя, без наркотиков</i>
	На изображении крупная женщина ест большой гамбургер	<i>Нездоровое питание</i>

Источник: составлено автором с использованием изображений по: Основы безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://обж.пф/data/imagegallery/7fdeee13-ba4d-9f43-0327-5099b4d7b76a/7f27cbc5-58e4-ad82-2bb6-271ccf64acc8.jpg> (дата обращения: 10.09.2023).
 Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/medialibrary/e3d/e3d01adb5f72e5beeb51ec9113638fa3.jpg>;
<http://medprof18.ru/upload/docs/1d08c34d0e45465360fac15a989ed281.png> (дата обращения: 10.09.2023).

4) для медицинского плаката актуальна тактика визуализации действия или состояния, при которой могут быть показаны:

Женский тип («груша»)	Избыток жира откладывается в области бёдер и ягодиц; Чаще встречается у женщин; Достоверная связь с метаболическим синдромом отсутствует.	
Мужской тип («яблоко»)	Избыток жира откладывается в области живота; Чаще встречается у мужчин; Ассоциируется с метаболическим синдромом, диабетом и сердечно-сосудистыми заболеваниями.	

Источник: Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики МЗ УР [Электронный ресурс]. URL: <http://medprof18.ru/upload/docs/2d5536725f133e6df163ffe578a54238.png> (дата обращения: 10.09.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ тематических, лексико-грамматических, графических и семиотических аспектов поликодового текста медицинского плаката позволил выделить его конститутивные признаки:

- о медицинский плакат как жанр поликодового текста тематически ограничен сферами профилактики заболеваний взрослых и детей, ЗОЖ, акушерства, медицинского обучения, экстренной помощи;

- о наиболее частотными в поликодовом тексте медицинского плаката являются реализация репрезентативной, аппеллятивной, информативной функций и передача константной информации;

- о по лексико-грамматическим свойствам поликодовый текст медицинского плаката сближается с текстами научно-популярной направленности (частотность употребления однородных конструкций, чисел, неполных предложений, сочетание терминов и общеупотребительной лексики);

о медицинский плакат характеризуется разнообразием графической стилистики, в том числе натуралистических рисунков, скетчей, фотографий, схем;

о для успешного декодирования поликодового текста медицинского плаката необходимо прочтение кода цвета и символьного ряда.

Теоретическая значимость исследования обусловлена отсутствием общего представления о поликодовом и полимодальном секторе жанров медицинского дискурса, отдельные работы о котором к настоящему времени не образовали единой системы оценок и принципов его описания. Практическая значимость работы предопределяет возможность использования принципов описания медицинского плаката в дальнейшем анализе жанров медицинского дискурса.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.09.2023

Статья размещена на сайте: 27.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 149 с.
2. Ахренова Н. А. Особенности репрезентации концепта Covid-19 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 108–121.
3. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.
4. Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 205 с.
5. Евграфова Ю. А. Уровни смысла в поликодовом-полимодальном экранном тексте и обратный симулякр (на примере художественного фильма «Я шагаю по Москве») // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2. С. 253–260.
6. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008. 407 с.
7. Кальнова О. И. О новых и актуализированных значениях в русском языке // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica. 2017. № 4. С. 91–97. DOI: 10.18778/1731-8025.14.10
8. Кошкарева Н. В. Синергизм музыки и слова в полифонических формах хоровых произведений А CAPELLA современных отечественных композиторов // Вестник Российского университета дружбы народов. Се-

- рия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1110–1121. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1110-1121
9. Максименко О. И. Поликодовый vs. креолизированный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
 10. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача / Т. В. Кочеткова, М. И. Барсукова, Е. А. Ремпель, А. Я. Рамазанова // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3. С. 466–469.
 11. Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311
 12. Первухина С. В. Лингвопрагматические и функционально-стилистические характеристики рекламно-медицинского субдискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1. С. 51–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.270
 13. Сараева Е. Е., Детинко Ю. И. Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 49–57. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-1-49-57
 14. Шерстнева Е. В. История медицинского плаката в России, 1921–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 197 с.
 15. Эбзеева Ю. Н., Дугалич Н. М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 127–133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133

REFERENCES

1. Akaeva E. V. *Kommunikativnye strategii professional'nogo meditsinskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative strategies of professional medical discourse: Cand. Sci. thesis in Philology]. Omsk, 2007. 149 p.
2. Akhrenova N. A. [Representational Peculiarities of The Conceptual Sphere Covid-19]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2021, no. 4, pp. 108–121.
3. Barsukova M. I. *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Medical discourse: strategies and tactics of speech behavior of a doctor: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Saratov, 2007. 21 p.
4. Goncharenko N. V. *Suggestivnye kharakteristiki meditsinskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Suggestive characteristics of medical discourse: Cand. Sci. thesis in Philology]. Volgograd, 2007. 205 p.
5. Evgrafova Yu. A. [Levels of Meaning in Polycode-Polymodal Screen Text and Reverse Simulacrum (Case Study of the Film "Walking the Streets of

- Moscow"). In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2023, no. 2, pp. 253–260.
6. Zhura V. V. *Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii: dis. ... dokt. filol. nauk* [Discursive competence of a doctor in oral medical communication: Dr. Sci. thesis in Philology]. Volgograd, 2008. 407 p.
7. Kalnova O. I. [About new and updated values in the Russian language]. In: *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, 2017, no 4, pp. 91–97. DOI: 10.18778/1731-8025.14.10
8. Koshkareva N. V. [Synergism of Music and Word in Polyphonic Forms of Choral Works a Cappella by Modern Russian Composers]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2022. vol. 13, no. 4, pp. 1110–1121. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1110-1121
9. Maksimenko O. I. [Polycode vs. creolized text: terminology problems]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2012, no. 2, pp. 93–102.
10. Kochetkova T. V., Barsukova M. I., Rempel E. A., Ramazanova A. Ya. [Medical Discourse: Specificity of Professional Communication of a Doctor]. In: *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2018, no. 3, pp. 466–469.
11. Novospasskaya N. V., Dugalich N. M. [Terminological system of the theory of the polycode text theory]. In: *Rusistika* [Russian Language Studies], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 298–311. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311
12. Pervukhina S. V. [Linguistic and pragmatic, functional and stylistic characteristics of advertising and medical subdiscourse]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 1, pp. 51–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.270
13. Sarayeva E. E., Detinko Yu. I. [Multimodal specifics of COVID-19 poster: impact on the audience]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2023, no. 1, pp. 49–57. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-1-49-57
14. Sherstneva E. V. *Istoriya meditsinskogo plakata v Rossii, 1921–1931 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of medical posters in Russia, 1921–1931: Cand. Sci. thesis in History]. Moscow, 1997. 197 p.
15. Ebzeeva Y. N., Dugalich N. M. [Methodology for analyzing creolized text of political cartoon in the Arabic and French languages]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 127–133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дугалич Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; e-mail: dugalich-nm@rudn.ru

Natalia M. Dugalich – Cand. Sci. (Philology), Head of Foreign Languages Department at Institute of Medicine, Peoples' Friendship University of Russia; Associate Professor of Foreign Languages Department at Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: dugalich-nm@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дугалич Н. М. Конститутивные признаки медицинского плаката // Российский социально-гуманитарный журнал (электронный журнал). 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Dugalich N M. Constitutive characteristics of a medical poster. In: *Russian Social and Humanitarian Journal (e-journal)*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811

Борисова И. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация
Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО КОНТЕНТА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. На примере мультипликационного сериала продемонстрировать, как с помощью процесса локализации можно сделать аудиовизуальный контент более понятным и привлекательным для иноязычной аудитории.

Процедура и методы. Автором проанализированы 100 серий российского анимационного сериала «Смешарики» общим хронометражем 600 минут (в английской версии – «Kikoriki»). Были использованы следующие методы: метод сплошной выборки; описательно-аналитический метод, метод статистического анализа, интерпретации и графического представления данных.

Результаты. На основе изучения фактологического материала было установлено, что для более успешной локализации мультсериала были использованы различные переводческие трансформации, преобладающими из которых стали компенсация (при переводе имён собственных) и калькирование (при переводе названий серий).

Теоретическая и практическая значимость. Исследован современный русскоязычный аудиовизуальный мультипликационный контент, выявлены механизмы его локализации для англоязычной аудитории. Полученные результаты могут задать вектор исследований в области локализации других видов языкового контента: рекламы, бизнес-документации, программного обеспечения, видеоигр, комиксов и пр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

переводческая трансформация, языковая локализация, мультипликационный сериал, аудиовизуальный контент, компенсация, калькирование

СТРУКТУРА

Введение

Языковая локализация как особый вид переводческой деятельности

Локализация мультипликационного контента

Примеры языковой локализации

Заключение

I. Borisova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky pr-t 49, Moscow 125993, Russian Federation;
Moscow City University
Vtoroy Selskhozajstvenny pr-d 4, Moscow 129226, Russian Federation*

LOCALIZATION OF FOREIGN LANGUAGE CONTENT AS A MEANS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

СТРУКТУРА

Aim. On the example of an animated series, to demonstrate how the localization process can make audiovisual content more understandable and attractive to a foreign-language-speaking audience.

Methodology. The author has analyzed 100 episodes of the Russian animated series "Smeshariki" with a total running time of 600 minutes (in the English version – "Kikoriki"). The following methods were used: continuous sampling method; descriptive-analytical method; method of statistical analysis, interpretation and graphical representation of data.

Result. Using the factual material, the author has concluded that for a more successful localization of the animated series, various translation transformations were used, the predominant of which being compensation (when translating proper names) and loan translation (when translating series names).

Research implications. The modern Russian-language audiovisual animated content has been studied, the mechanisms of its localization for the English-speaking audience have been revealed. The results obtained can set the vector of research in the field of localization of other types of language content: advertising, business documentation, software, video games, comics, etc.

KEYWORDS

translation transformation, language localization, animated series, audiovisual content, compensation, tracing

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире особо важную роль играет сотрудничество во всех сферах человеческой деятельности – экономической, политической, социокультурной. Многообразие языковой палитры, приверженность патриархальным укладам и специфический лингвокультурный фон каждой отдельно взятой страны подчас затрудняют процесс межкультурной коммуникации, что негативно сказывается на обмене передовым опытом, достижениями компромиссов и на поступательном развитии в этих сферах в целом. Именно поэтому современному лингвистическому научному сообществу столь актуальной кажутся не только проблема адекватного перевода, но и поиск способов и приёмов некой дополнительной «подстройки» коммуникантов к менталитету друг друга. В этом они видят залог «безболезненного» взаимопроникно-

вения различных языковых картин мира и установления столь необходимых международных контактов в условиях быстро развивающегося технического прогресса и постоянно совершенствующихся информационно-коммуникационных технологий. Неслучайно в последнее время отмечается рост унифицированных средств общения в устно-письменной речи интернет-дискурса (смайлики, эмодиконы, мемы и пр.) [1; 2].

В этой связи одним из важных направлений переводоведения стало изучение такого многогранного явления, как локализация иноязычного контента, которое, как нам видится, наиболее успешно может быть рассмотрено в рамках междисциплинарного подхода. Такой подход может стать чрезвычайно эффективным, поскольку локализация осуществляется в различных языковых контекстах: рекламе, бизнес-документации, программном обеспечении, видеоиграх, веб-сайтах, мобильных приложениях, художественных фильмах, комиксах, мультсериалах и пр.

Феномен локализации, безусловно, стал составной частью процессов глобализации и интеграции, предполагающих создание такого продукта, который бы пользовался спросом и мог бы быть коммерчески реализован в других странах. Он требует «культурной адаптации языкового контента (преимущественно цифрового) с учётом специфики отдельной страны» таким образом, чтобы конечный результат такой адаптации воспринимался как «продукт, созданный на родном языке получателя» [3, с. 41]. Основная задача локализации заключается прежде всего в «прагматической адаптации текста, т. е. адаптации с учётом социальных, культурных, психологических и иных различий между культурами и получателями оригинального и локализованного текстов». При этом прагматическая значимость в рамках локализации определяется через «непосредственно получателя сообщения, который выступает ядром акта коммуникации» [4, с. 137].

К вопросу локализации иноязычного аудиовизуального контента неоднократно обращались как зарубежные, так и российские учёные. В первую очередь исследования фокусировались на локализации компьютерных игр [13; 16; 18; 19], поскольку данная индустрия набирает всё большие обороты в современном виртуальном мире и переходит в плоскость профессиональной деятельности киберспорта. Однако в российском научном сообществе в последнее время появился ряд интересных работ, объектом исследования которых стали анимационные видеовербальные тексты и их переводы на английский язык. В данных работах рассматриваются различные переводческие аспекты, которые следует учитывать в процессе локализации, как то: проблема перевода названий мультисемиотических текстов [9]; интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе [8]; гендерные особенности детской анимации [7] и другие проблемы перевода и интерпретации анимационного видеовербального текста [12].

Мы полностью разделяем те выводы, к которым приходят авторы данных исследований, а именно:

- мультипликационные фильмы не являются сугубо развлекательным и упрощённым продуктом;
- объективная насыщенность мультисемиотического текста интертекстуальными отсылками репрезентирована в анимационном дискурсе в концентрированном виде;
- в отличие от линейных текстов, мультисемиотический текст даёт возможность компенсировать невозможность перевода средствами других кодов, чем активно пользуются при локализации анимации;
- экстралингвистические факторы в современном обществе включают установки, которые подчас различаются в русскоязычном и англоязычном сообществах и в последнее время всё более расходятся.

Цель же данного исследования состоит в том, чтобы показать, каким образом с помощью локализации можно сделать языковой контент не только более понятным и приемлемым, но и более привлекательным для представителей иноязычного сообщества в рамках существующих в нём лингвокультурных традиций, т. е. особый акцент делается на прагматической составляющей изучаемого процесса. В качестве объекта исследования выбран процесс локализации русскоязычного мультсериала «Смешарики» для англоязычной аудитории. Предметом исследования стали особенности использования переводческих трансформаций, выявленные в данном процессе.

В ходе достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- рассмотреть языковую локализацию как особый вид переводческой деятельности;
- выявить особенности локализации мультипликационного контента;
- проанализировать примеры языковой локализации на материале 100 серий российского анимационного сериала «Смешарики» общим хронометражем 600 минут (в английской версии – «Kikoriki»).

Научная новизна проведённого исследования состоит не только в выявлении конкретных особенностей процесса локализации аудиовизуального текста на современном материале, но и в их систематизации, представленной в графическом выражении, что, как нам кажется, наиболее наглядно представляет этот процесс и делает его более понятным для молодых учёных-дигиталов, решивших посвятить себя изучению данной проблемы в рамках междисциплинарного подхода.

ЯЗЫКОВАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПЕРЕВОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Поскольку понятие «локализация» стало объектом пристального внимания относительно недавно (прежде всего с развитием видеоигровой индустрии), его теоретический статус до сих пор не получил чёткого обоснова-

ния. Одни учёные относят этот процесс к жанру специального перевода [10], другие – к жанру письменного перевода [15], третьи – к типу адаптивного транскодирования [6], четвёртые же считают введение термина «локализация» не чем иным как простой заменой уже существующего более широкого термина «перевод» [14]. Нам наиболее близким кажется понимание локализации, представляющее её как «многоуровневый процесс перевода, который стремится достичь максимальной эмотивной достоверности перевода и сохранить единый опыт, а её конечным результатом выступает адаптированный поликодовый текст» [16, с. 196].

В контексте же межкультурной коммуникации локализация, несомненно, относится к акту межъязыкового общения, так как в данном случае очевидна работа с двумя или более языками. Соответственно, под языковой локализацией мы будем подразумевать «вид переводческой деятельности, обеспечивающий эффективную межкультурную коммуникацию и достижение прагматической цели» [17, с. 169].

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно сделать вывод, что работа переводчика, занимающегося локализацией иноязычного контента, постоянно усложняется. И сложившаяся ситуация даёт богатый исследовательский материал для «сопоставительного анализа, раскрывающего суть языковой системы как передатчика культурного кода при локализации» [11, с. 304].

ЛОКАЛИЗАЦИЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО КОНТЕНТА

При языковой локализации мультипликационного произведения прежде всего важно учитывать тот факт, что оно представляет собой аудиовизуальный контент, т. е. сочетание четырёх потоков данных: невербального видеоряда (жесты, мимические движения); невербального аудиоряда (шумо-музыкальный); вербального аудиоряда (диалоги героев); вербального видеоряда (надписи на экране, субтитры) [5, с. 375]. И, следовательно, аудитория в данном случае является одновременно и зрителем, и слушателем, и реципиентом.

Следует принимать во внимание, что визуальный ряд не может быть изменён ни переводчиком, ни зрителем. Поэтому в процессе работы переводчик-локализатор, скорее, выделяет кадр или сцену, нежели единицу вербального уровня. Как результат, эквивалентность на языковом уровне может быть второстепенна. Гораздо важнее вызвать у зрителя адекватные эмоции или размышления на определённую тему, поскольку художественный аудиовизуальный текст не является зеркальным отражением реальности, а представляет собой её творческое осмысление.

Работа с такого рода текстами отличается как от устного, так и от письменного перевода. Безусловно, дословный перевод здесь, как и в упомяну-

тых видах перевода, скорее всего, будет недопустим, и, следовательно, локализатор должен владеть всеми видами переводческих трансформаций. Однако, в отличие, например, от устного (в частности, синхронного) перевода, специалисту необходимо заранее знать содержание аудиовизуального текста от начала и до конца. Иначе он не сможет адекватно донести до реципиента творческое видение автора и передать неповторимый авторский стиль. Переводчику следует учитывать и тот факт, что созданный им текст будет произносить не он сам, а актёры, которые будут озвучивать мультфильм. И значит, пристальное внимание необходимо уделять длительности сцены и реплики, артикуляции, темпу речи и эмоциям героев. В устном переводе не нужно копировать манеру речи человека, произносящего оригинальный текст; кроме того, переводчик может при необходимости вступить с ним в непосредственный контакт для уточнения определённых деталей, что является одним из преимуществ устного перевода перед аудиовизуальным. Однако в последнем случае у переводчика имеется больше времени для выбора адекватного эквивалента (что сближает его деятельность с работой письменного переводчика).

Таким образом, локализация аудиовизуального мультипликационного контента требует от переводчика дополнительных умений и навыков, а также, безусловно, практического опыта работы с такого рода материалами.

ПРИМЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Как было указано выше, в практической части своего исследования мы обратились к локализованной версии русскоязычного мультфильма «Смешарики» («Kikoriki»). Выбор этого мультфильма был обусловлен тем, что данный контент является репрезентативным в плане удачной реализации переводческих решений, которые обусловили минимальные потери при передаче смысла, настроения и индивидуальности стиля авторов русскоязычной версии.

Девять персонажей-животных являются главными действующими лицами мультсериала, и их имена имеют символическое значение, отражающее их характер и особенности, что первостепенно для продукта, имеющего детскую целевую аудиторию. В англоязычной версии мультсериала имена героев также являются говорящими, но уже не указывают на вид животного, к которому они относятся: Крош – Crash, Ёжик – Chiko, Бараш – Wally, Нюша – Rosa, Кар-Карыч – Carlin, Совунья – Olga, Пин – Pin, Лосяш – Dokko, Копатыч – Barry. Проанализируем каждую представленную пару имен подробнее.

Кролик по имени Крош в локализации получает имя Crash (*crash* – грохот) из-за звука, который он издаёт при передвижении: это шумные и быстрые прыжки (кроме того, оригинальное имя и имя в переводе очень созвучны). Ёжика в локализации называют Chiko. Данное имя отсылает иностранного

зрителя к американскому фильму Л. Маркса «Братья Маркс», поскольку герой из этого фильма является носителем такого же прозвища (таким образом создаются интертекстуальные связи, которые отсутствуют в оригинальном мультсериале).

Имя Wally персонаж-баран Бараш получает благодаря своим внешним характеристикам, а именно наличию естественной пушистой шерсти (Wally созвучно английскому слову *wool* – шерсть). Персонаж свинки Нюши в мультсериале представлен инфантильной, мечтательной и романтической девочкой-поросёнком, из-за чего в локализации ей было дано имя Rosa. В локализации ворона Кар-Карыча называют Carlin. Оба имени напоминают характерное карканье ворона (что является примером ономотопеи, т. е. звукоподражания). Выбор имени Olga для совы Совуны, скорее всего, обусловлен тем, что это одно из самых известных и стереотипных русских женских имен для англоязычной аудитории (кроме того, имя Olga до некоторой степени созвучно слову *owl* – сова).

Имя персонажа-пингвина Пина в мультсериале – это сокращение от слова «пингвин». Аналогичная ситуация произошла и при локализации (Pin – сокращённая форма от *penguin*). В переводе Лосяш был назван именем Dokko, которое созвучно с «doc» (Doctor of Science), что отражает научно-исследовательскую деятельность Лосяша. Имя персонажа-медведя Копатыча в оригинале объясняется тем, что он посвящает себя садоводству и огородничеству, из-за чего часто копает и пропалывает грядки. В локализованной версии он зовётся Barry (что перекликается со звучанием слова *bear* – медведь).

Графически соотношение способов, использованных при переводе имён собственных, может быть представлено следующим образом (ведущим способом явилась компенсация) (рис. 1).

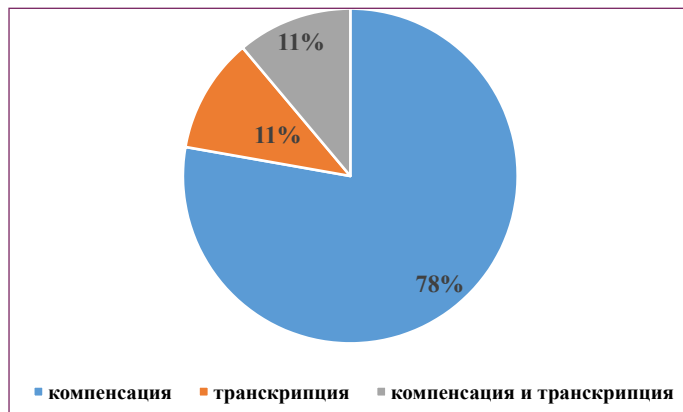

Рис. 1 / Fig. 1. Способы перевода имён собственных / Means of translating proper names

Далее рассмотрим процесс локализации мультфильма на примере перевода названий серий. Большая часть названий серий мультсериала переведена при помощи калькирования: «Фанерное солнце» – «The plywood sun», «Железная няня» – «The iron nanny», «Путь в приличное общество» – «The path to decent society», «Магнетизм» – «Magnetism», «Горы и конфеты» – «Mountains and candies», «Мыльная опера» – «Soap opera», «Частная жизнь» – «Private life», «Маскарад» – «The masquerade», «Герой Плутона» – «Hero of Pluto», «Настоящие ценности» – «Real values».

Интересно рассмотреть культурологический аспект перевода в аллюзивных названиях серий. Приведём несколько примеров. «Полёты во сне и наяву» – «Flying in a dream and in reality» (аллюзия на одноименный советский фильм). «Ёжик в туманности» – «Chiko in the fog» (аллюзия на советский мультипликационный фильм «Ёжик в тумане»). «Вишнёвый сад» – «The Cherry Orchard» (аллюзия на пьесу А. П. Чехова). «Господин оформитель» – «Mr. Renovator» (снова аллюзия на советский фильм; кроме того, отсылка к содержанию серии, где персонаж строит и перестраивает дом, т. е. обновляет его, отсюда – «Renovator»). «Педагогическая поэма» – «Training for a nap» (аллюзия на произведение известного советского педагога и писателя А. С. Макаренко о перевоспитании трудных подростков). «Играй, гармония!» – «In Sweet Harmony» (аллюзия на передачу «Играй, гармонь!»).

Примером названия, содержащего общеевропейский культурный код, является название 167-й серии «Теория относительности» – «The theory of relativity». Здесь упоминается реально существующая теория, описывающая универсальные пространственно-временные свойства физических процессов, разработанная А. Эйнштейном. 78-я серия под названием «Космическая Одиссея» – «A space Odyssey» отсылает к одноимённому культовому научно-фантастическому фильму С. Кубрика.

В локализации встречаются и неоднозначные варианты отступления от оригинального текста, где переводчик использует как различные виды функционального перевода, так и лексические трансформации. Рассмотрим конкретные примеры таких названий. «The Big Event» – «Событие века». Эпизод посвящён солнечному затмению, которое в мире мультсериала случается раз в сто лет, отсюда и «событие века». В переводе данное название приобретает значение важного события, «большого». Использованная переводческая трансформация – генерализация. «The Inner Clock» – «Живые часы». Данная серия раскрывает тему хронотипов людей, которые Кар-Карыч называет «живыми часами». Технически такого понятия, как «живые часы», не существует в русском языке, а вот «inner clock» в английском – это полноценный термин. Контекст серии уравнивает данные словосочетания, используется эквивалентный перевод. «Operation Santa Claus» – «Операция “Дед Мороз”». Очевидно, что в оригинальном названии содержится культурная реалия, которая подверглась адаптации для англоязычной аудитории, поэтому Дед

Мороз был переведён как Santa Claus. «Pancake Week» – «Масленица». Снова ситуация с наличием культурно-языковой реалии в названии, а именно восточнославянского традиционного праздника, вследствие чего переводчик прибегнул к использованию описательного перевода.

Проанализировав названия всех серий, мы пришли к выводу, что самым распространённым способом перевода в процессе локализации данного мультипликационного контента стало калькирование; а полное представление о соотношении способов перевода можно получить из следующей диаграммы на рисунке 2.

Рис. 2 / Fig. 2. Способы перевода названий серий / Means of translating episode names

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведённого исследования можно сделать вывод, что в процессе локализации мультсериала «Смешарики» («Kikoriki») были использованы различные переводческие трансформации, преобладающими из которых стали компенсация (при переводе имён собственных) и калькирование (при переводе названий серий). Графическое представление результатов исследования, по нашему мнению, наглядно отражает тенденции, существующие сегодня в индустрии локализации аудиовизуального мультипликационного контента в целом. В цифровую эпоху процесс перевода (впрочем, как и

многие другие процессы в различных областях знаний) перестаёт опираться лишь на общеизвестные постулаты и прирастает новыми смыслами. Однако в поисках новых смыслов, с одной стороны, следует бережно относиться к лингвокультурным традициям оригинала, а с другой стороны – ориентироваться на те духовные скрепы, которые существуют в обществе-реципиенте.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.08.2023

Статья размещена на сайте: 29.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. В. Современные тенденции процесса окказионального словообразования в Интернет-общении // *Litera*. 2018. № 3. С. 281–288.
2. Борисова И. В. Языковая архивация в интернет-общении // *Litera*. 2019. № 5. С. 84–92.
3. Бричева М. М., Сасина С. А., Мыгу М. С. Проблемы языковой локализации компьютерных игр // *The Scientific Heritage*. 2021. № 61. С. 40–42.
4. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 3. С. 135–137.
5. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // *Царскосельские чтения*. 2013. С. 374–381.
6. Колосов С. А. Перевод или локализация: разграничение понятий (на примере кинопостера) // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2016. № 4. С. 169–174.
7. Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Гендерные особенности детской анимации (проблемы перевода на примере Kikoriki и Gogoriki) // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2019. № 4. С. 77–100.
8. Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе: переводческая проблема // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2020. № 1. С. 104–110.
9. Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериала «Смешарики» на английский язык) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. № 2. С. 167–176.
10. Мельник В. Р. Локализация как жанр специального перевода // *Индустрия перевода: материалы X Международной научной конференции, Пермь, 4–6 июня 2018 г. / под ред. Т. С. Серовой*. Пермь: Издательство

Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2018. С. 25–30.

11. Нуртдинова Л. Р. Анализ стратегий локализации новейших английских фильмонимов для русскоязычных зрителей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 304–309.
12. Подлегаева Е. П. Анимационный видеовербальный текст: проблемы перевода и интерпретации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 175 с.
13. Саяхова Д. К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр) // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1. С. 52–62.
14. Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестник молодых учёных. Педагогические науки. Перевод в XXI веке: вызовы эпохи и перспективы развития. 2018. Т. 2. № 4. С. 109–120.
15. Сорокина О. О. Локализация веб-сайтов как новый жанр письменных переводов // Инновационные вопросы теории и практики межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции ИЛИМК МГОУ, Москва, 8 апреля 2014 г. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 119–121.
16. Тимохов А. Д. Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2») // Litera. 2023. № 6. С. 194–209.
17. Чистова Е. В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. 2020. № 3. С. 161–175.
18. Bernal M. On the Translation of Video Games // The Journal of Specialised Translation. 2006. № 6. P. 22–36.
19. Jiménez-Crespo M. A. Translation and Web Localization. London: Routledge, 2013. 233 p.

REFERENCES

1. Borisova I. V. [Modern trends in the process of occasional word formation in Internet communication]. In: *Litera*, 2018, no. 3, pp. 281–288.
2. Borisova I. V. [Language archiving in online communication]. In: *Litera*, 2019, no. 5, pp. 84–92.
3. Bricheva M. M., Sasina S. A., Mugu M. S. [Problems of language localization of computer games]. In: *The Scientific Heritage*, 2021, no. 61, pp. 40–42.
4. Zinkevich O. V. [Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the St. Petersburg State Economic University], 2018, no. 3, pp. 135–137.
5. Kozulyaev A. V. [Audiovisual polysemantic translation as a special form of translation activity and features of teaching this type of translation]. In: *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo Readings], 2013, pp. 374–381.
6. Kolosov S. A. [Translation vs localization: differentiating between the terms (as exemplified by movie posters)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver state university. Series: Philology], 2016, no. 4, pp. 169–174.

7. Maksimenko O. I., Podlegaeva E. P. [Gender features of animation (translation problems by the example of "Kikoriki" and "Gogoriki").] In: *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2019, no. 4, pp. 77–100.
8. Maksimenko O. I., Podlegaeva E. P. [Interpretation of intertext in multyse-miotic animation discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow state regional university. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 104–110.
9. Maksimenko O. I., Podlegaeva E. P. [Translation problem of multisemiotic texts names (translation of the animated series "Smeshariki" into English).] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow state regional university. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 167–176.
10. Melnik V. R. [Localization as a genre of special translation]. In: *Industriya perevoda: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Perm', 4–6 iyu-nya 2018 g.* [Translation industry: materials of the X International Scien-tific Conference, Perm, June 4–6, 2018]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta Publ., 2018, pp. 25–30.
11. Nurtdinova L. R. [Localization strategies to transfer the modern English filmonyms for the Russian-speaking viewers]. In: *Filologicheskie nauki. Vo-prosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 11, pp. 304–309.
12. Podlegayeva E. P. *Animatsionnyi videoverbal'nyi tekst: problemy perevoda i interpretatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Animated video verbal text: problems of translation and interpretation: Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 2020. 175 p.
13. Sayakhova D. K. [Linguocultural adaptation of a text in translation (on the material of video games)]. In: *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal* [Kazan Lin-guistic Journal], 2020, no. 1, pp. 52–62.
14. Sdobnikov V. V. [New trends in translation studies]. In: *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. Pedagogicheskie nauki. Perevod v XXI veke: vyzovy epokhi i perspektivy razvitiya* [Kazan Bulletin of young scientists], 2018, vol. 2, no. 4, pp. 109–120.
15. Sorokina O. O. [Website localization as a new genre of written translations]. In: *Innovatsionnye voprosy teorii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii ILiMK MGOU, Moskva, 8 aprelya 2014 g.* [Innovative issues in the theory and practice of intercultural communication: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of ILiMK MGOU, Moscow, April 8, 2014]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennii oblastnoi universitet Publ., 2014, pp. 119–121.
16. Timokhov A. D. [Transcreation strategies in video game localization (based on the game "Team Fortress 2").] In: *Litera*, 2023, no. 6, pp. 194–209.
17. Chistova E. V. [Theoretical status of interlanguage localization as a special type of translation activity]. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2020, no. 3, pp. 161–175.

18. Bernal M. On the Translation of Video Games. In: *The Journal of Specialised Translation*, 2006, no. 6, pp. 22–36.
19. Jiménez-Crespo M. A. Translation and Web Localization. London, Routledge, 2013. 233 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета; e-mail: ivb66@yandex.ru

Inna V. Borisova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Foreign Philology, Moscow City University; e-mail: ivb66@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Борисова И. В. Локализация иноязычного контента как средство повышения эффективности межкультурной коммуникации // Российский социально-гуманитарный журнал (электронный журнал). 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borisova I. V. Localization of foreign language content as a means of increasing the effectiveness of intercultural communication. In: *Russian Social and Humanitarian Journal (e-journal)*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'23

Зиньковская А. В., Сахно А. А.

Кубанский государственный университет

350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЙНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание и обоснование взаимодействия таких научных направлений, как медиалингвистика и лингвоэкология, в поле семиотического многообразия целостной концепции медийной лингвоэкологии.

Процедура и методы. Теоретическую основу исследования составили концептуальные положения и идеи Ч. Пирса, У. Эко, Ч. Морриса, Д. С. Лихачёва, В. И. Шаховского, М. Р. Желтухиной, С. В. Ионовой. В данном исследовании были использованы: метод лингвогерменевтической интерпретации, предложенный Г. П. Щедровицким и Г. И. Богиним; описательный метод, подразумевающий наблюдение, детальный анализ, описание и обобщение исследуемого материала.

Результаты. Коммуникативная ситуация рассмотрена в медиапространстве как модель семиозиса. Дана оценка её компонентам с точки зрения целостной концепции медийной лингвоэкологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью упорядочить и систематизировать знания, относящиеся к процессу семиотического взаимодействия знаков в пределах медиалингвистического дискурса, влияния семиотизации на эколингвистические аспекты медийного поля.

Теоретическая и/или практическая значимость. Опираясь на теоретические данные и подходы, определена структура явления «экология культуры», обоснована её значимость в исследовании коммуникативного взаимодействия. Материал данной работы основан на детальном анализе взаимосвязи семиотического поля с медиалингвистикой. Семиотика рассматривает медиатекст с точки зрения прагматического, синтаксического и семантического подходов. В основе любого коммуникативного акта лежит процесс семиозиса – интерпретации знака, генерации значения. Основным исключительным признаком медиатекста является наличие вербальной и визуальной информации, различных систем кодирования и декодирования. Иконический знак является главным компонентом коммуникативного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

знак, иконический знак, лингвоэкология, медиалингвистика, семиозис, семиотика, экологизация, экомедиалингвистика

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Семиотическое поле и иконический знак](#)

[Лингвоэкология](#)

[Заключение](#)

A. Zinkovskaya, A. Sakhno

Kuban State University

ul. Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Krasnodar Region, Russian Federation

PROBLEMS OF MEDIA ECOLINGUISTICS IN THE ASPECT OF SEMIOTIC FIELD

ABSTRACT

Aim. To give an overview and rationale of interaction of such scientific fields as media linguistics and ecolinguistics within the field of semiotic variety of coherent media ecolinguistics vision.

Methodology. The methodological basis of the research involves conceptual provisions and ideas of C. Peirce, Umberto Eco, Charles W. Morris, D. S. Likhachev, V. I. Shakhovsky, M. R. Zheltukhina, S. V. Ionova. The study used the following methods: the method of linguistic hermeneutic interpretation suggested by G.P. Schedrovitsky and G. I. Bogin; descriptive method which implies observation, detailed analysis, overview and summarization of the material under study.

Results. The communicative situation was examined within the media space as a semiosis pattern. Its components were evaluated in terms of holistic concept of media ecolinguistics. The relevance of the study is determined by the need to order and to systematize the knowledge relating to the process of semiotic sign interrelation within the media linguistic discourse, semiotization impact on ecolinguistic aspects of the media field.

Research implications. Based on the theoretical data and methods, the structure of the phenomenon "ecology of culture" is determined, furthermore, its importance in the study of communicative interaction is justified. The article is based on the detailed analysis of interconnection between semiotic field and media linguistics. Semiotics studies media text in terms of its pragmatic, syntactic and semantic perspectives. At the heart of any communicative act is the process of semiosis – sign interpretation, value generation. The main exclusive media text feature is verbal and visual information, various systems of coding and decoding. An icon is the major component of communicative space.

KEYWORDS

sign, icon, ecolinguistics, media linguistics, semiosis, semiotics, ecologization, eco media linguistics

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие природы, человека и языка является постоянным предметом изучения множества исследователей. Повышенный интерес уделяется экологии культуры, её духовной и нравственной стороне.

Посредством изучения психоэмоционального уровня человеческой коммуникации эмотивная лингвистика и лингвоэкология сливаются в единую проблематику. Эмотивная лингвоэкология исследует способы проявления эмоций на уровне культуры, а также этическую сторону данного процесса. В настоящий момент вызывает беспокойство то, какие эмоциональные смыслы ретранслируются в медийном пространстве, какое влияние

они оказывают на общество. В данной проблеме целесообразно обозначить увеличивающееся количество интенсификации агрессивного контекста информационной составляющей медиа, её смещения в направлении неэкологичности.

Неразрывная взаимосвязь между человеком, языком и природой очевидна. Так, Д. С. Лихачёв говорит о первостепенной задаче человека – сохранении его культурной среды [8, с. 485]. В контексте обозначенной проблемы следует помнить о том, что вопросы экологии не могут быть лимитированы исключительно необходимостью сохранения естественной природной среды. В нашей действительности значительную роль играет окружение, сформированное нами и культурой наших прародителей. Бережное отношение к самобытности, ценностным установкам, жизненному укладу и сохранение окружающего мира в равной степени важны и требуют особенно чуткого подхода.

В. И. Шаховский развивает идеи Д. С. Лихачева и вводит понятие лингвоэкологии, согласно которому данное направление берёт начало от теории культуры речи, неориторики, стилистики, а также сочетает в себе цель исследовать параметры продуктивной коммуникации, различать средства достижения намеченных «перлокутивных результатов с нормализаторским пафосом применительно к речеповеденческим объектам» [5; 6; 11; 12]. В свете изучения лингвоэкологии в рамках медиадискурса целесообразно рассмотреть проблему его форм и границ.

Размышляя над вопросом массмедиальных констант в языке и культуре, М. Р. Желтухина упоминает наличие лингвокультурных, национальных, интернациональных, пространственных и временных вариаций. Медиадискурс в целом обозначен как центр с расположенными в нём прототипными жанрами. Обладая опосредованными характеристиками, он имеет конструкцию, при которой между адресантом и адресатом существует пространственная или временная характеристика [3; 4; 16]. Здесь следует обратиться к проблемам семиотики. Однако прежде необходимо вернуться к истокам данного научного направления и отметить понятие знака. Концепт невербальной коммуникации построен на теории о знаках, выдвинутой Ч. Пирсом. Под знаком он понимает некое лингвистическое образование, обозначающее что-либо для кого-либо в пределах определённых величин. Для детального описания структуры природы знака потребовалось представить 10 трихотомий и вывести 66 знаковых категорий. Таким образом, согласно признакам второй трихотомии знаков, знак возможно отнести к символам (symbol), индексам (index) и иконам (icon) [2; 9; 14]. Символические знаки представляют конвенциональную (при этом исторически сложившуюся) корреляцию между означаемым и означающим. Рассматривая экологизацию общения в ключе концепта теории знаков, мы представляем его невербальный аспект (язык жестов) как иконический код. Необходимо учитывать, что сам по себе

иконический знак подразумевает множество вариаций – это не только, в буквальном смысле этого слова, схема, чертёж, диаграмма, но и метафора, представленная в виде параллелизма «знак – объект», образ, демонстрирующий первичные качества означаемого.

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ИКОНИЧЕСКИЙ ЗНАК

Семиотика рассматривает взаимодействие знаков и знаковых систем в самом масштабном понимании – в семиотическом поле всё что угодно может интерпретироваться как знак. Изучая медиалингвистику с точки зрения её семиотической природы, целесообразно особо отметить то, что в работе мы оперируем понятием иконического знака. Икона является модификацией знака, отсылающей к предмету, который она обозначает, благодаря наличию специфических признаков вне зависимости от существования этого предмета в реальности [9, с. 205]. Таким образом, в структуре иконического знака главным признаком является изобразительное сходство означаемого с означаемым.

Существуют различные виды иконических знаков: сформированные на максимальном подобии (образы), передающие устройство того или иного предмета посредством подобного взаимодействия (схемы), метафоры, представляющие содержание через совпадение в каком-то ином варианте.

У. Эко представляет семиотику как отдельную формализованную систему знаков, изучающую устройство конкретных знаковых систем. Семиология обозначена наличием в ней философского начала. Для У. Эко иконический знак является совокупностью элементов, в которой исключена какая-либо возможность определить обособленные идентифицирующие основы. С точки зрения вербального уровня языкового пространства значение той или иной лингвистической единицы задаётся предварительно, вместе с тем визуальный уровень предполагает формирование значения в рамках процесса получения информации. Соответственно, вопреки имеющимся общности и подобию с изображаемым предметом, иконический знак не принимает на себя его свойства и признаки. Здесь необходимо сделать акцент на условности этого типа изображения и восприятия объекта. Визуальный знак обязан соответствовать следующим критериям: 1) наличие видимости; 2) он должен быть предполагаемым; 3) наличие условности. Следовательно, возможно сделать заключение, согласно которому иконический знак является целиком и полностью немотивированным, конвенционально-произвольным образованием. Взаимодействие между символом и референтом имеет взаимную и обратимую природу [15, с. 322].

Опираясь на учение Ч. Пирса, американский семиотик Ч. Моррис дополнил теорию структуры семиозиса. Вследствие чего модель семиозиса состояла из 4 составляющих: интерпретатор (interpreter), интерпретанта

(interpretant), знаковое средство (sign vehicle) и десигнат (designatum). Необходимо принимать во внимание, что при исследовании такого сложного лингвистическо-философского явления, как семиозис, следует учитывать первичную взаимосвязь знаков, знаков и интерпретаторов, знаков и объектов [17, p. 75].

Рассматривая семиотическую сторону лингвоэкологии, важно понимать, что взаимное функционирование иконических и вербальных образований создаёт цельность, завершённость и стройность семиотическому тексту в силу наличия комбинации разнокодовой информации.

Д. С. Лихачёв в своих размышлениях предлагает теорию «экологии культуры», которая подразумевает изучение внутреннего взаимодействия многообразных природных связей, восприятия мира и его производных как единого целого. Под данным термином он понимает не столько культурные артефакты (литература, архитектура, искусство и т. д.), сколько естественное окружение любого человека, его привычки, традиции, пристрастия. Если же в естественном природном порядке один из элементов «выходит из строя», неправильно работает, в этот самый момент следует внести необходимые корректировки, чтобы сохранить естественное целое Вселенной. Эти действия выступают в теории Д. С. Лихачёва как цели экологии. Он допускает вмешательство человека в природные циклы исключительно ради защиты и поддержания надлежащего уровня функционирования. Выделяются две части: часть охранения культуры и часть охранения природы. Причём обе эти части абсолютно равнозначны – человечество может погибнуть не только вследствие природных катастроф, но и по причине разрушения культуры. Экология рассматривается как самостоятельное, полноценное научное направление, созданное на конкретных мировоззренческих установках целостного миропорядка.

Если же человек вторгается в устройство природы с целью навредить или разрушить, в этом случае предлагается термин «гомосферы», предполагающий вмешательство не только здоровое, но и неоправданное. По этой причине экологами необходимо оберегать как естественное, так и создаваемое человеком культурное пространство. Люди не должны быть противопоставлены природе, они совместно с ней создают единый живой организм. При этом данное единство возможно и даже необходимо улучшать (благодаря взаимодействию с различными науками). Цель деятельности человека – усовершенствование мира, развитие его форм.

Отдельные культурные пласты разнятся географически и исторически, у них свои пути развития. Но несмотря на эти особенности, они объединяются в храмах культуры – музеях, архивах, библиотеках и т. д. Д. С. Лихачёв не разделяет исследования отдельных культур изолированно от мирового культурного пространства, и не только культурного. Особо отмечается взаимосвязь с естественными науками [8, с. 302].

Выделяется значение вопросов нравственности. Учитывая всю сложность и неоднозначность данного аспекта, невзирая на то, что моральные установки одного человека (даже при наличии признаков неопределённости) представляются чем-то совершенно реальным, предметным, а совесть всего человечества, выступающего как нераздельное, – это универсализация, подчёркивается природная составляющая любого человека, его генетическая способность жить в гармонии с ней. Любая цивилизация невозможна без нравственности, так как нравственность придаёт глубинные смыслы, сглаживает конфликты, регулирует общество.

С учётом эволюции теории коммуникативистики и лингвистики эмоций исследуются идеи структурно-эмоциональной компоненты языковой личности, которые делают возможным произвести оценку её экологичности. Предложенные В. И. Шаховским матрицы развивают идеи эмотивно-когнитивной компетенции *homo loquens* / *homo sentiens*. Под влиянием отрицательного мышления происходит размытие эмоционально-коммуникативной личности, по этой причине особую важность приобретает человеческая экология. Таким образом, возникает новая отрасль лингвистики эмоций, именуемая эмотивной лингвоэкологией. У эмоций существуют психологическая и физиологическая природы. *Homo loquens* одновременно являются и *homo sentiens* – человек чувствует и говорит одновременно. Языковая личность невозможна без эмоционально-экологического компонента. Изучая *homo loquens* в рамках парадигмы коммуникативистики и парадигмы эмотиологии, коммуникативная личность приобретает характеристики эмоционально-коммуникативной [1; 7; 11].

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

Исследования лингвоэкологии поднимают проблемы неэкологических эмоциональных речевых действий (деструкций), являющихся типичными для социальных коммуникативных актов (нарушение этических норм, традиций) и межличностного общения (потеря личной связи, ухудшение дружеского общения и т. д.).

Так, часто встречаются следующие лингвоцинизмы, в буквальном смысле разлагающие концепт «семья»: *яжемать* – данная лексическая единица является результатом окказионального словообразования (голофразис), её неэкологичность заключается в уничижительном обозначении женщины, имеющей ребёнка, высмеивании её трепетного отношения к нему; *личинус* – данная лексическая единица выступает в качестве окказионального словообразования (по конкретному образцу), неэкологичность выражена в циничном, язвительном обозначении самого ребёнка; *овуляшка* – лексическая единица представляет собой окказиональное словообразование (по конкретному образцу), неэкологичность в данном случае выражена в

уничижительном описании женщины, желающей во что бы то ни стало забеременеть, а также её возвышенных чувств к состоянию беременности; концепт «здоровый образ жизни»: *зожник* – лексическая единица является окказиональной отаббревиатурной производной, неэкологичность которой проявляется в саркастическом определении человека, придерживающегося здорового образа жизни; *фитоняшка* – лексическая единица представляет собой результат окказионального словообразования (контаминации), её неэкологичность заключается в ехидном обозначении девушки, активно занимающейся фитнесом и следящей за своей фигурой; *качок* – данная лексическая единица выступает в качестве окказионального словообразования (по конкретному образцу), неэкологичность данного окказионализма проявляется в резком, неприятном определении культуриста и/или в насмешке над мужчинами, усиленно развивающими мускулатуру; концепт «здоровье»: *ковидобесие* – лексическая единица является окказионализмом (контаминацией), неэкологичность её состоит в невежественном отрицании COVID-19, и/или в умышленном занижении опасности COVID-19, и/или в высмеивании суеты, связанной с распространением COVID-19; *намордник* – лексическая единица является неосемемой, её неэкологичность заключается в выражении сарказма в адрес мер предосторожности, касающихся распространения COVID-19; *ковидиот* – лексическая единица выступает в качестве окказионализма (контаминации), неэкологичность её выражена в оскорбительном определении человека, осознающего опасность COVID-19; концепт «мировоззрение»: *шаровер* – данная лексическая единица является результатом окказионального словообразования (контаминации), её неэкологичность выражена в пренебрежительном обозначении человека, придерживающегося теории о шарообразной земле.

Деструкции разрушают привычный, общепринятый порядок жизни, стимулируют низменные инстинкты, вносят хаос, беспорядок, агрессию. Дискурсивная практика, в свою очередь, доказывает, что достаточно сложно выявить закономерность между типом эмотивных знаков, порождающих эмоции, характером экологичного или неэкологичного общения и принципами эмоциональных проявлений.

Подобные неэкологические «лингводеструкции» периодически демонстрируются через СМИ. Зачастую массмедийная экология отличается иллюстрацией подчёркнуто негативных эмоций в синтаксисе и лексике. Негативные факты, которые вещают СМИ, отрицательно влияют на здоровье реципиента. Таким образом, интерпретатор периодически пребывает в семиотическом языковом круге отрицательных эмоциональных состояний [13, с. 15], в результате чего образуется «другая языковая личность» [10, с. 25], одним из признаков которой является наличие вербальной неэкологичности. Данное лингвистическое явление выступает как нравственно-этическое следствие

неэкологичного визуального и невербального поведения, неэкологичной коммуникации, которые и заложили иное мировоззрение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неэкологичное коммуникативное поведение выступает постоянно встречающимся явлением, широко распространённым в любых СМИ. А в силу того, что эмоции выступают в качестве мотивационной базы человеческого сознания, вопрос лингвистической безопасности коммуникации в нашем социуме следует рассматривать достаточно подробно. Хотя бы исключительно по этой причине закономерным является обращение к различным попыткам описать, структурировать, детально изучить различные аспекты эмотивной лингвоэкологии.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.08.2023

Статья размещена на сайте: 08.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста (для занимающихся иностранной филологией) [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/1101598> (дата обращения: 21.05.2023).
2. Евграфова Ю. А. Знак как средство конструирования реальности и манипуляции сознанием в семиотически осложнённых экранных текстах (на примере текстов кино и телевидения) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-3-914
3. Желтухина М. Р., Гавриш А. Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4. С. 120–125. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125
4. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Энциклопедия «Дискурсология». 2013. Т. 10. № 3. С. 292–296.
5. Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 13–27. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.2
6. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 20–30.

7. Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И. Инакость как параметр коммуникативного взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083
8. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2022. 544 с.
9. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович. М.: Логос, 2000. 448 с.
10. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. М.: URSS, 2009. С. 16–29.
11. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016. 512 с.
12. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79
13. Шаховский В. И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11–19.
14. Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки / под ред. Ю. В. Рождественского. М.: Наука, 1967. С. 19–47.
15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 1998. 432 с.
16. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication / M. R. Zheltukhina, N. I. Klushina, E. B. Ponomarenko, N. N. Vasilkova, A. I. Dzyubenko // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. № 4. P. 96–105. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.09
17. Morris C. Signification and significance. A study of the relation of signs and values. Cambridge: The M.I.T. Press, 1964. 99 p.

REFERENCES

1. Bogin G. I. *Metodologicheskoe posobie po interpretatsii khudozhestvennogo teksta (dlya zanimayushchikhsya inostrannoi filologii)* [Methodological guide to the interpretation of literary text (for those studying foreign philology)]. Available at: <https://studfile.net/preview/1101598> (accessed: 21.05.2023).
2. Evgrafova Yu. A. [Sign as the means of constructing reality and mind control in semiotically expanded screen texts (based on the texts of cinema and television)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-3-914
3. Zheltukhina M. R., Gavrish A. D. [Emotiogenicity of modern media texts]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Is-

- sues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2018, no. 4, pp. 120–125. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125
4. Zheltuhina M. R. [Media discourse]. In: *Entsiklopediya «Diskursologiya»* [Encyclopedia “Discursology”], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 292–296.
5. Ionova S. V. [Emotional dominant of the text: some linguistic aspects of research]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 13–27. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.2
6. Ionova S. V. [Emotional effects of positive forms of communication]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2015, no. 1, pp. 20–30.
7. Kislyakova E. Yu., Madzhaeva S. I. [Otherness as a parameter of communicative interaction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083
8. Likhachov D. S. [Selected works on Russian and world culture]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2022. 544 p.
9. Pierce Ch. S. Selected philosophical works (Rus. ed.: Golubovich K., transl. *Izbranniye filisovskie proizvedeniya*. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p.).
10. Sirotnina O. B. [Basic criteria for good speech]. In: Kormilitsina M. A., Sirotnina O. B., eds. *Khoroshaya rech'* [Good speech]. Moscow, URSS Publ., 2009, pp. 16–29.
11. Shakhovskiy V. I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of environmental friendliness in the communication circle: person, language, emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I. L. Publ., 2016. 512 p.
12. Shakhovskiy V. I. [The cognitive matrix of emotional-communicative personality]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, no. 1, pp. 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79
13. Shakhovsky V. I. [Ecological compatibility mode in emotional communication]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2015, no. 1, pp. 11–19.
14. Shchedrovitskii G. P. [On the method of semiotic research of sign systems]. In: Rozhdestvenskii Yu. V., ed. *Semiotika i vostochnye yazyki* [Semiotics and oriental languages]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 19–47.
15. Eco U. La struttura assente: introduzione alla ricerca semiologica (Rus. ed.: Reznik V., Pogonyailo A., transl. *Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. St. Petersburg, Simposium Publ., 1998. 432 p.).
16. Zheltukhina M. R., Klushina N. I., Ponomarenko E. B., Vasilkova N. N., Dzyubenko A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication. In: *XLinguae Journal*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 96–105. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.09
17. Morris C. Signification and significance. A study of the relation of signs and values. Cambridge, The M.I.T. Press, 1964. 99 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зиньковская Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anastassiat@rambler.ru

Сахно Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: annasakhno2013@gmail.com

Anastasia V. Zinkovskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Kuban State University; e-mail: anastassiat@rambler.ru

Anna A. Sakhno – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Kuban State University; e-mail: annasakhno2013@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Зиньковская А. В., Сахно А. А. Проблемы медийной лингвоэкологии в аспекте семиотического поля // Российский социально-гуманитарный журнал (электронный журнал). 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Zinkovskaya A. V., Sakhno A. A. Problems of media ecolinguistics in the aspect of semiotic field. In: *Russian Social and Humanitarian Journal (e-journal)*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.23

Мачулис А. А., Мазирка И. О., Лукин Д. С.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИ РАЗГРАНИЧЕНИИ ФЕМИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УЭЛЬСЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Доказать справедливость выделения и определения частотности использования языковых средств выразительности, используемых в политическом дискурсе представителями политического истеблишмента Уэльса разных гендеров, как одного из основных детерминантов при разграничении черт феминности и маскулинности некоторых видов политической коммуникации в Уэльсе.

Процедура и методы. Базируясь на отобранных методом сплошной выборки политических текстах представителей правящей партии Уэльса, а именно четырёх женщин и четырёх мужчин-политиков (интервью, выступления в парламенте Уэльса, выступления на публичных мероприятиях в Уэльсе, декларирование посланий / заявлений / обращений к гражданам страны, а также открытые письма), а также применяя метод стилистического и контекстуального анализа этих текстов, авторы осуществили поиск, описание и анализ в них языковых средств выразительности с дополнительным привлечением к данному процессу дескриптивного и сравнительно-сопоставительного методов. Подсчёт языковых средств выразительности происходил посредством использования количественного метода с последующей интерпретацией результатов исследования.

Результаты. Посредством анализа лексического и стилистико-синтаксического уровней политических текстов как результата осуществления политической коммуникации выбранными для рассмотрения государственными деятелями Уэльса, а также анализа найденных нами в этих текстах языковых средств выразительности доказано, что частотность последних, а следовательно, и предпочтительность их выбора для использования представителями двух основных гендеров в некоторых видах политической коммуникации и политического дискурса в Уэльсе могут служить одним из детерминантов соотнесения данного вида дискурса с феминностью или маскулинностью политической коммуникации на этой территории Великобритании в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты подтверждают важность рассмотрения политического дискурса с позиций гендерной лингвистики, поскольку анализ использованных в нём лексем и выражений показывает вероятную обусловленность употребления последних адресантом политической коммуникации определённого гендера, что способствует не только более корректному содержательному толкованию разнообразных политических текстов, но и более эффективному их созданию. Кроме того, полученные данные дополняют и расширяют знания в современном языкознании в области гендерной лингвистики и стилистики. В частности, результаты исследования могут быть полезны и/или быть использованы в рамках ведения курсов по политической лингвистике, лингвистике текста, теории языка, сравнительно-сопоставительного языкознания, культурологии и др. Учёт гендера адресанта в политической коммуникации помогает адресату лучше понять намерения и стратегию оратора, а адресанту – эффективнее воздействовать на потенциального реципиента текста при достижении своих целей

в рамках борьбы за власть; соответственно, всем участникам политической коммуникации – успешнее осуществлять такую деятельность в общем для них социально-политическом контексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический дискурс, политическая коммуникация, политический текст, маскулинность, феминность, языковые средства выразительности

СТРУКТУРА

Введение

Политический дискурс первого министра Уэльса М. Дрейкфорда (M. Drakeford)

Политический дискурс министра образования и валлийского языка Уэльса Дж. Майлза (J. Miles)

Политический дискурс министра экономики Уэльса В. Гетингса (V. Gething)

Политический дискурс генерального советника Уэльса М. Антониwa (M. Antoniwi)

Политический дискурс министра финансов Уэльса Р. Эванс (R. Evans)

Политический дискурс министра сельского хозяйства Уэльса Л. Гриффитса (L. Griffiths)

Политический дискурс министра по вопросам изменений климата Дж. Джеймса (J. James)

Политический дискурс министра здравоохранения Уэльса Э. Морган (E. Morgan)

Заключение

A. Machulis, I. Mazirka, D. Lukin

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION AS DETERMINANTS IN DISTINGUISHING BETWEEN FEMININITY AND MASCULINITY OF POLITICAL COMMUNICATION IN WALES

ABSTRACT

Aim. To prove the validity of the identification and determination of the frequency of use of linguistic means of expression used in political discourse by representatives of the Welsh political establishment of different genders, as one of the main determinants in distinguishing the features of femininity and masculinity of some types of political communication in Wales.

Methodology. Based on the continuous sampling method, the authors selected the political texts of representatives of the ruling party of Wales, namely four female and four male politicians (interviews, speeches in the Parliament of Wales, speeches at public events in Wales, declaring messages /statements /appeals to citizens of the country, as well as open letters). Using the method of stylistic and contextual analysis of these texts, the authors carried out a search, description and analysis of linguistic means of expression in them, additionally applying the descriptive and comparative methods in this process. The calculation of linguistic means of expression was carried out through the use of a quantitative method with the subsequent interpretation of the research results.

Result. By analyzing the lexical and stylistic-syntactic levels of political texts as a result of political communication by the Welsh statesmen chosen for consideration, as well as by analyzing the linguistic means of expression found in these texts, it is proved that the frequency of the latter, and therefore, and the preference of their choice for use by the gender representatives in some types of political communication and political discourse in Wales can serve as one of the determinants of the correlation of this discourse type with femininity or masculinity of political communication in this territory of Great Britain as a whole.

Research implications. The results obtained confirm the importance of considering political discourse from the standpoint of gender linguistics, since the analysis of the lexemes and expressions used in it shows the probable conditionality of the use of the latter by the political communication speaker of a certain gender, which contributes not only to a more correct meaningful interpretation of various political texts, but also to their more effective creation. Moreover, the data obtained complement and expand knowledge in modern linguistics in the field of gender linguistics and stylistics. In particular, the results of the research can be useful in the framework of conducting courses on political linguistics, text linguistics, language theory, comparative linguistics, cultural studies, etc. Taking into account the speaker's gender in political communication helps the addressee to better understand the intentions and strategy of the speaker, and the speaker is able to more effectively influence the potential recipient of the text in achieving their goals within the framework of the power struggle; therefore, all participants in political communication are more successful in carrying out such activities in their general socio-political context.

KEYWORDS

political discourse, political communication, political text, masculinity, femininity, linguistic means of expression

ВВЕДЕНИЕ

Анализ политического дискурса / текста в рамках гендерной лингвистики способствует более точному раскрытию исследователем причинно-следственной связи между языком / употреблением языковых единиц и гендером адресанта политической коммуникации. Постоянно растущий интерес к подобным исследованиям англоязычного политического дискурса Великобритании в целом и на территории её регионов в частности обуславливает цель настоящего исследования, которая заключается в доказательстве справедливости выделения и определения частотности использования языковых средств выразительности, используемых в политическом дискурсе представителями политического истеблишмента Уэльса разных гендеров, как одного из основных детерминантов при разграничении черт феминности и маскулинности некоторых видов политической коммуникации в Уэльсе.

Гендерные исследования начинают особенно активно развиваться в различных областях науки, включая лингвистику, в конце XX в., что приводит к появлению новых подходов к изучению языка и коммуникации. Учитывая гендерные аспекты политического дискурса, лингвисты начали рассматривать феминность и маскулинность политической коммуникации как отдельные понятия, позднее ставшие центральными в гендерной лингвистике, по-

скольку они были тесно связаны с объектом и целями исследований этого раздела языкознания: «взаимоотношение языка и пола, т. е. вопрос о том, каким именно образом пол манифестируется в языке – номинативная система, лексика, синтаксис, категория рода и прочее» [3] (см. также работы [7] и [8]). Появление обсуждаемых нами понятий также связывают и с феминистской критикой языка, основополагающие положения которой впервые нашли своё отражение в работе Р. Лакоффа (R. Lakoff) [10].

Феминность в политической коммуникации обычно ассоциируется с такими характеристиками политика, как его эмоциональность, тяга к сотрудничеству, приверженность социальной ответственности и заботе об окружающих. Поэтому политические деятели-женщины обычно используют следующие феминные коммуникативные стратегии: акцент на сотрудничестве, эмоциональную апелляцию к аудитории дискурса и налаживание комфортных для всех участников коммуникации межличностных отношений. Маскулинность же в политической коммуникации, напротив, связывается в сознании людей с такими чертами политика, как рациональность, авторитарность, уверенность политика в себе и в принимаемых им решениях. Поэтому политики-мужчины чаще используют в том же виде коммуникации такие маскулинные коммуникативные стратегии, как акцент на экспертизе, лидерстве и агрессивности, т. е. особо подчёркивают свой статус эксперта в определённой области, обозначая абсолютную уверенность в правильности принятия своих решений и выпукло демонстрируя свои лидерские качества.

Говоря о политическом дискурсе Уэльса и его гендерных особенностях, необходимо учитывать, что данный регион является частью Великобритании и, очевидно, имеет ряд схожих тенденций ведения политической коммуникации представителями власти данного государства. К современным тенденциям политической коммуникации Великобритании относят: усиление влияния медиа на политические события в этой стране, т. е. «на страницах медиа-изданий происходит взаимодействие и слияние различных языковых структур, дискурсов, сфер общественной деятельности» [4]; укрепление позиций правых политических сил, высокую степень профессионализма политика и его приверженность к политической корректности и инклюзивной коммуникации [6], использование им разнообразных средств коммуникации, а также важную для нашего исследования тенденцию к повышению роли эмоций и эмоциональных аспектов в процессе осуществления политической коммуникации [1]. Эта тенденция продиктована стремлением политиков создавать более тесную эмоциональную связь со своей потенциальной аудиторией, так как политическая коммуникация призвана не только информировать эту аудиторию, но и вызывать у неё определённые эмоции. Исследователь А. А. Горностаева, в одной из своих статей говоря о политическом дискурсе последних лет, утверждает, что, «с одной стороны, он приобрёл достаточно

агрессивный характер, с другой стороны, по своим характеристикам приближается к ток-шоу, цель которого – веселить и развлекать аудиторию» [2].

Для достижения нужного политикой «уровня эмоциональности» он часто прибегает к представлению публике своих персональных историй, приводя яркие примеры из своего богатого жизненного опыта и активно обращаясь к чувствам аудитории; при этом политическим деятелем активно используются разнообразные языковые средства выразительности и риторические приёмы. Так, исследователь Е. М. Крижановская в своей статье пишет, например, что «применение иронии является не только риторическим средством, но и приёмом развёртывания речевого произведения» [5].

Языковые средства выразительности (ЯСВ) – инструменты, используемые в любом политическом дискурсе, в том числе и Уэльса, для описания сложных понятий и идей в ярких и одновременно более простых для понимания и запоминания адресатом этого дискурса выражениях. Цель ЯСВ – также придать положительную или отрицательную окраску тем или иным событиям, в том числе и из политической сферы жизни. Для достижения необходимого политикой эффекта при общении со своей аудиторией и оказания на неё нужного ему эмоционального воздействия он, как правило, оперирует целым набором ЯСВ (метафорами, эпитетами, антитезами, повторами, риторическими вопросами и т. д.) и другими риторическими приёмами, которые являются важным аспектом ведения политической коммуникации, в том числе и на территории Уэльса [9].

Феминность политической коммуникации выражается в большей частотности употребления ЯСВ в политическом дискурсе.

Проведя анализ политического дискурса / текстов представителей правящей партии Уэльса двух гендеров в рамках ведения политиками своей коммуникации и определив частотность употребления в их дискурсе ЯСВ, мы выявили, какую стратегию преимущественно выбирал каждый из адресантов в рамках определённой коммуникативной ситуации и как это зависело от его гендерной принадлежности.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПЕРВОГО МИНИСТРА УЭЛЬСА М. ДРЕЙКФОРДА (M. DRAKEFORD)

Приведём количественные данные употребления М. Дрейкфордом ЯСВ в его политическом дискурсе, а именно в рамках интервью валлийскому интернет-изданию «Уэльс-Онлайн» (Wales Online) в декабре 2022 г.¹, в ходе выступления на пленарном заседании в парламенте Уэльса 15 июня 2022 г.², в

¹ The Mark Drakeford interview as First Minister confirms he intends to stand down in 2024 // WalesOnline: [сайт]. URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/politics/mark-drakeford-interview-first-minister-25808177> (дата обращения: 05.02.2023).

² Welsh Parliament. Committee for the Scrutiny of the First Minister (15/07/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.assembly.wales/Committee/12932#C444311> (дата обращения: 20.10.2022).

выступлении во время визита на завод «Тойота»³ и на встрече с представителями работников морской отрасли в Уэльсе⁴, в речи в ходе посещения политиком Международного Прибрежного Центра Уэльса (Wales International Coastal Centre) в гавани Сондерсфут (Saundersfoot)⁵ и в обращениях к нации по случаю празднования Дня Святого Давида⁶, снятия ограничений, связанных с COVID-19⁷, празднования Рождества в Уэльсе⁸ (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Употребление М. Дрейкфордом уникальных языковых средств выразительности в его политическом дискурсе / M. Drakeford's use of unique linguistic means of expression in his political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1791	28	1,56	17	0,95	26	1,45	71	3,96
Выступление в парламенте Уэльса	1837	39	2,12	19	1,03	15	0,82	73	3,97
Выступление на публичном мероприятии в Уэльсе	397	5	1,26	1	0,25	21	5,29	27	6,80
Деклари- рование послания / за- явления / обра- щения к граж- данам страны или открытое письмо	518	9	1,74	9	1,74	38	7,33	56	10,81

³ Toyota celebrates 30 years of manufacturing in Deeside // Toyota UK Media Site: [сайт]. URL: <https://media.toyota.co.uk/toyota-celebrates-30-years-of-manufacturing-in-deeside> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Welsh marine bosses meet First Minister at Pembroke Dock headquarters // The Tenby Observer: [сайт]. URL: www.tenby-today.co.uk/news/welsh-marine-bosses-meet-first-minister-at-pembroke-dock-headquarters-559207 (дата обращения: 17.12.2022).

⁵ First Minister visits sunny Saundersfoot to celebrate Wales as top tourism spot // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://www.gov.wales/first-minister-visits-sunny-saundersfoot-celebrate-wales-top-tourism-spot> (дата обращения: 19.12.2022).

⁶ Mark Drakeford's St David's Day message to the people of Wales // WalesOnline: [сайт]. URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/mark-drakeford-st-davids-day-26354742> (дата обращения: 19.12.2022).

⁷ Coronavirus regulations to end in Wales // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://www.gov.wales/coronavirus-regulations-to-end-in-wales> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Mark Drakeford delivers first Christmas message since lifting of Covid restrictions // Nation.Cymru: [сайт]. URL: <https://nation.cymru/news/mark-drakeford-delivers-first-christmas-message-since-lifting-of-covid-restrictions> (дата обращения: 11.01.2023).

Поясним данные из таблицы 1. М. Дрейкфорд в рамках осуществления им политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: уникальные стилистико-синтаксические единицы (далее – УССЕ) – всего 81 раз («риторический вопрос» – 3 раза, «антитеза» – 6 раз, «анафора» – 12 раз, «эпифора» – 12 раз, «эллипсис» – 11 раз, «градация» – 3 раза, «синтаксический параллелизм» – 5 раз, «синтаксические конструкции с усиленным глаголом *do*» – 5 раз, «вводные слова и конструкции» – 24 раза); лексические средства выразительности (далее – ЛСВ) – всего 46 раз («фразеологизм» – 3 раза, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 29 раз, лексика из валлийского языка – 6 раз, «лексический повтор» – 8 раз); а также тропы – всего 100 раз («эпитет» – 39 раз, «метафора» – 30 раз, «метонимия» – 8 раз, «гипербола / литота» – 10 раз, «эвфемизм» – 2 раза, «плеоназм» – 1 раз, «олицетворение» – 9 раз, «синекдоха» – 1 раз).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА ОБРАЗОВАНИЯ И ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКА УЭЛЬСА ДЖ. МАЙЛЗА (J. MILES)

Приведём количественные данные употребления Дж. Майлзом ЯСВ в его политическом дискурсе, а именно в рамках интервью, которое он дал валлийскому интернет-изданию «Эмма и Том Ток Тичин» (Emma & Tom Talk Teaching) в мае 2022 г.⁹, в ходе выступления политика на пленарном заседании в парламенте Уэльса 29 июня 2022 г.¹⁰, выступлений на публичных мероприятиях в рамках визита министра в образовательные организации Уэльса в марте 2022 г.¹¹ и в мае 2022 г.¹²; во время посещения политическим деятелем благотворительной организации в июне 2022 г.¹³ и выступления в рамках «Дня безопасного интернета» (Safer Internet Day) в феврале 2023 г.¹⁴ в Уэльсе,

⁹ Emma & Tom Talk Teaching: An Interview with Jeremy Miles // Listen Notes: [сайт]. URL: <https://www.listennotes.com/podcasts/emma-tom-talk/an-interview-with-jeremy-miles-pflx5EeA1vT> (дата обращения: 14.10.2022).

¹⁰ Welsh Parliament. Children, Young People and Education Committee (29/06/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.senedd.wales/Committee/12853#C437790> (дата обращения: 13.10.2022).

¹¹ £25m investment in Community Focused Schools to tackle impact of poverty // Wales News Online: [сайт]. URL: <https://walesnewsonline.com/25m-investment-in-community-focused-schools-to-tackle-impact-of-poverty> (дата обращения: 17.10.2022).

¹² 10-year plan launched to increase the number of Welsh-speaking teachers // Wales News Online: [сайт]. URL: <https://walesnewsonline.com/10-year-plan-launched-to-increase-the-number-of-welsh-speaking-teachers> (дата обращения: 17.10.2022).

¹³ Radical action needed to create a truly equitable education system for all // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://media.service.gov.wales/news/radical-action-needed-to-create-a-truly-equitable-education-system-for-all> (дата обращения: 17.10.2022).

¹⁴ UK Safer Internet Centre [Электронный ресурс]. URL: <https://saferinternet.org.uk/jeremy-miles-the-minister-for-education-and-welsh-language> (дата обращения: 20.10.2022).

а также в открытом письме к профсоюзу учителей Уэльса (Teaching unions) в октябре 2022 г.¹⁵(табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Употребление Дж. Майлзом уникальных языковых средств
выразительности в его политическом дискурсе / J. Miles' use of unique
linguistic means of expression in his political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	802	24	2,99	6	0,75	18	2,24	48	5,98
Выступление в парламенте Уэльса	1261	34	2,70	13	1,03	47	3,72	94	7,45
Выступление на публичном меро- приятии в Уэльсе	597	6	1,00	17	2,85	43	7,20	66	11,05
Декларирование послания / заяв- ления / обраще- ния к гражданам страны или от- крытое письмо	379	4	1,05	11	2,90	23	6,07	38	10,02

Поясним данные из таблицы 2. Дж. Майлз в рамках осуществления им политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 68 раз («риторический вопрос» – 2 раза, «антитеза» – 5 раз, «анафора» – 5 раз, «эпифора» – 4 раза, «эллипсис» – 4 раза, «градация» – 3 раза, «синтаксический сравнительный оборот» – 1 раз, «вводные слова и конструкции» – 44 раза); ЛСВ – всего 47 раз («фразеологизм» – 2 раза, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 39 раз, «лексический повтор» – 6 раз); а также тропы – всего 131 раз («эпитет» – 63 раза, «метафора» – 41 раз, «метонимия» – 8 раз, «гипербола / литота» – 8 раз, «эвфемизм» – 7 раз, «олицетворение» – 4 раза).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА ЭКОНОМИКИ УЭЛЬСА В. ГЕТИНГСА (V. GETHING)

Приведём количественные данные употребления В. Гетингсом ЯСВ в его политическом дискурсе, а именно в ходе интервью политика Британскому

¹⁵ Teachers threatening strikes told Welsh Government simply can't afford to pay what they want // WalesOnline: [сайт]. URL: <https://www.walesonline.co.uk/news/education/teachers-threatening-strikes-told-welsh-25262477> (дата обращения: 09.11.2022).

изданию «Би-Би-Си Саундс» (BBC Sounds), проходившего в рамках программы «Уэльскаст» (Walescast) в августе 2022 г.¹⁶, в ходе выступления политика на заседании финансового комитета в парламенте Уэльса 22 июня 2022 г.¹⁷, выступления министра на публичном мероприятии в Уэльсе, а именно на награждении победителей программы «Уэлш Экспорт Чемпионс» (Welsh Export Champions) в марте 2023 г. в Уэльсе¹⁸, а также в рамках открытого обращения В. Гетингса к гражданам Уэльса в феврале 2023 г. с постановлением об основных направлениях развития экономики региона¹⁹ (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Употребление В. Гетингсом уникальных языковых средств выразительности в его политическом дискурсе / V. Gethings' use of unique linguistic means of expression in his political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1991	41	2,06	8	0,40	57	2,86	106	5,32
Выступление в парламенте Уэльса	1961	17	0,87	22	1,12	57	2,90	96	4,89
Выступление на публичном меро- приятии в Уэльсе	801	0	0	11	1,37	46	5,74	57	7,11
Декларирование послания / заявле- ния / обращения к гражданам страны или открытое письмо	1084	2	0,19	20	1,84	60	5,53	82	7,56

Поясним данные из таблицы 3. В. Гетингс в рамках осуществления им политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 60 раз («риторический вопрос» – 11 раз, «антитеза» – 2 раза,

¹⁶ Walescast: When we met Vaughan Gething at Lisvane Cricket Club // BBC Radio Wales: [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p0cvvkw5> (дата обращения: 14.01.2023).

¹⁷ Welsh Parliament. Finance Committee (22/06/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.assembly.wales/Committee/12863#C435951> (дата обращения: 14.01.2023).

¹⁸ Economy Minister Vaughan Gething salutes Welsh export champions // BusinessLive: [сайт]. <https://www.business-live.co.uk/opinion-analysis/export-champions-doing-business-globally-26399238> (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁹ Vaughan Gething outlines his priorities for the Welsh economy // BusinessLive: [сайт]. URL: <https://www.business-live.co.uk/economic-development/vaughan-gething-outlines-priorities-welsh-26132052> (дата обращения: 17.03.2023).

«анафора» – 5 раз, «эпифора» – 4 раза, «эллипсис» – 1 раз, «градация» – 2 раза, «синтаксический сравнительный оборот» – 2 раза, «синтаксический параллелизм» – 2 раза, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 9 раз, «вводные слова и конструкции» – 21 раз, инверсия – 1 раз); ЛСВ – всего 61 раз («фразеологизм» – 1 раз, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 57 раз, «лексический повтор» – 3 раза); а также тропы – всего 220 раз («эпитет» – 90 раз, «метафора» – 76 раз, «метонимия» – 19 раз, «гипербола / литота» – 1 раз, «эвфемизм» – 3 раза, «плеоназм» – 7 раз, «олицетворение» – 24 раза).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТНИКА УЭЛЬСА М. АНТОНИВА (M. ANTONIW)

Приведём количественные данные употребления М. Антониным ЯСВ в его политическом дискурсе, а именно в интервью одной из программ на валлийском радиоканале «ГТФМ» (GTFM) в октябре 2020 г.²⁰, в ходе выступления политика на пленарном заседании в парламенте Уэльса 9 ноября 2022 г.²¹, выступлений советника на публичном мероприятии «Национальный гражданский разговор о нашем конституционном будущем» (A National Civic Conversation about our Constitutional Future), проходившем в центре государственного управления Университета Кардифа (Cardiff University's Wales Governance Centre) в Уэльсе в июле 2021 г.²², а также в рамках открытого обращения М. Антонива к гражданам по итогам проведения правовой конференции в Уэльсе в июле 2022 г.²³ и по итогам оглашения постановления «Осуществления правосудия в Уэльсе» (Delivering Justice for Wales) в мае 2022 г.²⁴ (табл. 4).

²⁰ Mick Antoniw AM GTFM interview October 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zUV_stj7A7M (дата обращения: 04.04.2023).

²¹ Welsh Parliament. Plenary (09/11/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.senedd.wales/Plenary/13044> (дата обращения: 08.04.2023).

²² Mick Antoniw MS, Counsel General and Minister for the Constitution. Speech at Cardiff University's Wales Governance Centre: A National Civic Conversation about our Constitutional Future (05/07/2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cardiff.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0003/2532405/Counsel-General-Speech.pdf (дата обращения: 22.03.2023).

²³ Counsel General calls on UK government to “change course on justice” // Wales News Online: [сайт]. URL: <https://walesnewsonline.com/counsel-general-calls-on-uk-government-to-change-course-on-justice> (дата обращения: 11.03.2023).

²⁴ Welsh Government outline principles for a reformed justice system // Welsh Government: [сайт]. URL: https://www.gov.wales/welsh-government-outline-principles-for-a-reformed-justice-system?utm_source=rss-announcements&utm_medium=rss-feed&utm_campaign=announcements-Welsh+Government+outline+principles+for+a+reformed+justice+system (дата обращения: 11.03.2023).

Таблица 4 / Table 4

Употребление М. Антониным уникальных языковых средств выразительности в его политическом дискурсе / M. Antoniv's use of unique linguistic means of expression in his political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1913	36	1,88	27	1,41	56	2,93	119	6,22
Выступление в парламенте Уэльса	2381	23	0,97	24	1,00	81	3,40	128	5,37
Выступление на публичном меро- приятии в Уэльсе	1859	11	0,59	24	1,29	74	3,98	109	5,86
Декларирование послания / заяв- ления / обраще- ния к гражданам страны или от- крытое письмо	291	0	0,00	9	3,09	28	9,62	37	12,71

Поясним данные из таблицы 4. М. Антонив в рамках осуществления политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 70 раз («риторический вопрос» – 6 раз, «антитеза» – 3 раза, «анафора» – 21 раз, «эпифора» – 4 раза, «эллипсис» – 3 раза, «градация» – 1 раз, «синтаксический сравнительный оборот» – 2 раза, «синтаксический параллелизм» – 1 раз, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 7 раз, «вводные слова и конструкции» – 21 раз, «инверсия» – 1 раз); ЛСВ – всего 84 раза («фразеологизм» – 2 раза, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 74 раза, «лексический повтор» – 8 раз); а также тропы – всего 239 раз («эпитет» – 101 раз, «метафора» – 72 раза, «метонимия» – 31 раз, «гипербола / литота» – 4 раза, «эвфемизм» – 1 раз, «олицетворение» – 30 раз).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА ФИНАНСОВ УЭЛЬСА Р. ЭВАНС (R. EVANS)

Приведём количественные данные употребления Ребеккой Эванс ЯСВ в её политическом дискурсе, а именно в рамках интервью политика представителю британского независимого аналитического центра (Institute for Government) в марте 2021 г.²⁵, в ходе выступления политика на пленарном заседании в парламенте Уэльса 23 марта 2023 г.²⁶, выступлений на публичных мероприятиях в

²⁵ In conversation with Rebecca Evans MS, Welsh Minister for Finance // Institute for Government: [сайт]. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/event/rebecca-evans-welsh-minister-finance> (дата обращения: 09.09.2021).

²⁶ Welsh Parliament. Plenary (22/03/2023) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.assembly.wales/Plenary/13266#C493587> (дата обращения: 02.04.2023).

Уэльсе в рамках визита политика в город Пембрукшир (Pembrokeshire) в марте 2023 г.²⁷, при запуске программы работы по исследованию административных данных в Уэльсе (ADR Wales Programme of Work) в декабре 2022 г.²⁸; во время её выступления в марте 2023 г. после оглашения правительством Великобритании бюджета региона²⁹ в Уэльсе, а также в ходе обращений министра к гражданам Уэльса с информацией о предпринятых правительством страны шагах по восстановлению экономики региона после пандемии COVID-19 в феврале 2021 г.³⁰ и в тексте открытого письма (постановления) с критикой политики Великобритании в отношении Уэльса в феврале 2022 г.³¹ (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Употребление Р. Эванс уникальных языковых средств выразительности в её политическом дискурсе / R. Evans' use of unique linguistic means of expression in her political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1422	28	1,97	22	1,55	53	3,72	103	7,24
Выступление в парламенте Уэльса	1723	34	1,97	24	1,39	42	2,44	100	5,80
Выступление на публичном мероприятии в Уэльсе	549	3	0,54	13	2,37	27	4,92	43	7,83
Декларирование послания / заявления / обращения к гражданам страны или открытое письмо	833	4	0,48	16	1,92	34	4,08	54	6,48

²⁷ Minister encourages Pembrokeshire residents to make use of support available to keep warm and keep well // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://media.service.gov.wales/news/minister-encourages-pembrokeshire-residents-to-make-use-of-support-available-to-keep-warm-and-keep-well> (дата обращения: 02.04.2023).

²⁸ ADR Wales Programme of Work launch at Welsh Parliament's Senedd Cymru // Sail Databank: [сайт]. URL: <https://saildatabank.com/adr-wales-programme-of-work-launch-at-welsh-parliaments-senedd-cymru> (дата обращения: 02.02.2023).

²⁹ Budget helps protect public services and the most vulnerable // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/budget-helps-protect-public-services-and-the-most-vulnerable> (дата обращения: 28.03.2023).

³⁰ Rebecca Evans MS says UK Budget must take crucial steps to help with pandemic recovery [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leaderlive.co.uk/news/19123304.rebecca-evans-ms-says-uk-budget-must-take-crucial-steps-help-pandemic-recovery> (дата обращения: 02.04.2023).

³¹ Minister says "UK Government has failed to honour repeated promises to Wales" // Wales News Online: [сайт]. URL: <https://walesnewsonline.com/minister-says-uk-government-has-failed-to-honour-repeated-promises-to-wales> (дата обращения: 02.04.2023).

Поясним данные из таблицы 5. Р. Эванс в рамках осуществления ею политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 69 раз («антитеза» – 4 раза, «анафора» – 6 раз, «эпифора» – 1 раз, «эллипсис» – 2 раза, «градация» – 1 раз, «синтаксический сравнительный оборот» – 1 раз, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 12 раз, «вводные слова и конструкции» – 42 раза); ЛСВ – всего 75 раз («фразеологизм» – 2 раза, «термины, профессиональной лексики и топонимы» – 68 раз, «лексический повтор» – 5 раз); а также тропы – всего 156 раз («эпитет» – 66 раз, «метафора» – 54 раза, «метонимия» – 7 раз, «гипербола / литота» – 7 раз, «эвфемизм» – 7 раз, «плеоназм» – 4 раза, «олицетворение» – 11 раз).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УЭЛЬСА Л. ГРИФФИТС (L. GRIFFITHS)

Приведём количественные данные употребления Л. Гриффитс ЯСВ в её политическом дискурсе, а именно в интервью политика для «Бизнес Ньюс Уэльс» (Business News Wales), проходившем в рамках программы «Бизнес Уикли Подкаст» (Business Weekly Podcast) в июле 2021 года³², в ходе выступления политика на пленарном заседании в парламенте Уэльса 26 октября 2022 г.³³, выступлений на публике в рамках встреч министра с представителями общественности в городе Рексем (Уэльс) в октябре 2022 г., по итогам встречи с волонтерами в Рексеме в феврале 2023 г. и при обсуждении вопросов, связанных с парковками в указанном ранее городе³⁴, а также при декларировании постановления о регулировании отрасли рыболовства в рамках правитель-

³² Exclusive Interview – Lesley Griffiths MS, Minister for Rural Affairs, North Wales and Trefnydd // UK Podcasts: [сайт]. URL: <https://uk-podcasts.co.uk/podcast/business-news-wales-podcasts/exclusive-interview-lesley-griffiths-ms-minister-f> (дата обращения: 11.08.2021).

³³ Welsh Parliament. Plenary (26/10/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.senedd.wales/Plenary/13014#C457489> (дата обращения: 13.11.2022).

³⁴ Budget helps protect public services and the most vulnerable // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/budget-helps-protect-public-services-and-the-most-vulnerable/> (дата обращения: 28.03.2023); Millions of pounds of National Lottery funding supporting Wrexham projects // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/millions-of-pounds-of-national-lottery-funding-supporting-wrexham-projects> (дата обращения: 20.11.2022); MS supports local British Heart Foundation charity shop // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/ms-supports-local-british-heart-foundation-charity-shop> (дата обращения: 28.03.2023); Parking issues persist at Island Green but regular communication providing “glimmer of hope” // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/parking-issues-persist-at-island-green-but-regular-communication-providing-glimmer-of-hope> (дата обращения: 28.03.2023); Wrexham MS welcomes lowering of bowel cancer screening age to 55 // Lesley Griffiths MS: [сайт]. URL: <https://www.lesleygriffiths.co.uk/en/wrexham-ms-welcomes-lowering-of-bowel-cancer-screening-age-to-55> (дата обращения: 20.11.2022).

ственной программы «Ловля моллюсков» (Whelk Order) в 2021 г.³⁵ и постановления министра о поддержке сельскохозяйственной отрасли и фермерства, в частности, в рамках правительственной программы «Схема устойчивого земледелия» (Sustainable Farming Scheme) в июле 2022 г.³⁶ (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Употребление Л. Гриффитс уникальных языковых средств выразительности в её политическом дискурсе / L. Griffith's use of unique linguistic means of expression in her political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико-синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1182	28	2,37	22	1,86	43	3,63	93	7,86
Выступление в парламенте Уэльса	1175	29	2,46	16	1,36	35	2,98	80	6,80
Выступление на публичном мероприятии в Уэльсе	671	15	2,235	15	2,235	38	5,66	68	10,13
Декларирование послания / заявления / обращения к гражданам страны или открытое письмо	637	1	0,16	15	2,35	43	6,75	59	9,26

Поясним данные из таблицы 6. Л. Гриффитс в рамках осуществления ею политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 73 раза («антитеза» – 6 раз, «анафора» – 5 раз, «эпифора» – 4 раза, «эллипсис» – 2 раза, «градация» – 1 раз, «синтаксический сравнительный оборот» – 3 раза, «синтаксический параллелизм» – 2 раза, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 4 раза, «вводные слова и конструкции» – 46 раз); ЛСВ – всего 68 раз («термины, профессиональная лексика и топонимы» – 58 раз, «лексический повтор» – 10 раз); а также тро-

³⁵ Whelk Order – statement by Lesley Griffiths // FishFocus: [сайт]. URL: <https://fishfocus.co.uk/whelk-order-statement-by-lesley-griffiths> (дата обращения: 01.04.2023).

³⁶ Written Statement from Lesley Griffiths, Minister for Rural Affairs, North Wales and Trefnydd // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://businesswales.gov.wales/walesruralnetwork/rural-programmes/programme-development-news/written-statement-lesley-griffiths-minister-rural> (дата обращения: 01.04.2023).

пы – всего 159 раз («эпитет» – 85 раз, «метафора» – 48 раз, «метонимия» – 6 раз, «эвфемизм» – 2 раза, «плеоназм» – 2 раза, «олицетворение» – 15 раз, «синецдоха» – 1 раз).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА ПО ВОПРОСАМ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА ДЖ. ДЖЕЙМС (J. JAMES)

Приведём количественные данные употребления Дж. Джеймс ЯСВ в её политическом дискурсе, а именно в интервью политика Британскому интернет-изданию «Би-би-си Саундс» (BBC Sounds), проходившем в рамках программы «Уэльскаст» (Walescast), в августе 2021 г.³⁷, в ходе выступления политика на пленарном заседании в парламенте Уэльса 7 декабря 2022 г.³⁸, выступлений министра на публичных мероприятиях в Уэльсе в ходе общения политика с работниками энергетической компании «РБЭ» (RWE) в порту Мостина (the Port of Mostyn) в марте 2022 г.³⁹, в ходе выступления на публике после заявления премьер-министра Великобритании о необходимости контроля над легальной миграцией в ноябре 2022 г.⁴⁰ и выступления в рамках посещения города Нит (Neath) в мае 2023 г.⁴¹, а также в рамках открытого обращения Дж. Джеймс к гражданам Уэльса с заявлением о разработанном её кабинетом плане поддержки экологии Уэльса «Биоразнообразие: глубокое погружение» (Biodiversity Deep Dive) в октябре 2022 г.⁴²(табл. 7).

³⁷ Walescast: When we met Julie James in the park... // BBC Radio Wales: [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p09r7df0> (дата обращения: 01.02.2023).

³⁸ Welsh Parliament. Climate Change, Environment, and Infrastructure Committee (07/12/2022) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.senedd.wales/Committee/13059> (дата обращения: 01.02.2023).

³⁹ Welsh Minister for Climate Change meets RWE trainees helping Wales harness the wind // RWE: [сайт]. URL: <https://www.rwe.com/en/press/rwe-renewables/2022-03-14-welsh-minister-for-climate-change-meets-rwe-trainees-helping-wales-harness-the-wind> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴⁰ Watch: Welsh minister's passionate speech in defence of migrants – 'they're welcome to make their home here' // Nation Cymru: [сайт]. URL: <https://nation.cymru/news/watch-welsh-ministers-passionate-speech-in-defence-of-migrants-theyre-welcome-to-make-their-home-here> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴¹ Welsh Government shines light on next steps for transforming town centres // Welsh Government: [сайт]. URL: <https://www.wired-gov.net/wg/news.nsf/articles/Welsh+Government+shines+light+on+next+steps+for+transforming+town+centres+03052023142500?open> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴² Julie James – 2022 Statement on Biodiversity Deep Dive // UKPOL.CO.UK: [сайт]. URL: <https://www.ukpol.co.uk/julie-james-2022-statement-on-biodiversity-deep-dive> (дата обращения: 06.02.2023).

Таблица 7 / Table 7

Употребление Дж. Джеймс уникальных языковых средств выразительности в её политическом дискурсе / J. James's use of unique linguistic means of expression in her political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	1673	47	2,81	10	0,60	53	3,16	110	6,57
Выступление в парламенте Уэльса	1751	29	1,65	32	1,83	64	3,65	125	7,13
Выступление на публичном мероприятии в Уэльсе	475	6	1,26	11	2,31	35	7,37	52	10,94
Декларирование послания / заяв- ления / обраще- ния к гражданам страны или от- крытое письмо	1056	2	0,19	22	2,08	57	5,40	81	7,67

Поясним данные из таблицы 7. Дж. Джеймс в рамках осуществления ею политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 84 раза («риторический вопрос» – 16 раз, «антитеза» – 5 раз, «анафора» – 9 раз, «эпифора» – 11 раз, «эллипсис» – 5 раз, «градация» – 4 раза, «синтаксический сравнительный оборот» – 1 раз, «синтаксический параллелизм» – 1 раз, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 3 раза, «вводные слова и конструкции» – 29 раз); ЛСВ – всего 75 раз («фразеологизм» – 4 раза, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 63 раза, «лексический повтор» – 8 раз); а также тропы – всего 209 раз («эпитет» – 86 раз, «метафора» – 79 раз, «метонимия» – 9 раз, «гипербола / литота» – 5 раз, «эвфемизм» – 3 раза, «плеоназм» – 4 раза, «олицетворение» – 23 раза).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ УЭЛЬСА Э. МОРГАН (E. MORGAN)

Приведём количественные данные употребления Э. Морган ЯСВ в её политическом дискурсе, а именно в рамках интервью программе «Хелси Синкин» (Healthy Thinking) в 2022 г.⁴³, в ходе выступления политика на пленарном заседа-

⁴³ How innovation is the key to delivering a healthier Wales – with Eluned Morgan MS [Электронный ресурс]. URL: <https://lshubwales.com/podcast/series-two/eluned-morgan> (дата обращения: 24.01.2023).

нии в парламенте Уэльса 8 марта 2023 г.⁴⁴, выступлений министра на публичных мероприятиях в Уэльсе после пресс-конференции в январе 2022 г.⁴⁵, во время общения Э. Морган с советом по здравоохранению Уэльса для северной части Уэльса университета имени Бетси Кадваладр (Betsi Cadwaladr University Health Board) в феврале 2023 г.⁴⁶ и в ходе посещения министром станции скорой медицинской помощи в городе Нит (Neath) в декабре 2022 г.⁴⁷ в Уэльсе, а также в рамках обращения Э. Морган к гражданам Уэльса с информацией об обновлённой программе поддержки граждан с деменцией в Уэльсе в мае 2020 г.⁴⁸ (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Употребление Э. Морган уникальных языковых средств выразительности в её политическом дискурсе / E. Morgan's use of unique linguistic means of expression in her political discourse

Политический текст	Всего слов в тексте	Языковые средства выразительности						Всего языковых средств выразительности	
		Стилистико- синтаксические		Лексические		Тропы			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Интервью	2021	38	1,88	27	1,33	81	4,01	146	7,22
Выступление в парламенте Уэльса	1791	11	0,61	33	1,84	49	2,74	93	5,19
Выступление на публичном мероприятии в Уэльсе	574	6	1,05	8	1,39	31	5,40	45	7,84
Декларирование послания / заяв- ления / обраще- ния к гражданам страны или от- крытое письмо	1039	4	0,39	36	3,46	47	4,52	87	8,37

⁴⁴ Welsh Parliament. Plenary (08/03/2023) // Senedd Cymru Welsh Parliament: [сайт]. URL: <https://record.senedd.wales/Plenary/13262#C490363> (дата обращения: 28.03.2023).

⁴⁵ Welsh health minister says latest Downing Street party claim 'defies belief' // NorthWalesLive: [сайт]. URL: <https://www.dailypost.co.uk/news/north-wales-news/welsh-health-minister-says-latest-22712402> (дата обращения: 13.03.2023).

⁴⁶ BCUNB placed in special measures for second time // BBC.CO.UK: [сайт]. URL: <https://www.bordercountiesadvertizer.co.uk/news/23349980.bcuhb-placed-special-measures-second-time> (дата обращения: 13.03.2023).

⁴⁷ People urged not to 'add extra pressure' on ambulance service [Электронный ресурс]. URL: <https://www.countytimes.co.uk/news/23205575.people-urged-not-add-extra-pressure-ambulance-service> (дата обращения: 13.03.2023).

⁴⁸ Eluned Morgan MS delivers update on dementia care in Wales // WalesNewsOnline: [сайт]. URL: <https://walesnewsonline.com/eluned-morgan-ms-delivers-update-on-dementia-care-in-wales> (дата обращения: 20.02.2023).

Поясним данные из таблицы 8. Э. Морган в рамках осуществления ею политической коммуникации в Уэльсе в своём политическом дискурсе употребляет: УССЕ всего 59 раз («риторический вопрос» – 13 раз, «антитеза» – 4 раза, «анафора» – 3 раза, «эпифора» – 3 раза, «эллипсис» – 4 раза, «градация» – 4 раза, «синтаксический сравнительный оборот» – 2 раза, «синтаксический параллелизм» – 1 раз, «синтаксические конструкции с усилительным глаголом *do*» – 4 раза, «вводные слова и конструкции» – 20 раз, «инверсия» – 1 раз); ЛСВ – всего 104 раза («фразеологизм» – 2 раза, «термины, профессиональная лексика и топонимы» – 90 раз, «лексический повтор» – 12 раз); а также тропы – всего 208 раз («эпитет» – 76 раз, «метафора» – 65 раз, «метонимия» – 22 раза, «гипербола / литота» – 1 раз, «эвфемизм» – 9 раз, «плеоназм» – 2 раза, «олицетворение» – 33 раза).

Вывод. Изучив политический дискурс / тексты представителей правящей партии Уэльса двух гендеров (мужчин и женщин-политиков), мы выделили, а затем сопоставили данные о частотности употребления ими ЯСВ в процессе осуществления своей политической коммуникации в этом регионе Великобритании. В результате проведённого анализа частотности употребления ЯСВ мы пришли к выводу, что для ряда проанализированных нами видов политической коммуникации (интервью, выступлений в парламенте Уэльса, выступлений на публичных мероприятиях в Уэльсе) для женщин-политиков характерно использование заметно большего числа уникальных ЯСВ в сравнении с политиками-мужчинами, что является подтверждением существования стереотипа феминности в ведении женщинами-политиками упомянутых нами выше видов политической коммуникации на территории Уэльса. Для мужчин-политиков характерно более частое употребление ими уникальных ЯСВ в рамках адресации своих посланий / заявлений / обращений к гражданам страны и в открытых письмах, что является опровержением стереотипа о маскулинности в ведении данных видов политической коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье предпринята попытка доказать, что частотность использования представителями двух гендеров ряда языковых средств выразительности в некоторых видах политической коммуникации и политического дискурса в Уэльсе может служить одним из детерминантов соотношения последнего с феминностью или маскулинностью политической коммуникации на этой территории Великобритании в целом.

Склонность женщин-политиков Уэльса к использованию большего числа уникальных языковых средств свидетельствует об их стремлении к созданию более эмоциональной политической коммуникации в сравнении с мужчинами-политиками.

Результаты, полученные в ходе анализа политических текстов представителей правящей партии Уэльса, в основном подтверждают справедливость обозначения стереотипа о феминности и маскулинности политической коммуникации в Уэльсе и определяют теоретическую и практическую важность исследования, а именно подтверждают важность рассмотрения политического дискурса с позиций гендерной лингвистики, что дополняет современные знания в языкознании в области гендерной лингвистики.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.08.2023

Статья размещена на сайте: 05.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунова С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 423 с.
2. Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 108–125.
3. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm?ysclid=livyxac6q72991618> (дата обращения: 28.09.2020).
4. Иванова Т. К. Средства экспрессии в политическом медиадискурсе и опасность их использования // Российские исследования. 2021. № 2. С. 106–113.
5. Крижановская Е. М. Риторические средства как приёмы манипулятивного воздействия в интернет-текстах участников политических сообществ социальной сети «Фейсбук»⁴⁹ // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 52–62.
6. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 94–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
7. Мазирка И. О. Социолингвистический аспект особенностей жанра и стилистики художественных текстов Ф. С. Фицджеральда // Наука на благо человечества – 2020: материалы Международной научной онлайн-конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов), Москва, 20–24 апреля 2020 г. / отв. ред., сост. Е. А. Певцова. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 67–72.
8. Некрасова О. А. Эффективность психолингвистических методов в изучении языковой картины мира и языкового сознания этносов // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов X Международной научно-практической

⁴⁹ Признан экстремистской организацией на территории РФ – *прим. ред.*

конференции, Москва, 21 апреля 2022 г. / под ред. Л. К. Гуриевой. М.: Типография Алеф, 2022. С. 133–142.

9. Edwards J. Language and identity: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 324 p.
10. Lakoff R. Language and Women's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–80.

REFERENCES

1. Bodrunova S. S. *Sovremennye strategii britanskoi politicheskoi kommunikatsii* [Modern strategies of British political communication]. Moscow, Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2010. 423 p.
2. Gornostaeva A. A. [Ironic metaphors in political discourse]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, vol. 22, no. 1, pp. 108–125.
3. Goroshko E. I. [Gender issues in linguistics]. Available at: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm?ysclid=lrivyxac6q72991618> (accessed: 28.09.2020).
4. Ivanova T. K. [Means of expression in political media-discourse and danger of their using]. In: *Rossiiskie issledovaniya* [Journal of Russian Studies], 2021, no. 2, pp. 106–113.
5. Krizhanovskaya E. M. [Rhetorical means as methods of manipulative influence in Internet texts by political communities participants of social network "Facebook"]. In: *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and Philology], 2022, no. 8, pp. 52–62.
6. Leontovich O. A. [The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech]. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 94–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
7. Mazirka I. O. [Sociolinguistic aspect of the genre and stylistics of F. S. Fitzgerald's literary texts]. In: Pevtsova E. A., ed. *Nauka na blago chelovechestva – 2020: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii molodykh uchenykh (stat'i prepodavatelei i aspirantov)*, Moskva, 20–24 aprelya 2020 g. [Science for the benefit of humanity – 2020: materials of the International online scientific conference of young scientists (articles by teachers and graduate students), Moscow, April 20–24, 2020]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2020, pp. 67–72.
8. Nekrasova O. A. [The effectiveness of psycholinguistic methods in the study of the linguistic picture of the world and the linguistic consciousness of ethnic groups]. In: Gurieva L. K., ed. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 21 aprelya 2022 g.* [Current problems of science and education in the context of modern challenges: collection of materials from the X International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 21, 2022]. Moscow, Tipografiya Alef Publ., 2022, pp. 133–142.
9. Edwards J. Language and identity: An introduction. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 324 p.

10. Lakoff R. Language and Women's Place. In: *Language in Society*, 1973, no. 2, pp. 45–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мачулис Артем Айварович – аспирант Государственного университета просвещения; e-mail: Artem-phd@yandex.ru

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Лукин Дмитрий Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: lu10kin@yandex.ru

Artem A. Machulis – Postgraduate Student, State University of Education; e-mail: Artem-phd@yandex.ru

Irina O. Mazirka – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Dmitrii S. Lukin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation and Cognitive Linguistics, State University of Education; e-mail: lu10kin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мачулис А. А., Мазирка И. О., Лукин Д. С. Языковые средства выразительности как детерминанты при разграничении феминности и маскулинности политической коммуникации в Уэльсе // Российский социально-гуманитарный журнал (электронный журнал). 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Machulis A. A., Mazirka I. O., Lukin D. S. Linguistic means of expression as determinants in distinguishing between femininity and masculinity of political communication in Wales. In: *Russian Social and Humanitarian Journal (e-journal)*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'366.584

Ушакова И. Б.

Хабаровский государственный университет экономики и права
680042, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134, Российская Федерация

О БУДУЩЕМ ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ: ЗАМЕТКИ О ВРЕМЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ К БУДУЩЕМУ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть такую особенность референции к будущему, как «разговор» о будущем посредством форм настоящего времени, в сопоставлении русского и английского языков.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали гипотетико-дедуктивный метод, анализ и синтез научных материалов по теме исследования и метод интроспекции. Проведён анализ лингвистической дискуссии о противопоставлении трихотомии «настоящее / прошедшее / будущее» и дихотомии «прошедшее / непрошедшее». Рассмотрен вопрос о том, насколько одинаково тенденция ориентироваться прежде всего на настоящее представлена в двух рассматриваемых языках на уровне употребления глагольных форм.

Результаты. Подчёркивается, что с лингвофилософской точки зрения способность выражать настоящее и будущее одной формой – это отражение особенностей восприятия времени человеком. Данная особенность может быть признана универсальной для разных языков, в том числе она манифестируется в русском и английском языках. Выдвигается открытая для дискуссии гипотеза о том, что на уровне разговорной речи референция к будущему через настоящее более выпукло выражена в английском, чем в русском языке.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обновлении проблематики сопоставительного изучения особенностей референции к будущему в языке и речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

будущее, настоящее, временная референция к будущему, время

СТРУКТУРА

Введение

Трихотомия «прошедшее / настоящее / будущее» и дихотомия «прошедшее / непрошедшее»

О будущем времени сквозь призму глагольных форм

Заключение

I. Ushakova

*Khabarovsk State University of Economics and Law
ul. Tihookeanskaya 134, Khabarovsk 680042, Russian Federation*

THE FUTURE IN THE PRESENT: ON FUTURE TIME REFERENCE IN RUSSIAN AND ENGLISH

ABSTRACT

Aim. To focus on such a feature of future time reference as talking about the future through the forms of the present tense in the comparison of the Russian and English languages.

Methodology. The key research methods were hypothetical-deductive method, the analysis and synthesis of scientific materials on the research topic and the introspection method. The analysis of the linguistic discussion on the opposition of the present/past/future trichotomy and the past/non-past dichotomy is given. Special attention is paid to the question if the tendency to focus primarily on the present is equally represented in the two languages under consideration at the level of the verb forms usage.

Results. It is emphasized that from the linguistic-philosophical point of view the ability to express the present and the future by means of one form reflects the peculiarities of human perception of time. This feature can be recognized as universal for different languages and it manifests itself in Russian and English. An open-to-discussion hypothesis is put forward that the reference to the future through the present is more widely expressed in everyday speech in English than in Russian.

Research implications. The article updates the problems of comparative study of the features of future time reference in language and speech.

KEYWORDS

future, present, future time reference, time

*Каким образом Ты, правящий миром, Тобою
созданным, объясняешь душам будущее?
А Ты объяснял его пророкам Своим. Каким
же образом объясняешь Ты будущее? Ты,
для Которого будущего нет? Или, вернее,
через настоящее объясняешь ты будущее?
(Блаженный Августин)*

ВВЕДЕНИЕ

Время – удивительная категория, на протяжении веков захватывающая внимание мыслителей и учёных разных областей науки. Ещё Блаженный Августин справедливо писал: «Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нём, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нём говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я

знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»¹. Т. е., общаясь на языке, мы понимаем друг друга, понимаем, о каком времени идёт речь, при этом попытки объяснить время и временные понятия, например «прошлое» / «настоящее» / «будущее», часто приводят к вопросам, которые иначе как загадками не назовёшь. Так, в английском языке для выражения будущего времени активно используются формы настоящего времени (Present Continuous, Present Simple, be going to), при этом многие лингвисты утверждают, что в английском языке нет будущего времени (Future Tense). Для обозначения будущего в придаточных предложениях времени и условия в английском языке употребляется настоящее время (*If I see him, I will tell him about it*), а в русском языке мы прекрасно используем формы будущего времени и в главном предложении, и в придаточном (*Если я его увижу, я ему об этом расскажу*), при этом, естественно, носители русского языка, изучающие английский язык, искренне удивляются, зачем такие сложности. В русском языке также возможно употребление настоящего времени для референции к будущему (*Я иду на собрание вечером*). Однако интуитивно представляется, что в русском языке этих явлений меньше, чем в английском языке. Так ли это? Имеет ли к этим наблюдениям какое-нибудь отношение тот факт, что, например, в японском языке всего два времени – прошедшее и «настояще-будущее» [9]?

Цель данной работы – обобщить опыт лингвофилософского осмысления особенностей «разговора о будущем» и взглянуть на эти особенности сквозь призму референции к будущему посредством форм настоящего времени в современном русском и английском языках для того, чтобы в рамках статьи вместе с читателями пройти путь, приведший к формулированию следующей гипотезы: английский язык на уровне употребления глагольных форм времени в повседневной речи отражает бо́льшую ориентацию на настоящее по сравнению с русским языком.

Интерес к тому, как о будущем говорят в языке, не требует доказательств. Список отдельных работ, посвящённых различным аспектам этого вопроса (лексическим, грамматическим, литературоведческим), велик. Стоит, по-видимому, особо отметить наличие целых сборников исследований по теме будущего в языке. Примером могут служить такие сборники, как «Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее» (2011) [8], отдельный выпуск научного журнала «English Language and Linguistics. Special issue on future time reference in English» (2010) [20], сборник «Future Times, Future Tenses» (2014) на материале разных языков [21]. Однако наш опыт изучения многочисленных источников свидетельствует об отсутствии работ, в которых бы подробно исследовался интересующий нас вопрос о том, на-

¹ Августин Блаженный. Исповедь. Кн. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/book/26> (дата обращения: 17.11.2021).

сколько одинаково тенденция ориентироваться прежде всего на настоящее представлена в двух рассматриваемых языках на уровне употребления глагольных форм. Привлечение внимания именно к этому вопросу и обуславливает актуальность предлагаемого исследования.

Теоретико-методологической основой представляемых в работе рассуждений позволим себе считать одно из базисных положений антропологической программы изучения языка, намеченной ещё В. фон Гумбольтом: «изучение языка должно производиться не только ради него самого, но и служить высшей цели совместных устремлений человеческого духа – познания человечеством самого себя и своего отношения к миру» [10, с. 25]. Иными словами, наш интерес к проблематике изучения особенностей референции к будущему в языке (на уровне форм глагола) продиктован преимущественно устремлением к познанию соотношения языка (особенностей функционирования языковых форм) и миропонимания, соотношения языка и культуры, языка и ценностей человека. Через язык (особенно в сопоставительном изучении) приоткрываются культурные, мировоззренческие коды данного языкового человеческого сообщества.

Обращение к теме исследования мотивировано эмпирическими наблюдениями за речевой практикой на русском и английском языках. Материалом данного этапа исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые изучению выражения будущего времени в языке (прежде всего на уровне глагольных форм).

Общетеоретический, обзорный характер исследования и его основная цель (обоснование выдвижения гипотезы) объясняют выбор ключевых исследовательских методов, которыми стали гипотетико-дедуктивный метод, анализ и синтез научных материалов по теме исследования, а также метод интроспекции.

ТРИХОТОМИЯ «ПРОШЕДШЕЕ / НАСТОЯЩЕЕ / БУДУЩЕЕ» И ДИХОТОМИЯ «ПРОШЕДШЕЕ / НЕПРОШЕДШЕЕ»

Начнём с вопроса: место будущего в трихотомии *прошедшее / настоящее / будущее* или в дихотомии *прошедшее / не прошедшее*?

Важным представляется спор лингвистов о существовании грамматического будущего времени в английском языке (Future Tense). Некоторые лингвисты рассматривают видовременную систему английского глагола в традиционной модели – трихотомии «прошедшее / настоящее / будущее» (А. И. Смирницкий, Р. Мёрфи, М. Хьюингс и др.) Другой подход, дихотомический, основан на морфологическом принципе различения времён, т. е. основным критерием выступает наличие глагольных флексий. Исходя из этого, в английском языке признаётся существование только прошедшего и не прошедшего времён (past / non-past) (Л. С. Бархударов, О. Есперсен, Дж. Лич,

Р. Квирк и др.) либо прошедшего и настоящего. Приведём для примера следующие высказывания лингвистов, отражающие эту точку зрения:

«English has no future tense, because it has no future tense *inflections*, in the way that many other languages do, nor any other grammatical form or combination of forms that can exclusively be called a future tense» [16].

«Morphologically English has no future form of the verb, in addition, to present and past forms ... In this grammar, then, we do not talk about the future as a formal *category*...» [23].

Конструкция с *will* рассматривается при данном подходе как конструкция с модальным глаголом, при этом подчёркивается особо тесная связь темпоральности и модальности в контексте референции к будущему.

Более подробное описание этой лингвистической дискуссии можно найти в работах [13; 24; 25].

В русском языке есть и аналитическая форма будущего времени – *будет* + инфинитив, – которая образуется от глаголов несовершенного вида (*будем говорить*), и синтетическая форма будущего времени, образуемая от глаголов совершенного вида (*поговорим*). Т. е. в русском языке существует флексивный способ образования форм будущего времени, что, однако, не останавливает лингвистов от такого же дихотомического подхода при описании темпоральной системы русского языка. Так, в своём грамматическом учении о русском языке В. В. Виноградов указывал на то, что «для системы времён современного русского глагола характерно морфологически подчёркнутое противопоставление форм прошедшего и форм настоящего-будущего времени. Грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке». По мнению В. В. Виноградова, прошедшее время является сильной грамматической категорией в русском языке, поскольку формы прошедшего времени редко передают значение будущего или настоящего [3, с. 443–444]. При этом система настоящего-будущего времени отличается изменчивыми, подвижными значениями [3, с. 463]. Ср., например, *Мы идём на выставку в пятницу. Мы переезжаем туда в июне* (формы настоящего времени в значении будущего); *Они к ней нагнулись и спрашивают ... Приходит он и говорит...* (формы настоящего времени в значении прошедшего); *Не понимаю, зачем ходят ... придут, посидят и уйдут* (Формы будущего времени в значении повторяющегося настоящего).

В русской лингвистической традиции существовала и крайне категоричная теория вневременности русского глагола, сложившаяся в 40–50-е гг. XIX в. «Времена настоящее, будущее и прошедшее – понятие выводные и не имеют для себя своих форм в русском языке: они суть дело употребления...», – писал К. С. Аксаков, один из сторонников этой теории (цит. по [3, с. 441–442]).

Нетрудно заметить, что в английском и русском языках предлагаемые лингвистами основания для ухода от традиционной трихотомии «прошед-

шее / настоящее / будущее» и утверждения дихотомии «прошедшее / непрошедшее» различаются: для английского языка – это прежде всего отсутствие флексивной формы, а для русского языка – это возможность выражать разные временные планы одной и той же формой.

О чём свидетельствуют эти дискуссии с точки зрения лингвофилософии? Во-первых, о том, что человеческий язык – сложнейшее явление, развивающееся естественным способом и не всегда поддающееся распределению по структурным ячейкам, придуманным учёными. Живой язык нелегко укладывается в строгие системно-структурные таблицы и модели, при которых неминуемо складываются примечания и списки исключений. Во-вторых, временные понятия «прошлое» / «настоящее» / «будущее» обозначают настолько сложно переплетённые явления в человеческом сознании, что их трудно расплести в три отдельные линии. В-третьих, будущее время – это особая временная категория, прежде всего потому что в филогенезе первичной была, очевидно, дихотомия «настоящее / прошлое», отражавшая начальный этап развития человеческого опыта восприятия действительности [6, с. 81–82]. С одной стороны, у человека было пространство сейчас-ощуемого, наличного, непосредственного опыта, из которого формируется сфера настоящего. С другой стороны, у человека было пространство накопленного опыта – пространство, отличное от сейчас-воспринимаемого, сейчас-ощуемого, из которого формируется сфера прошлого. И только позже дальнейшее развитие человека, накопление им некоторых знаний о мире на основе выявления закономерностей и связей приводит его к умению предполагать, прогнозировать, т. е. приводит к появлению сферы будущего. Такой порядок освоения временных понятий о прошлом / настоящем / будущем сохраняется, по данным психолингвистов и психологов, и в речевом онтогенезе современного ребёнка. Сначала ребёнком осваиваются представления о настоящем, на следующем этапе происходит формирование представлений о прошлом, и лишь гораздо позднее появляется осознание будущего (см., например, [2, с. 64–72; 17, р. 540–541; 22, р. 529]).

По мнению И. Т. Катагощиной, восприятие времени в «близкой перспективе» есть одна из особых характеристик представления о времени в архаичном сознании первобытного человека. Древний человек не мыслил об отдалённом будущем, так как «будущее, с одной стороны, нереально (оно не содержит фактических событий), а с другой стороны, нет никакой необходимости или стимула принимать этот период в расчёт, так как мир развивается из традиции и покоится в ней. Архаичное сознание нацелено на будущее в той мере, в какой этого требует продолжение жизненного цикла (осознаваемое будущее не выходит за пределы недель и месяцев)» [5, с. 62]. Однако, как уже было отмечено, в процессе развития человека, общества, в котором он живёт, а далее и информационных систем происходит расширение пространства существования человека, границы его времени, постепенно про-

стираясь всё дальше и дальше, приобщают его к более широкому прошлому и будущему.

В свете наших рассуждений интересным будет наблюдение, приведённое в работе Б. Комри [18]. В одном из языков австралийских аборигенов есть только два времени: одно используется по отношению к действиям, которые происходят в настоящее время или только что закончились, а другое служит для описания событий ближайшего будущего и также событий, происходящих в настоящий момент. Другого отдельного времени для настоящего в этом языке нет. Следовательно, одно время рассказывает о ближайшем будущем и настоящем, а другое – о настоящем и недавнем прошлом (с наложением одного на другое в обоих случаях) [18, p. 92].

Если учитывать все эти данные, становится логичным и понятным то, что форма будущего времени в английском языке отличается по типу от флексивных форм простого настоящего и прошедшего, поскольку возникла позже и онтологически отлична от них. А способность выражать, например, настоящее и ближайшее будущее одной формой – это отражение особенностей психологии восприятия времени человеком, и проявляется оно во многих языках.

О БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Вернёмся к вопросу о формах глагола для выражения будущего времени.

В каждом из рассматриваемых языков для выражения отношения действия к будущему доступно несколько различных средств. Подчёркнём, что для наших рассуждений важен при этом не столько набор этих средств, сколько приоритетность одних средств перед другими.

В русском языке для референции к будущему времени используются глагольные формы будущего времени совершенного вида (*сделаю*) и несовершенного вида (*буду делать*), конструкция *стать* + инфинитив (*стану делать*), формы настоящего времени (*Завтра мы идём в музей*), конструкция *быть* + *сущ.* (*Я буду салат*), форма прошедшего времени (*Всё, я пошёл. Буду через час*). При этом приоритетными формами для выражения будущего являются всё же глагольные формы будущего времени совершенного вида и несовершенного вида [14; 15].

В английском языке для референции к будущему времени используются конструкции с *will* и *be going to* + инфинитив, формы Present Simple и Present Progressive. Какие из этих форм являются более частотными (приоритетными) для выражения будущего? Исследователи отмечают ограниченность сферы употребления конструкции с *will*. По мнению Дж. Лича, в английском языке описание будущего с *will* – это нейтральное, безэмоциональное описание будущего, например, *The conference will take place this coming March* («... *will* provides the “nearest approximation to a neutral or colorless future” in English...») (цит. по [26, p. 412–445]).

В исследовании [19] также подчёркивается устойчивая тенденция к предпочтению (преобладанию) формы *be going to* по сравнению с конструкцией с *will* [19, p. 403, 426]. В своей работе авторы приводят мнения ряда исследователей о том, что различия *will* и *be going to* – это вопрос стиля, а не семантики («...subtle differences between *will* and *be going to* are likely matters of style and not of semantics») [19, p. 406].

Аналогичное замечание встречается в пособии «Новое в английской грамматике», в котором Г. А. Вейхман отмечает, что «формы с *be going to* и Present Continuous (как грамматического синонима Future Indefinite) употребляются в разговорном стиле, а формы Future Indefinite – в газетах, радиопередачах и официальных объявлениях»².

Небезынтересным в этой связи предстаёт материал практического вебинара «Simple Future: How do we REALLY talk about the future in English?»³. Ведущий вебинара М. Манн, практикующий соавтор целого ряда учебных курсов издательства «Макмиллан», также акцентирует внимание на том, что конструкция с *will* принадлежит преимущественно формальному регистру языка (formal register). В разговорной речи (informal register) чаще всего употребляется форма *be going to* (практически во всех значениях, связанных с будущим): «The difference between *will* and *be going to* is rarely connected to function. It's almost always because of register or emphasis».

Таким образом, можно сказать, что с разных сторон подтверждается интуитивное предположение о том, что в английском языке конструкция с *will* устойчиво находится в тени форм настоящего времени в значении будущего. Именно таким образом на уровне языковой формы отражаются особенности восприятия человеком прошлого / настоящего / будущего. Эти особенности языковой картины мира запечатлены также в следующих цитатах:

- *Стоит только поприслаться взглянуть в настоящее, будущее вдруг выступит само собою* (Н. Гоголь);
- *Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем...* (А. Радищев);
- *Yesterday is gone. Tomorrow has not yet come. We have only today. Let us begin* (Мать Тереза);
- *The future is literally in our hands to mold as we like. But we cannot wait until tomorrow. Tomorrow is now* (Э. Рузвельт);
- *There is no time like the present* (английская пословица);
- *Real generosity toward the future lies in giving all to the present* (А. Камю);
- *The future starts today, not tomorrow* (Папа Иоанн Павел II).

² Вейхман Г. А. Новое в английской грамматике: учеб. пособие для лингвистических ун-тов и фак. ин. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Астель: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. 191 с.

³ Simple Future: How do we REALLY talk about the future in English? // MacMillanEducation: [сайт]. URL: <https://www.macmillan.ru/events/detail.php?ID=363974> (дата обращения: 29.06.2023).

Насколько одинаково тенденция ориентироваться прежде всего на настоящее представлена в двух рассматриваемых языках?

По словам Ю. Д. Апресяна, «каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию... Свойственный языку способ концептуализации действительности *отчасти универсален, отчасти специфичен* (курсив наш – И. У.), так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [1, с. 39].

Замечание Ю. Д. Апресяна справедливо в отношении к рассматриваемому вопросу. Универсальна для разных языков (в том числе для русского и английского) теснейшая связь настоящего и будущего. В чём же специфичность?

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе [7] ссылаются на следующее мнение У. Купера и Дж. Росса, исследовавших национальную картину мира англичан: «...мы воспринимаем себя находящимися, скорее, ЗДЕСЬ, чем ТАМ, и скорее СЕЙЧАС, чем ТОГДА» [7, с. 162].

Развивая эту мысль, Д. А. Разоренов отмечает, что в национальном сознании англичан будущее можно представить как некий иллюзорный образ, пронизывающий настоящее. Иллюзия будущего рассматривается через призму «ориентации Я – ПЕРВЫЙ: ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС» [11, с. 333].

Сопоставляя данное мировосприятие с русской ментальностью, автор подчёркивает, что «русский человек не всегда ассоциирует настоящее время с ориентацией “ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС”, вернее, не придаёт значения ситуационной локализации происходящего действия в пространстве и, более того, не ощущает настоящего момента, так как его “точка присутствия” – “миг между прошлым и будущим”, неуловимый и призрачный. Наибольший интерес для миропонимания русского человека представляет будущее время...» [11, с. 332]. Приведём для иллюстрации следующие цитаты:

- *Если вы будете работать для настоящего, то ваша работа выйдет ничтожной, надо работать, имея в виду только будущее* (А. Чехов);
- *Мы ждали завтрашний день, каждый день ждали завтрашний день...* (В. Цой).

Однако в современной действительности влияние новой западной идеологии (пришедшей, очевидно, как результат увлечённости психологическими тренингами и восточными буддийскими практиками), призывающей наслаждаться настоящим моментом, неизбежно действует на восприятие современного русского человека. Как справедливо пишет Т. Воеводина в своей статье «Будущее, которого нет», раньше, в социалистической системе, будущее обладало сакральным смыслом. Ради будущего можно и нужно было страдать, жертвовать или как минимум упорно трудиться. Люди трудились ради будущего, ради детей. Их жизнь была значительнее краткого мига фи-

зического существования. А пришедшая к нам современная «мотыльковая философия» учит, что самое главное – это «радоваться, мыслить позитивно и жить в отрезке сегодняшнего дня», «здесь и сейчас». Это должно обеспечить ощущение счастья, но делает человеческую жизнь, по мнению автора, плоской и ничтожной⁴.

Н. В. Рунова высказывает мысль, что отражённая в современной российской публицистике новая тенденция в русскоязычном обществе «уповать на сегодняшний день, выражая отказ от устремлений в будущее» – это проявление определённой меркантильности, которая характерна для экономической модели времени: «...сегодня и только сегодня, «одним днём» можно взять то, что «пока дают»» [12, с. 355]. Думается, что во многом это может быть обусловлено неуверенностью в завтрашнем дне, нестабильностью жизненных обстоятельств, в которых живёт человек. Отсутствие перспективы будущего порождает концентрацию на том, что есть сейчас.

Однако на уровне языковой формы (глагольной формы) русский язык держит значимость будущего посредством активного использования форм будущего времени во всех стилях языка, а не только в официальном стиле (как это происходит в современном английском языке).

Подчёркнём, что в рамках статьи не ставилась задача верифицировать на обширном материале используемые для рассуждения данные. Однако ради небольшого эксперимента был проведён анализ материала, полученного с помощью поиска в Национальном корпусе русского языка⁵. Описание эксперимента: в параллельном подкорпусе НКРЯ был введён запрос на поиск слова *пойти* (с грамматическими признаками – будущее время и действительный залог)⁶. Далее методом ручной выборки выделялись примеры, соответствующие регистру разговорной речи. Отдельные примеры приведены в таблице 1.

Примеры представляют довольно ясную картину. В разговорной речи глагол в будущем времени в русском языке коррелирует с английским глаголом в настоящем продолженном (Present Progressive) либо с конструкцией *be going to*.

⁴ Воеводина Т. Будущего, которого нет // Литературная Газета: [сайт]. [15.01.2014]. URL: <https://lgz.ru/article/2014-god/budushchee-kotorogo-net> (дата обращения: 10.02.2021).

⁵ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.05.2023).

⁶ Этот небольшой эксперимент ни в коей мере не претендует на полноту исследования, но может стать началом разработки методики для анализа корпусных данных в рамках дальнейшей работы по теме.

Таблица 1 / Table 1.

Примеры из параллельного подкорпуса НКРЯ со словом пойти (с грамматическими признаками – будущее время и действительный залог) / Examples from the parallel subcorpus of the RNC with the word to go (with grammatical features – future tense and active voice)

I'm coming with you to the lecture hall.	Пойду с тобой на лекцию.
Pa, I'm going to hear his talk.	Па, я пойду на его лекцию.
Mum, count me out, I'm not going.	Короче, ма, я пас, я не пойду.
I have kids, too! I'm not going to shoot anyone! We're not going to go against our own people!	Да я сам отец. Я не буду стрелять! Против народа – не пойдем!
Are you going to Kent's party tonight, Rob?	Ты пойдешь на вечеринку к Кенту сегодня вечером, Роб?
I'm going to sleep upstairs.	Пойду спать наверх.

В языке не бывает случайностей. Если в современной повседневной речи на английском языке о будущем говорится преимущественно через формы настоящего времени, это, вероятно, может служить неким подтверждением ориентации на настоящее в большей степени, чем в русском языке.

Рассматривая язык как форму самовыражения народа, В. Г. Гак высказывал мнение о том, что предпочтение глагольных форм можно связать с психологией народа. Описывая особенности употребления глагольных форм во французском и русском языках, он замечал, что во французской речи настоящее время употребляется значительно чаще, чем в русском языке. Далее В. Г. Гак делает вывод, что французы, очевидно, живут преимущественно в настоящем, а русские люди больше думают о будущем или о прошлом. Поэтому из двух часто упоминаемых «русских вопросов» – *Кто виноват?* и *Что делать?* – один относится к прошлому, а другой – к будущему [4, с. 61–62]. Следует, по-видимому, согласиться здесь с В. Г. Гаком и в том, что в этой связи симптоматичен тот факт, что в русском языке у части глаголов – у глаголов совершенного вида – нет формы настоящего времени, а есть только формы прошедшего и будущего времени (*построить* – *построил*, *построю*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде чем сделать некоторые выводы, вчитаемся вдумчиво в слова Блаженного Августина: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трёх времён, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так:

есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее: пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота, не спорю с этим и не возражаю; пусть только люди понимают то, что они говорят и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают»⁷. Эти слова говорят нам о том, что ещё в IV в. мудрый философ размышлял об условности деления человеческого времени на прошедшее, настоящее и будущее.

Референция к будущему посредством форм настоящего времени объясняется особенностями человеческого восприятия времени, не укладывающегося в строго ограниченные отдельные ячейки системы прошедшего / настоящего / будущего.

Думается, что языковые данные вполне убедительно показывают, что английский язык на уровне употребления глагольных форм времени в повседневной речи отражает большую ориентацию на настоящее по сравнению с русским языком. Данная выдвигаемая гипотеза открыта для дискуссии и предполагает дальнейший анализ, например, с применением методов корпусных исследований.

В заключение отметим, что с точки зрения лингводидактики практическая значимость изложенных выше размышлений кроется в возможности использовать их на практических занятиях по английскому языку в вузах. При разборе грамматических тем, посвящённых будущему времени, студентам разных специальностей будет полезно взглянуть на грамматику с точки зрения лингвофилософии и провести параллели, выявляя сходства и различия культурных кодов родного и изучаемого языков.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.08.2023

Статья размещена на сайте: 20.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

⁷ Августин Блаженный. Исповедь. Кн. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/book/26> (дата обращения: 17.11.2021).

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Бурдина И. В. Лексико-семантические способы выражения категории времени в онтогенезе речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 146 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-ое изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 54–68.
5. Катагощина И. Т. Традиционные пространственно-временные представления и общественное развитие в Тропической Африке // Пространство и время в архаических и традиционных культурах / под ред. И. В. Следзевского, Д. М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 51–64.
6. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. 160 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: УРСС, 2004. 256 с.
8. Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. 519 с.
9. Палкин А. Д. По поводу амбивалентности будущего времени в японском языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 245–253.
10. Постовалова В. И. Язык и миропонимание. Опыт лингвофилософской интерпретации. М.: УРСС, 2016. 308 с.
11. Разоренов Д. А. Лингвокультурные особенности концепта «Время» в английском языке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 329–335.
12. Рунова Н. В. Время в русском и англо-американском публицистическом дискурсе сквозь призму метонимии // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / под ред. В. И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 351–357.
13. Селезнева О. Н. Дифференциация средств выражения будущего времени в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 171 с.
14. Стойнова Н. М. Будущее время [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. [2018]. URL: http://rusgram.ru/Будущее_время (дата обращения: 07.05.2022).
15. Чуйкова О. Ю. Семантика будущего времени в русском, английском и испанском языках: взаимодействие темпоральности, аспектуальности и модальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 26 с.
16. Aarts B. Oxford Modern English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2011. 652 p.
17. Clark H., Clark E. Psychology and language. New York; Chicago: Harcourt Brace Jovanovich Inc., 1977. 608 p.

18. Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 139 p.
19. Denis D., Tagliamonte S. The changing future: Competition, specialization and reorganization in the contemporary English future temporal reference system // *English Language and Linguistics*. 2018. № 22. P. 403–430.
20. Depraetere I., Christopher W. Special issue on future time reference in English // *English Language and Linguistics*. 2010. № 14. P. 161–162.
21. Kissine M., de Brabanter Ph., Sharifzadeh S. *Future Times, Future Tenses*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 297 p.
22. McCarthy D. Language development in children // *Manual of child psychology* / ed. L. Carmichael. New York: John Wiley & Sons Inc., 1946. P. 476–581.
23. Quirk R. *A Grammar of Contemporary English*. Harlow: Longman, 1985. 922 p.
24. Radovanović A. A Contribution to the Future Tense Debate – A Case Study from Serbian // *Српски језик: студије српске и словенске*. 2019. № 24. P. 675–691.
25. Salkie R. Will: Tense or modal or both? // *English Language and Linguistics*. 2010. № 14. P. 187–215.
26. Tyler A., Jan H. Be going to and will: Talking about the future using embodied experience // *Language and Cognition*. 2017. № 9. P. 412–445.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1995, no. 1, pp. 37–67.
2. Burdina I. V. *Leksiko-semanticheskie sposoby vyrazheniya kategorii vremeni v ontogeneze rechi: dis. ... kand. filol. Nauk* [Lexico-semantic ways of expressing the category of time in the ontogenesis of speech: Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 1997. 146 p.
3. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 720 p.
4. Gak V. G. *Yazyk kak forma samovyrazheniya Naroda* [Language as a form of self-expression of the people]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 54–68.
5. Katagoshchina I. T. [Traditional space-time concepts and social development in Tropical Africa]. In: *Prostranstvo i vremya v arkhaiskikh i traditsionnykh kul'turakh* [Space and time in archaic and traditional cultures]. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 1996, pp. 51–64.
6. Kravchenko A. V. *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii* [Language and perception: Cognitive aspects of linguistic categorization]. Irkutsk, Izdatelstvo Irkutskogo universiteta Publ., 1996. 160 p.
7. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live* (Rus. ed.: Baranov A. N., Morozova A. V., transl. *Metafori, kotorymi my zhivem*). Moscow, URSS Publ., 2004. 256 p.).

8. Arutyunova A. D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Lingvofuturizm. Vzgl'yad yazyka v budushchee* [Logical analysis of language. Linguistic futurism. Language's look into the future]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 519 p.
9. Palkin A. D. [Regarding the ambivalence of the future tense in Japanese]. In: Arutyunova A. D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Lingvofuturizm. Vzgl'yad yazyka v budushchee* [Logical analysis of language. Linguistic futurism. Language's look into the future]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 245–253.
10. Postovalova V. I. *Yazyk i miroponimanie. Opyt lingvofilosofskoi interpretatsii* [Language and worldview. Experience of linguo-philosophical interpretation]. Moscow, URSS Publ., 2016. 308 p.
11. Razorenov D. A. [Linguistic and cultural features of the concept "Time" in English]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Film Humanities], 2010, no. 1, pp. 329–335.
12. Runova N. V. [Time in Russian and Anglo-American journalistic discourse through the prism of metonymy]. In: Zabolotkina V. I., ed. *Rossiia: izmenyayushchiesya obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Reprezentatsiya kontsepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim yazykami* [Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the concept of time in Russian in comparison with English and German languages]. Moscow, Rukopisniye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012, pp. 351–357.
13. Seleznyova O. N. *Differentsiatsiya sredstv vyrazheniya budushchego vremeni v sovremennom angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Differentiation of means of expressing the future tense in modern English: Cand. Sci. thesis in Philology]. Tver, 2015. 171 p.
14. Stoinova N. M. [Future tense]. In: *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar], 2018. Available at: http://rusgram.ru/Будущее_время (accessed: 07.05.2022).
15. Chuikova O. Yu. *Semantika budushchego vremeni v russkom, angliiskom i ispanskoy yazykakh: vzaimodeistvie temporal'nosti, aspektual'nosti i modal'nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of the future tense in Russian, English and Spanish: interaction of temporality, aspectuality and modality: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. St. Petersburg, 2018. 26 p.
16. Aarts B. *Oxford Modern English Grammar*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 652 p.
17. Clark H., Clark E. *Psychology and language*. New York, Chicago, Harcourt Brace Jovanovich Inc., 1977. 608 p.
18. Comrie B. *Tense*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 139 p.
19. Denis D., Tagliamonte S. The changing future: Competition, specialization and reorganization in the contemporary English future temporal reference system. In: *English Language and Linguistics*, 2018, no. 22, pp. 403–430.
20. Depraetere I., Christopher W. Special issue on future time reference in English. In: *English Language and Linguistics*, 2010, no. 14, pp. 161–162.

21. Kissine M., de Brabanter Ph., Sharifzadeh S. Future Times, Future Tenses. Oxford, Oxford University Press, 2014. 297 p.
22. McCarthy D. Language development in children. In: *Manual of child psychology*. New York, John Wiley & Sons Inc., 1946, pp. 476–581.
23. Quirk R. A Grammar of Contemporary English. Harlow, Longman, 1985. 922 p.
24. Radovanović A. A. A Contribution to the Future Tense Debate – A Case Study from Serbian. In: *Српски језик: студије српске и словенске*, 2019, no. 24, pp. 675–691.
25. Salkie R. Will: Tense or modal or both? In: *English Language and Linguistics*, 2010, no. 14, pp. 187–215.
26. Tyler A., Jan H. Be going to and will: Talking about the future using embodied experience. In: *Language and Cognition*, 2017, no. 9, pp. 412–445.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ушакова Ирина Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права; e-mail: irina.ushakova.16@mail.ru

Irina B. Ushakova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Khabarovsk State University of Economics and Law; e-mail: irina.ushakova.16@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ушакова И. Б. О будущем через настоящее: заметки о временной референции к будущему в современном русском и английском языках // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Ushakova I. B. The future in the present: on future time reference in Russian and English. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательно независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Туркова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».